АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
имени академика Н. Я. МАРРА
СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

III

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ КУФИЧЕСКОГО ПИСЬМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В истории арабской письменности Средняя Азия занимает особое место, но сохранившиеся памятники, к сожалению, не дают полной картины ее развития в Мāвера̄'ннахре. В процессе закрепления арабов в Средней Азии администрация и представители власти при сношениях с центром омайядского халифата пользовались, несомненно, арабским письмом, как было, например, в Египте уже с 22/643 г.[1] Деловые документы, расписки, приказы, паспорта писались более или менее курсивными почерками. В надписях на монетах, напротив, долгое время в почерке придерживались горизонтальной линии, стволы некоторых букв имели вертикальное положение. Со времени ʿАбд ал-Малика в восточном Хорасане чеканили монеты в Нишапуре и в Мерве, что способствовало созданию каллиграфической традиции, которая проникла и в среду местной хорасанской знати. В 76/695—696 г. в Мерве был выбит дирхем (рис. 1).[2] Единственное письмо согдийца Дӣвāстӣ (Дивастича) к арабскому эмиру ал-Джаррāх̮у 99—100/718—719 гг. показывает, что арабская каллиграфия в Мāвера̄'ннахре совершенно не уступала образцам из западных провинций халифата (рис. 2).[3]

Рис. 1. Дирхем, чеканенный в Мерве 76/695—696 г.

Куфические Кораны первых веков хиджры в среднеазиатских копиях не известны. Грандиозный, так называемый „Османовский" Коран из мечети Х̮ōджа Ахрара датируется началом II/первой четвертью VIII в., но А. Шебунин устано-

[1] В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Древнейший арабский документ из Средней Азии. Согдийский сборник, I, Л., 1934, стр. 74, прим. 1; стр. 73, прим. 3.

[2] Henri Lavoix. Catalogue des monnaies musulmanes de la Bibliothèque Nationale, t. I, Paris, 1887, № 203. — Н. П. Остроумов демонстрировал медный фельс с арабскими надписями, битый в Мерве и найденный в Байрам Али в земле; В. Бартольд датировал его VIII в. (ПТКЛА, г. XVII-й, 1913, протокол № 4, заседание 10 II 1913 г., стр. 58).

[3] В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, ук. соч., табл. к стр. 54 и стр. 89—90.

вил его не среднеазиатское происхождение.[1] Отсутствие рукописей VIII—IX вв. чрезвычайно досадно; многие из них, вероятно, были написаны на самаркандской тряпичной бумаге, которую выделывали с середины VIII в.[2]

О чистоте стиля куфи II—III/VIII—IX вв. можно судить по надписям на ранней поливной керамике, богато представленной на разных городищах, из которых особенно известно городище Афрасиаб. Надписи (по большей части) исполнены черным или красным красителем, лишены пунктуации и знаков чтения; линии очень смелы и прямолинейны, фон свободен от рисунка (рис. 3, *а*—*б*). Оба тона наиболее употребительны в оформлении арабских рукописей. Постепенно буквы обогащаются декоративными элементами; например нӯн украшается полупальметкой (рис. 4), появляется иногда пунктуация, подобно зā в слове المزاج 'уравновешенность'. Редкая по красоте и строгости стиля надпись на светлом фоне фаянсового қаламдана дает имя محمّد بن فضل 'Муҳаммад сын Фадла', вероятно имя владельца.[3] Керамисты Мāверā'ннахра понимали, что изящно написанное изречение достаточно украшает изделие.

На предметах утилитарного характера, где орнаментация излишня, куфи в конце III/IX в. прямолинеен и прост; такова надпись на бронзовой гире с именем Исмā'ӣла Сāмāнӣ (261—295/875—907 гг.)[4] или штемпеля на кирпичах.[5] На предметах обихода знати, которые, кроме официального содержания, были рассчитаны на художественный эффект, надписи выполнены изысканным почерком. Образец подобного рода представляет надпись с именем халифа ал-Му'тамид 'алā-Ллā, вытканная красным шелком на льняной ткани по приказу ал-Му'тадида би-Ллā в дворцовой ткацкой мастерской (ṭирāз) в Мерве بطراز العامّة بمرو в 278/891 г. (рис. 5).[6]

Ал-Му'тадид би-Ллā, сын ал-Муваффаķа Ṭалķа, племянник халифа ал-Му'тамида и будущий халиф, унаследовал права и обязанности отца, в число которых входило командование войсками и охрана границ. Ал-Муваффаķ умер

---

[1] А. Шебунин. Куфический Коран имп. СПб. Публичной библиотеки. ЗВО РАО, т. VI, СПб., 1892, стр. 123—124.

[2] Китайская тряпичная бумага известна со II в., согласно исследованию А. Стейна (Sir Aurel Stein. Serindia. Oxford, 1921, стр. 650, 673); ср.: W. Barthold. Turkestan down to the Mongol Invasion. Gibb Memorial Series, New Series, V, London, 1928, стр. 237.

[3] Цитированная надпись украшает фаянсовый қаламдан, обломанный, из собрания С. М. Дудина-Столярова, № 1332—57, Государственный Эрмитаж.

[4] М. М. Дьяконов. Бронзовая гиря с именем Исмаила Самани. Труды Отдела истории культуры и искусства Востока, Государственный Эрмитаж, т. II, Л., 1940, стр. 165—176, с 4 рис.

[5] См. рецензию В. В. Бартольда на „Справочную книжку самаркандской области. Выпуск VIII. Самарканд, 1906". ЗВО, т. XVIII, стр. 0188.

[6] Hassan Moh. Hawary. Un tissu abbaside de la Perse. Bulletin de l'Institut d'Égypte, t. XVI, Le Caire, 1934, стр. 61—71, с 3 табл. — Ср.: В. Крачковская. Задачи арабской эпиграфики в СССР. Труды первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г., Труды Института востоковедения Академии Наук СССР, XXIV, М.—Л., 1937, стр. 131.

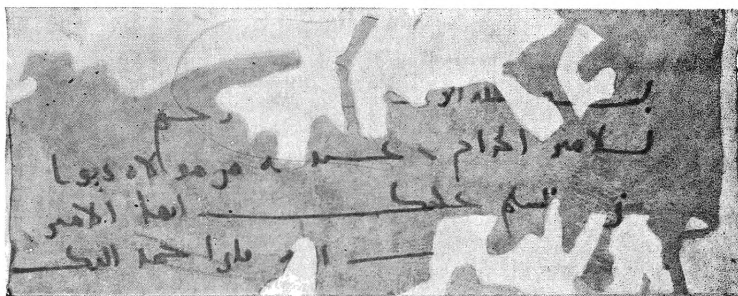
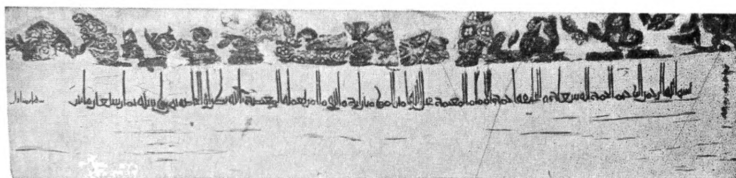

Рис. 2. Письмо согдийца Дӣвāстӣ 99—100/718—719 гг. Деталь.

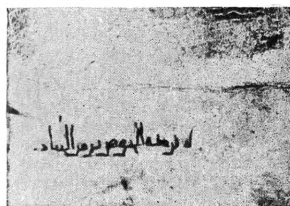
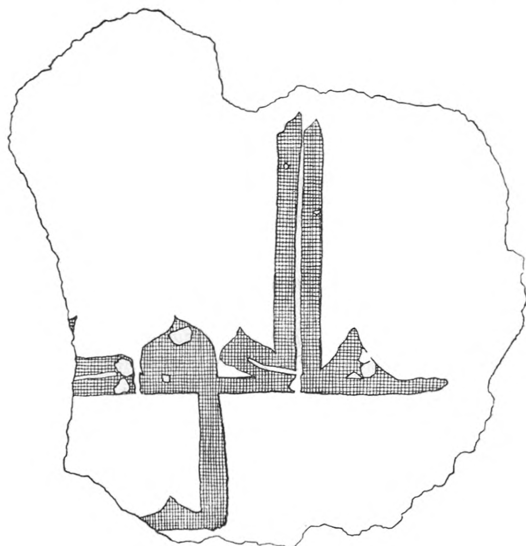

Рис. 5. Шелко-льняная ткань с ṭирāзом из Мерва 278/891 г.

Рис. 6. Шелко-льняная ткань с ṭирāзом 293/891 г.

8 ṣафара 278/22 мая 891 г.;[1] следовательно, надпись выткана в Мерве между 22 мая 891 г. и 3 апреля 892 г., когда закончился 278 г. х.

а

б

Рис. 3, *а* — *б*. Надписи на поливной керамике II- III/VIII—IX вв. Афрасиаб.

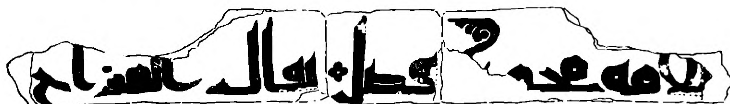

Рис. 4. Надпись фаянсового қаламдана III/IX в.

Известны еще четыре образца тканей, на которых Мерв назван как место производства: на ṭирāзе 277/890 г. вытканы имена халифа ал-Муʿтамида,

[1] K. V. Zettersteen. Al-Muʿtamid. Enzyklopaedie des Islam (цитируется сокращенно: EI), т. III, стр. 841. — Al-Muʿtaḍid, там же, стр. 839. — W. Barthold. Turkestan. „E. J. W. Gibb Memorial Series", New Series, V, Oxford, 1928, стр. 217, 219.

ал-Муваффака и в конце надписи — имя 'Йса (вероятно имя мастера); два ṭира̄за преемника ал-Му'тамида, халифа ал-Му'таḍида, 283/896 и 286/899 гг., и один ṭира̄з времени халифа ал-Муктафи, но без его имени, 293/906 г.[1]

Почерк на мервском ṭира̄зе 278/891 г. очень своеобразен и сильно отличается от многих аббасидских тканей, близких по времени. Компактные знаки у линии строки создают впечатление горизонтальной полосы, хотя в надписи имеются дугообразные лигатуры и дуги в̄ва свисают ниже строки. Высокие буквы в 4—5 раз выше низких букв, кроме слова الله, в котором стволы последовательно понижены;[2] окончания ва̄ва, ра̄ и за̄йна подняты вверх.[3] Необычная форма да̄ль, напоминающая джӣм-ха̄, встречается в словах:

الحمد, المعتمد, احمد, المعتضد, ايّده, سعادة;

столь же необычайна форма мӣма в виде треугольника, поставленного на одну из вершин بسم, بعمرو; среднее та̄ наклонено параллельно предшествующему 'айну.

Фон ткани около надписи свободен от украшений; над надписью орнаментальный узор плохо сохранился. Отступя от конца надписи, немного мельче и суше, выткано красным шелком имя سهل بن شاذان 'Сахл сын Ша̄да̄на', предположительно имя ткача; отступя от начала надписи, в вертикальном положении, мелко и небрежнее, красным и голубым шелком изображено: بركة للجوهر بن الخبّاز 'Благословение Джаухару сыну пекаря'; здесь может быть назван владелец ткани, и это пожелание было вышито позднее.

На мервском фрагменте ṭира̄за 278/891 г. узор имеет строго орнаментальный характер. В нем различаются S-образные мотивы и сердцевидные, но основной мотив ткани представляет непрерывную серию овалов, с четырьмя светлыми „глазками" внутри каждого овала, на фоне поочередно светлом или темном. Окаймление овалов в виде белой ленты, с темной полоской посредине ее, вьется волнообразно. Нижний край узора занимают полуовалы с тремя светлыми точками.

Подобный рисунок бордюра имеется на анонимном и недатированном фрагменте шелко-льняной ткани с ṭира̄зом в лондонском собрании.[4] В этом экземпляре была замечена некая „странность" бордюра, причем происхождение мотива осталось для исследователей неясно. Так как мервский датированный ṭира̄з 278/891 г. и лондонский фрагмент № 11/127—1891 сходны по материалу и по орнаменту, можно предположить, что оба они вытканы в Мерве и, следовательно, лондонский фрагмент можно датировать 275—300 гг. х.

---

[1] H. M. Hawary, ук. соч., стр. 63, прим. 1. — Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, т. II, Le Caire, 1932, № 753, Coll. Tano; т. III, № 810, Афины; № 865, Каир.

[2] В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии. Труды Музея палеографии АН СССР, т. III, Л., 1929, табл. I, рис. 2, 233/848 г.; табл. II, рис. 2, 242/856 г.; табл. V, рис. 1, 243/857 г.; стр. 28, прим. 3—4; стр. 34, прим. 3.

[3] В. А. Крачковская, ук. соч., стр. 99—100: об удлинении окончаний букв вверх.

[4] A. R. Guest. Notice of some arabic inscriptions on textiles of the South Kensington Museum. JRAS, April, 1906, стр. 397, табл. III, № 11.

Весенние ткани из Мерва и осенние с двойным утком славились при Сасанидах, как передает Т̱а'алибӣ в известном отрывке из разговора Хосроя с пажем.[1] Хлопчатые ткани были главной специальностью средневекового Мерва. Особенно знамениты были тонкие мервские головные повязки и толстые ткани; их вывозили в различные страны, а в некоторых центрах халифата выделывали подражания им. Арабский географ ал-Муҡаддасӣ сопоставлял по качеству ткани из некоторых иранских городов с мервскими: „оттуда [из Тустера] поступают красивые ткани вроде Мерва". „В Иҫфахāне ткали мервские ткани". Толстые ткани, вроде мервских, и тончайшие покрывала вырабатывались в пригороде Иҫфахāна, Йахӯдӣйе.[2]

Ткани из льна в Мāвера'ннахре были также известны: Исмā'ил Сāмāнӣ одаривал своих военачальников льняными одеждами, которые ценились особенно высоко. Конечно, на одеждах саманидских военачальников, пожалованных не самим халифом, не могли быть вытканы официальные формулы.[3] Отмеченный лондонский фрагмент ткани с ṭирāзом происходит с кладбища в Верхнем Египте, что нисколько не противоречит мервской атрибуции, так как все документированные мервские образцы найдены в Египте.

Ткацкое ремесло в Мерве было сосредоточено в квартале ткачей.[4] Нельзя, впрочем, утверждать, что „ṭирāз ал-х̮аҫҫа" 'частный, личный ṭирāз', т. е. ткацкая мастерская халифа, находилась в квартале ткачей, а не при дворце. Производство тканей было поставлено под наблюдение ответственного управителя — мух̮тасиба или фаҡӣха, который был обязан следить за качеством тканей и изображением имени халифа на изделиях.[5]

В Мичиганском университете имеется фрагмент ткани из хлопка и шелка; красным шелком на ней выткано имя халифа ал-Муҡтафӣ и неполная дата [2]93/905—906 г. Замечателен на этом фрагменте стиль почерка и сходство его с экземплярами в некоторых других коллекциях;[6] как правило, все они хлопчато-шелковые. Место изготовления сопоставленных фрагментов не известно; исследователи допускают три центра производства: Йемен, Иран (без дальнейших уточнений) или Месопотамию, причем Египет, согласно Пфистер (Pfister), исключается.[7] Следует признать громадное палеографическое сходство мичиганского ṭирāза ал-Муҡтафӣ 293/905—906 г. (рис. 6; ср. рис. 5) и мервского 278/891 г. Стиль обеих надписей одинаков, с той разницей, что в позднейшем образце

---

[1] Arthur Christensen. L'Iran sous les sassanides. 2-е изд., Copenhague, 1944, стр. 473. — P. Schwarz. Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen. T. IV. Leipzig, 1929, стр. 356, прим. 8; стр. 425; т. V, стр. 599. Относительно вывоза тканей из Самарканда при Саманидах см.: W. Barthold. Turkestan, стр. 295; о мавераннахрских шелках и хлопчатых тканях — стр. 236.

[2] P. Schwarz, ук. соч., т. VII, стр. 889.

[3] A. R. Guest, ук. соч., тексты №№ 10 и 11.

[4] A. Jakoubovsky. Merw al-Shahidjan, EI, дополнительный том, вып. 3—4, стр. 160.

[5] A. Mez. Die Renaissance des Islam. Heidelberg, 1922, стр. 393—394, 435.

[6] Florence E. Day. Dated Tiraz in the Collection of the University of Michigan. Ars Islamica, т. IV, 1937, стр. 426—427, рис. 6.

[7] Florence E. Day, ук. соч., 427.

треугольных букв больше (кроме мӣма, конечного х̮а̄); появились добавочные вертикали над низкими буквами та̄ и нӯн سنة المكتفى; среднее фа̄ للخليفة получило „подставку“.

На основании поразительного палеографического сходства, единства материала и близости даты, к небольшому циклу из пяти тканей, вытканных в Мерве, можно с полной уверенностью присоединить фрагмент Мичиганского университета 293/905—906 г. Гадательный вопрос о месте производства т̣ира̄зов с надписями такого стиля совершенно точно решается в сторону Мерва, а почерк должен быть связан с именем Сахля сына Ша̄д̱а̄на.

Рис. 7. Дирхем Нас̣ра II, сына̄ Ах̮мада, Нӣша̄пӯр, 305/917—918 г.

С датой мервской ткани конца III/начала X в. почти совпадает новое течение в графике надписей на саманидских монетах, до того времени только куфических. На самаркандском дирхеме 296/908—909 г. имя халифа ал-Мук̣тадира би-Лла̄ попрежнему изображено куфическими знаками, но имя амӣра Ах̮мада сына Исма̄ʿӣла — курсивным почерком насхи.[1] С этих пор на саманидских монетах соседство двух арабских почерков обнаруживается нередко. Те же сочетания прослежены на монетах, битых в Ша̄ше, в Самарк̣анде в 297/909—910 г., в разных городах Ма̄вера̄ʾннахра в следующем году, в Ша̄ше и Самарк̣анде в 300/912—913 г., в А̄моле в 302/914—915 г. Система продолжается на монетах Нас̣ра II сына Ах̮мада, битых в Андера̄бе в 304/916—917 г. и в Нӣса̄бӯре (Нӣша̄пӯре) 305/917—918 г. (рис. 7). При Манс̣ӯре I, сыне Нӯх̮а I, в 356/966—967 г. в г. Ахсикет на лицевой стороне монеты почерком насхи было изображено имя Ах̮мад.

Выделение имени амӣра другим почерком, вероятно, имело целью оттенить могущество Саманидов и слабую зависимость от халифа.

При Алп Тегӣне в зарождающееся газнавидское государство проникла из Ма̄вера̄ʾннахра традиция смешения двух почерков на монетах; через некоторое время она отразилась также на стиле лапидарных надписей в г. Газна; появился насхи и на монетах Караханидов в конце IV/начале XI в.[2]

Лапидарные надписи Саманидов не известны. Погибли саманидские архивы и библиотека, которую С̱аʿалибӣ называл: „дом славы, Каʿба верховной власти, место собрания знаменитых людей века...“ Библиотеку в Бухаре при Нӯх̮е I, сыне Манс̣ӯра (ум. 387/997 г.), посещал и оценил в своей автобиографии Ибн Сӣна̄ — Авиценна[3] следующими словами: „ни до того, ни после мне не прихо-

[1] В. А. Тизенгаузен. О саманидских монетах. Труды Восточного отделения Археологического общества, ч. I. С.-Петербург, 1855, стр. 211.

[2] V. Kratchkovskaya. Naskhi Inscriptions. A Survey of Persian Art, т. II, стр. 1770—1771. — Stanley Lane-Poole. Catalogue of Oriental Coins in the British Museum, т. II, London, 1876, № 449.

[3] W. Barthold. Turkestan, стр. 9.

дилось видеть такой библиотеки..."[1] Впоследствии бухарская библиотека пополнилась за счет библиотеки султана Мас'ӯда I из Газны.[2]

Потеря стольких рукописных сокровищ невознаградима; каковы были некоторые почерки тщательно оформленных манускриптов при Саманидах, можно установить путем изучения эпиграфических мотивов на саманидской керамике.

В Бухаре, вероятно, встречались экземпляры куфических Коранов IX в., артистически переписанные и подобные Корану, который в 256—260/869—874 гг. пожертвовал в вакф Амāджӯр, дамасский наместник 'аббасидского халифа ал-Му'тамида[3] (рис. 8). Не позднее середины III/IX в. расписана чаша из руин

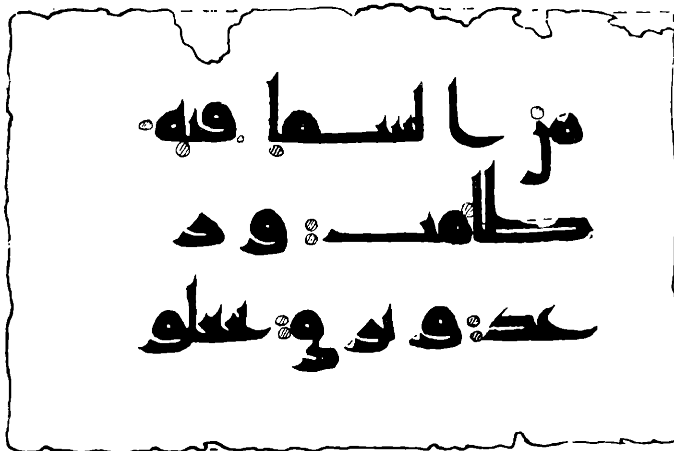

Рис. 8. Коран 869—874 гг. Вакф Амаджӯра.

Нӣшāпӯра (рис. 9) (из холма Сабз Пушан), замечательная не только архаичностью почерка, но и обводкой толстых черных букв по самому контуру тонкой красной линией.[4] Типичные для керамики Афрасиаба варианты куфи имели тонкие, стройные вертикали и аккуратно растянутые горизонтали (рис. 10).[5] Ритмически чередуются устремленные к центру по две или по три высокие буквы и горизонтальные отрезки изречения; корпуса букв дāль и кāф перевиты. К этому почерку приближается фрагмент в Отделе Востока Государственного Эрмитажа, происходящий с Афрасиаба; на нем низкие буквы ясно пунктированы и меньше прижаты к линии строки (рис. 11).[6] По каллиграфическим достоин-

[1] Акад. А. Кримський. Історія Персії та її письменства, I. Київ, 1923, стр. 84.

[2] Heffening. Kitābkhāna. EI, т. II, стр. 1123.

[3] B. Moritz. Arabische Schrift. EI, т. I, табл. IV: страница из Корана Амāджӯра.

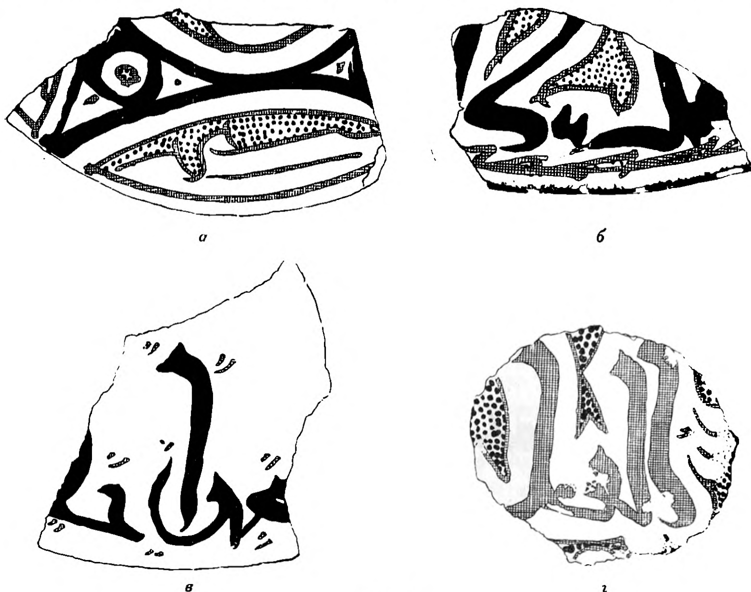
[4] The Metropolitan Museum of Art. The Iranian expedition 1936, New York, 1937, стр. 10, рис. 2. — Fr. Sarre. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925, Anhang I, Epigraphisches von Ernst Herzfeld, рис. 174: пальметка над буквой ṭā.

[5] S. Flury. Calligraphy. B. On Pottery. SPA, т. II, стр. 1752, рис. 607; т. V, табл. 560 A.

[6] Государственный Эрмитаж, Собрание С. М. Дудина-Столярова, № 1332—735.

ствам эпиграфические мотивы саманидской керамики III/IX в. стоят неизмеримо выше находок в Самарре.[1]

В IV/X в. каллиграфы чаще применяли „подъем вверх“ в окончаниях букв. Излюбленное в качестве хорошего предзнаменования слово „счастье“ اليمن, вместо правильной орфографии, при небрежной работе искажалось, распадалось

а *б* *в* *г*

Табл. I.

а — г — обломки поливных чаш X в. Афрасиаб.

на отдельные буквенные элементы (рис. 12, *а*) и превратилось в повторяющийся мотив (рис. 12, *б*; табл. II, *а*).

К концу III/IX — началу IV/X в. на самаркандской керамике часто выделяли светлые буквы куфи резервом по белой обмазке красной контурной линией, а прилегающий участок фона усеивали черным пунктиром, как видно на фрагменте из раскопок В. В. Бартольда на Афрасиабе (табл. I, *а*),[2] на двух изображениях, изданных В. Л. Вяткиным,[3] и на многих других.

Чтобы выделить темную надпись на светлом фоне, отступя от букв и почти параллельно им, проводили контур красным, прочие участки фона заполняли пунктиром. При удачном подборе слов из высоких буквенных стволов и пунк-

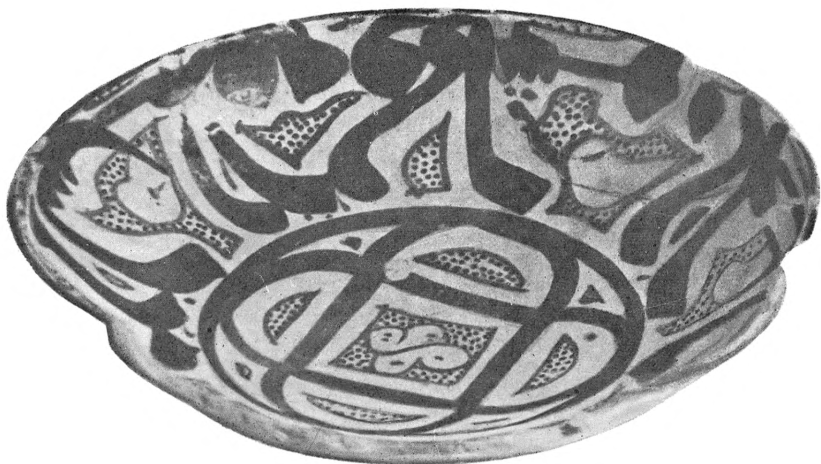
[1] Fr. Sarre, ук. соч., рис. 174, таблица шрифта и другие рисунки.

[2] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб. Ташкент, 1927, рис. на стр. 44. — S. Flury. Ornamental kufic Inscriptions... SPA, т. II, рис. на стр. 1765.

[3] В. Л. Вяткин, ук. соч., табл. VI.

а

б

Табл. II.

а — полихромное блюдо с эпиграфическим узором; *б* — поливное блюдо X— середины XI в. Афрасиаб. Фото А. И. Тереножкина.

тира фона создается почти симметричный радиальный узор, главным образом за счет буквы ла̄м. Верхняя часть ствола ла̄ма загнута налево; стволы алифа сильно наклонены направо, полулежат, извилисты, а вершина загнута налево; конец алифа, после загиба направо, обрывается наподобие запятой. Таков бордюр блюда, случайно найденного А. И. Тереножкиным на городище Афра-

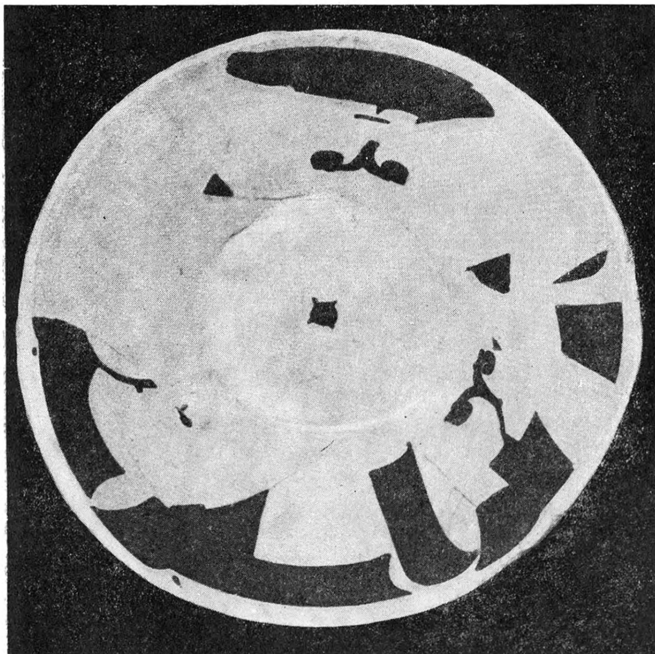

Рис. 9. Чаша из Нӣша̄пӯра, середины III/IX в.

сиаб летом 1946 г. в пункте № 22. В этом почерке ощущаются нажимы руки писца и курсивное движение[1] (табл. II, *б*).

Интересно проследить взаимоотношение рукописных и керамических почерков рассматриваемого периода. На первой строке в начале сур из недатированного Корана Узбекского центрального Государственного музея, в отличие от остального текста, алиф и ла̄мы имеют все особенности, отмеченные

---

[1] Приношу искреннюю благодарность А. И. Тереножкину за предоставленные два фотоснимка афрасиабской керамики эпохи Саманидов. См. также: В. Л. Вяткин, ук. соч., стр. 48, табл. IV, два нижних блюда.

в последнем образце керамического почерка. Наиболее извилист и склонен алиф в начале суры 67-й; лигатуры остроугольны (табл. III, *а*).[1]

Чтобы уточнить дату почерков этого рода, сравним извилистый алиф в куфическом заголовке „Географии" Абу Зайда ал-Балхи 320/932 г., без курсивного загиба в окончании,[2] и копию сочинения „Биографии грамматиков Басрийской школы" ас-Сӣрāфӣ,[3] переписчик которой — уроженец города Рейй,

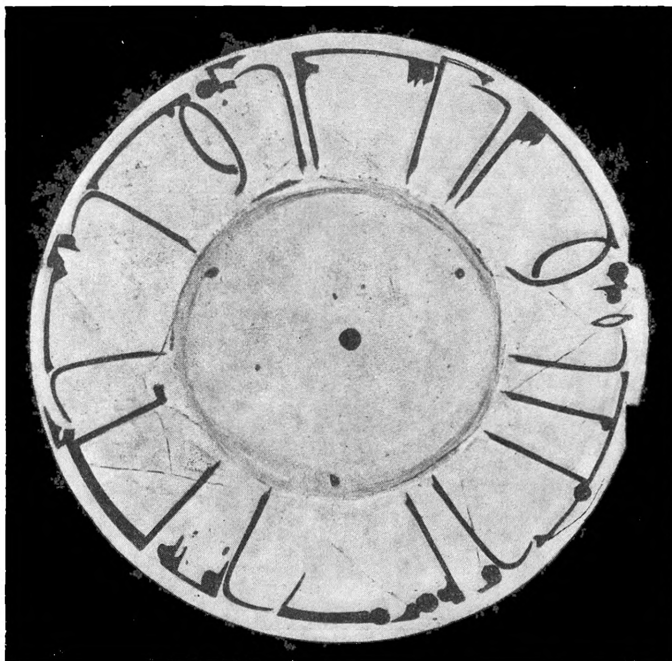

Рис. 10. Поливная чаша IX в. Лувр.

по имени Шāд̱āн ар-Рāзӣ, традиционист — оказался первоклассным каллиграфом: прозу он переписал почерком куфи, стихи — насхом. „Басмала" на л. 2 и строка 2 на л. 34 выделены крупным почерком переходного, смешанного характера (табл. III, *б*). Горизонтальная линия строки нарушается угловатыми лигатурами;

[1] Почерк определяется здесь по фотографиям с 8 листов Корана из Узбекского центрального Государственного музея, на которых имеются начала сур 43, 46, 67.

[2] Ahmed Mousa. Zur Geschichte der islamischen Buchmalerei in Aegypten. Cairo, 1931, табл. IV (14): лист из „Географии" Абу Зайда ал-Балхи.

[3] F. Krenkow. Biographies des grammairiens de l'école de Basra. Bibliotheca Arabica publiée par l'institut d'Études orientales, Faculté des lettres d'Alger, Paris-Beyrouth, 1936. — Полное имя автора „Биографий": Абӯ Са'ӣд ал-Х̣асан бен'Абд Аллāх бен ал-Марзубāн ас-Сӣрāфӣ; он родился на берегу Персидского залива, умер в Багдаде в 321/933 г.

а

б

Табл. III.

а — лист Корана X в.; *б* — рукопись сочинения ас-Сӣра̄фӣ 373/983 г.

а

б

в

Табл. IV.

а — б — автограф ал-Бӣрӯнӣ 416/1025 г.; *в* — фармакология Муваффака 447/1065 г.

высокие буквы вверху написаны с сильным нажимом и загибом в левую сторону; стволы несоединенного алифа наклонены направо под углом в 20°, ствол т̣а̄ — на 25°. Окончания алифа в виде запятой, небольшой загиб х̮а̄ в имени الاخطل ʿал-Ахт̣ал' и другие детали являются следствием курсивных изменений, которые особенно заметны на л. 34, строки 1 и 3, и в остальном тексте; совершенно курсивно начертание يُغْضِيم (л. 2, строка 2 снизу). Основной почерк рукописи „Биографий" ас-Сӣра̄фӣ имеет громадное сходство с Кора-

Рис. 11. Фрагмент поливного блюда IX в.

ном Узбекского центрального Государственного музея. Копия Ша̄д̱а̄на ар-Ра̄зӣ датирована месяцем джума̄да I 373/11 октября — 9 ноября 983 г.

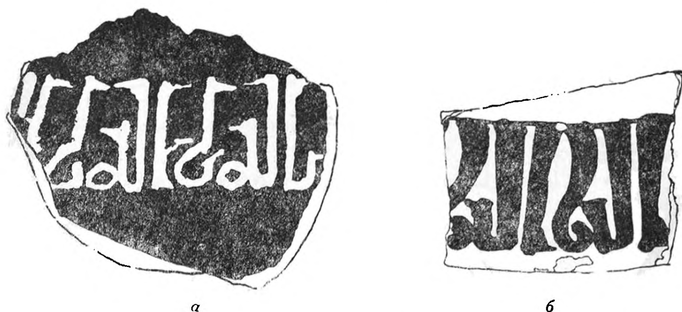
Почерк уроженца Хорезма Абӯ-р-Райх̣а̄на Мух̣аммада бен Ах̣мада ал-Бӣрӯнӣ (сам он называл себя ал-Байрӯнӣ), автограф которого в Константинополе датирован 20 раджаба 416/16 сентября 1025 г., напоминает руку Ша̄д̱а̄на ар-Ра̄зӣ (табл. IV, *а* — *б*).[1] Ал-Бӣрӯнӣ говорил: „Арабское письмо, со всей его красотой, имеет два серьезных дефекта. Один—тот, что многие буквы имеют одинаковую форму и могут быть отличены только диакритическими знаками, которые часто

[1] F. Krenkow. Abu r-Raihan al-Beruni. Islamic Culture, т. VI, № 4, Hyderabad Deccan, oct., 1932, стр. 528—534, с 2 табл.; автограф издан по рукописи „Tahdīd Nihāyāt al-Amākin fī Taṣḥīḥ Masāfāt al-Masākin"; цитата переведена со стр. 531 издания.

пропущены писцами и, в дополнение, для правильного понимания необходима огласовка...“ Сообразно со своими воззрениями, ал-Бӣрӯнӣ щедро пунктировал свой автограф.

В копии „Фармакологии“ Муваффаḳа бен ʿАлӣ ал-Херавӣ на персидском языке переписчик по имени ʿАлӣ, сын поэта ал-Асадӣ из Ṭӯса, писал в 447/1065 г. одни слова насхом, другие куфи и связывал буквы то дугообразными, то ломаными лигатурами; в заголовках „Фармакологии“ насх крупнее[1] (табл. IV, *в*), Абӯ Бакр ал-Газнавӣ в 566/1171 г. продолжал ту же хорасанскую традицию, но почерк у него для основного текста сур Корана строже, а колофон совершенно курсивен.[2]

Сравнение алифа на среднеазиатской керамике (табл. I, *б*—*г*) с почерками уроженцев Хорасана и Хорезма между 320—447/932—1055 гг. позволяет уточнить соответственно датировку этой керамической группы (рис. 13). Можно

а *б*

Рис. 12, *а*—*б*. Два фрагмента поливной керамики X в. „Ал-юмн“.

предположить, что в саманидских рукописях употреблялся подобный почерк, но на современной стадии исследования нельзя еще решить, где возникла эта манера письма. В заголовках и титульных листах роскошных рукописей, вероятно, имело место крапление фона, отделенного от текста контуром; оно гораздо чаще встречается на среднеазиатской керамике времени Саманидов, чем на ʿаббасидской керамике из Самарры,[3] и среднеазиатские каллиграфы, может быть, являются инициаторами декорации фона рукописей, которая в последующие века получила богатое развитие.

---

[1] V. A. Kratchkovskaya. Ornamented naskhi Inscriptions. SPA, Vol. II, стр. 1770. — W. Wright. The Palaeographical Society. Facsimiles of ancient Manuscripts. Oriental Series, Part I, London, 1875, табл. VIII — IX. — B. Moritz. Arabische Schrift. EI, т. I, стр. 409.

[2] Ahmed Mousa, ук. соч., табл. XIX (31): лист из Корана Абӯ Бакра ал-Газнавӣ.— B. Moritz, ук. соч., табл. V: два других листа из того же экземпляра.

[3] Fr. Sarre. Die Keramik von Samarra, стр. 85, рис. 180; табл. XIV, рис. 2: чашечка, расписанная люстром.

К особой группе декоративного куфи принадлежит роспись фрагментированного сосуда киевского собрания (рис. 14). Дугообразные выступы образованы на вертикалях алифа и ла̄ма, сложный узел сплетается с низкой буквой;

Рис. 13. Буква алиф VIII—X вв.
1 — 719 г.; *2* — IX в.; *3* — 932 г.; *4—5* — 983 г.; *6—9* — X в.

на стволах букв типа ка̄ф надеты кольца. В почерке египетских надгробий дуги известны на горизонтальных линиях с конца II/начала IX в., а в начале III в., с 816 г., — на вертикальных стволах, не только в лапидарных надписях,[1]

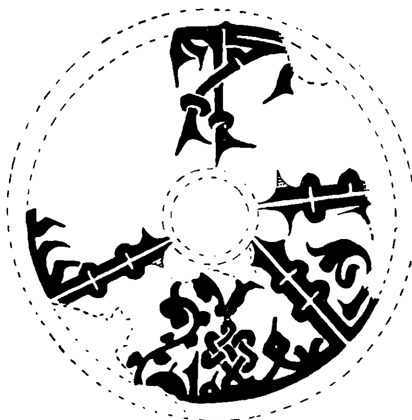

Рис. 14. Блюдо с надписью XI в.

но и на тканях. На востоке халифата наибольший сравнительный материал дают монументальные надписи начала XI в., к которым мы и перейдем.

Надпись хо̄резмша̄ха Ма'мӯна II на свинцовой плите 401/1010—1011 г. с упавшего минарета в Урге̄нче[2] (рис. 15) незатейлива по сравнению со слож-

[1] В. А. Крачковская, ук. соч., стр. 77—79.

[2] Н. Катанов. Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куня-Ургенча, ЗВО, т. XIV, СПб., 1902, стр. 015–017, с 1 рис. — W. Barthold. Khwārizmshāh, EI, т. II, 1927, стр. 980. — А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Изв. ГАИМК, т. VI, вып. II, Л., 1930, стр. 33, прим. 1.

ными плетениями из кирпича на минарете в Термезе (Тирмид) 423/1032 г. (рис. 16)[1] и на башне в Ра̄дка̄не 407—411/1016—1021 гг. (рис. 17). Относительная простота свинцовой надписи зависит от фактуры, сложности формовки

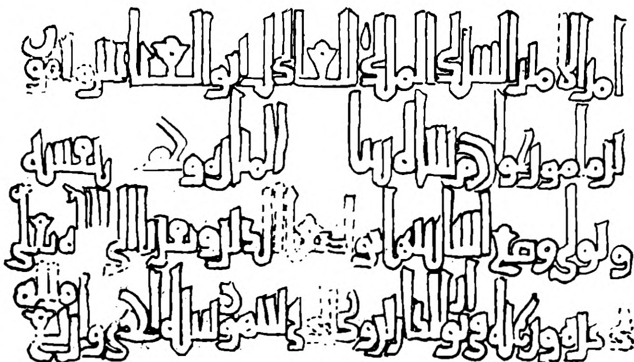

Рис. 15. Надпись минарета 401/1010—1011 г. Ургенч

и экономии материала. Почерк сжат максимально и лишен плетений; в нем преобладают вертикали, но имеются курсивные детали.

На известной каменной колонне Джум῾а мечети в Сайраме (рис. 18)[2] горизонтальная линия в двух поясах создает впечатление архаичности; тем не менее,

Рис. 16. Минарет в Термезе 423/1023 г. Деталь надписи.

подъем окончаний вверх и сплетение конечного йа̄ роднят сайрамскую надпись с узлами и плетенками радканского алфавита (рис. 19),[3] в частности, с сердце-

[1] S. Flury. Islamische Schriftbänder, табл. XX: вид башни; стр. 49, рис. 16: деталь надписи.

[2] М. Е. Массон. Старый Сайрам. Ташкент, 1928, стр. 29—31, рис. по фотографии А. Ю. Якубовского и таблица. — Фототека ИИМК, №№ 87345—87347, 87557, фотоснимки А. Ю. Якубовского. Ср.: М. С. Андреев. По Таджикистану. Отчет по экспедиции 1925 г., вып. 1, Ташкент, 1927, стр. 13.

[3] S. Flury, ук. соч., табл. XIV.

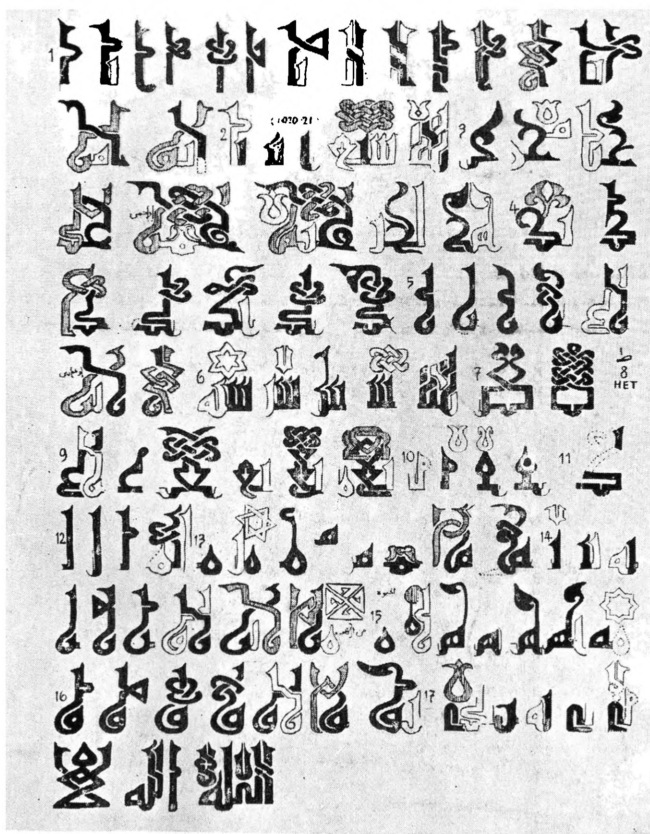

Рис. 17. Алфавит башни в Pāдкāне 401—411/1016—1021 гг. по С. Флюри.

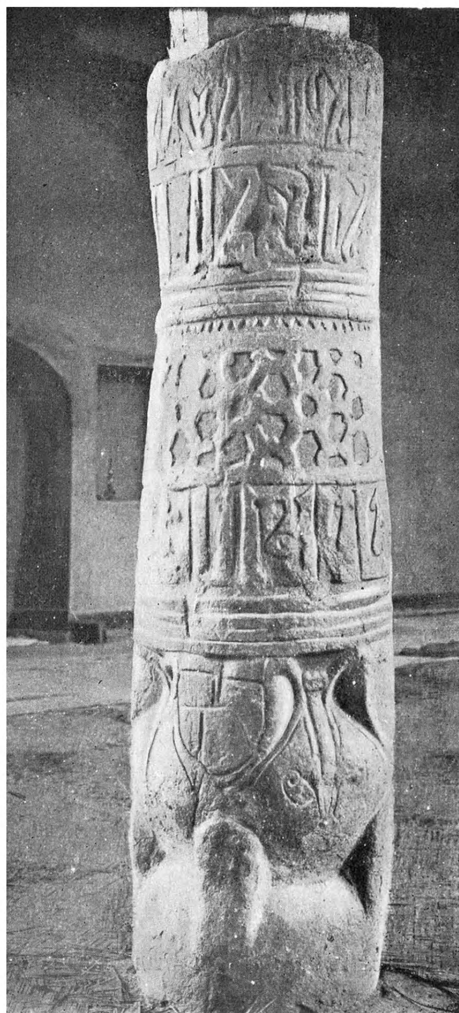

Рис. 18. Сайрам. Каменная колонна мечети.
Фото А. Ю. Якубовского.

видными узлами и подобиями восьмерки (рис. 20). Склонение широких буквенных окончаний на сайрамской колонне соответствует сильным нажимам в почерке куфи переходного периода IV — V/X — XI вв.

Дуги на стволах алифа, лāма и прочих букв в радканском алфавите позволяют датировать киевское блюдо (рис. 14) первой четвертью XI в. в отличие от датировки X в., которую предлагал С. Флюри.[1]

Рис. 19. Сайрам. Верхняя надпись каменной колонны мечети, 404/март — апрель 1014 г.

В резьбе по дереву и стуку рельеф разнообразнее и пластичнее, чем на камне. Между прочим, надпись „цветущим" куфи хорошего стиля на колонне мечети Джумʿа в Хиве можно датировать V/XI в. К этой группе и периоду относятся надписи на трех михрабах: в селении Искодар, в Мешхеде и Данденакане.[2] Все три надписи очень скупо изукрашены растительными мотивами. В Мешхеде и Данденакане низкие буквы вершинами достигают верхнего уровня высоких букв и поднятых окончаний; посредством тонких или уширенных стрелок создано равномерное заполнение эпиграфического пояса или строки (рис. 21, *а*, *д*, *е*). Для заполнения фона введены в Мешхеде, кроме того, каплевидные вставки. Не вполне уцелело обозначение даты на михрабе в Данденакане; оно колеблется между 440—490/1048—1097 гг., т. е. в пределах полустолетия. Судя по аналогии с Данденаканом, михраб в Мешхеде предпочтительнее датировать позднее, чем предлагал Г. И. Котов.[3]

Рис. 20. Узловидные плетения из алфавита 411/1021 г. Рāдкāн.

Газнавидскому стилю была свойственна острота клиньев, с типичным стрельчатым мимом (рис. 21, *б*—*г*).[4] Вытянутая стрелка сглаживала впечатление

[1] S. Flury. Ornamental kufic inscriptions on pottery. SPA, II. — S. Flury. Islamische Schriftbänder, стр. 26.

[2] B. Denike. Quelques monuments de bois sculpté au Turkestan occidental. Ars Islamica т. II, ч. I, 1935, стр. 70, рис. 4.

[3] Г. Котов. Михраб Мешед-и Мисриана. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград, сентябрь 1935. М.—Л., 1939, стр. 105—106.

[4] S. Flury. Ghazni, табл. IX; X, *i*; XI; XIX, рис. 5.

пустоты над низкими буквами. Стрельчатые формы вершин появлялись на неполивной (штампованной) среднеазиатской керамике, которую можно датировать V—VI/XI—XII вв.;[1] представлены они также и в надписях иранских надгробий первой половины VI/XII в.[2]

На монументальном портале Рабат-и Малик Караханида Шамс ал-Мулк Насра, сына Тамгāч хāна Ибрāхūма (460—472/1068—1080 гг.),[3] кроме букв из кирпича и побегов на фоне надписи, введены местами дополнительные стволы над низкими буквами и U-образные украшения, ради равновесия

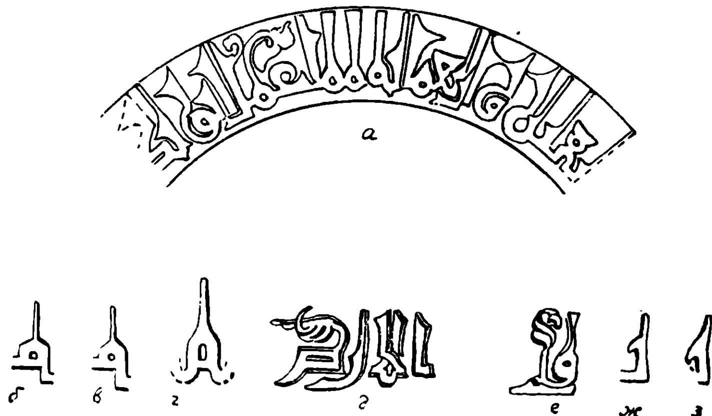

Рис. 21. Детали надписей и алфавитов в Данденакане, Газне и Мешхеде.

с густо заполненной письмом нижней зоной эпиграфического пояса на обходе арки (рис. 22). Такие дополнения к надписям есть на надгробии Себуктегūна в Газне (ум. в 387/997 г.)[4] и в надписях его потомков. К сожалению, саманидские образцы этого рода не известны. В мавзолее Мухаммада Ханапья 506/1112—1113 г. близ руин Мерва был создан ритмический рисунок в верхней зоне фриза с помощью обоих дополнительных элементов (добавочных стволов и U-образных украшений), но не связан гармонично с текстом (рис. 23): орнаментальные вставки помещены то над вершиной одной буквы, то над двумя соседними буквами, то над начальным выступом трехзубчатой буквы; сплетения

[1] Фрагмент в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

[2] SPA, т. IV, табл. 519, *E*, 535/1141 г.; табл. 520, 533/1138 г.

[3] И. И. Умняков. Рабат-и Малик. Сборник, посвященный В. В. Бартольду. Ташкент, 1927, стр. 179—192; стр. 187 — транскрипция надписи, с лакунами; рис. 3 — деталь портала с надписью по обводу арки. — W. Barthold. Turkestan, стр. 248, прим. 3. — SPA, т. II, рис. 461, стр. 1278, 1723; т. V, табл. 272, *B*.

[4] S. Flury. Le décor épigraphique des monuments de Ghazna. Syria, т. VI, 1925, табл. VI—VII, *1*; табл. XI, *2*; XII, XXIV.

букв немно очисленны, причем встречаемые здесь узлы конечного йā надолго закрепляются в эпиграфике Средней Азии.[1]

Эпиграфические памятники VI/XII в. по богатству рисунка стоят на большой высоте, особенно резанные по глине и обожженные плитки в Ӯзгенде. Надписи северного мавзолея в 1947 г. издал А. Ю. Якубовский.[2] Над входом в северный мавзолей 547/1152 г. в блестящем образце куфи сочетается повторяющийся узор из звезд с плетениями буквенных стволов, а при отсутствии восходящих стволов от строки надписи смело введены дополнительные петли и линии.[3] На обводе арки портала северного мавзолея надпись с датой постройки насыщена элементами скорописи и реминисценциями куфи; достаточно сравнить плетеное окончание йā в словах „ʿАлӣ“, „муджтабā“ из куфического фриза и слова „Муҫтафā Мухаммад ал-набӣ ҫаллā.. “, завитки буквы джӣм и другие украшения на обводе арки (рис. 24).

Рис. 22. Рабāт-и Малик 460—472/1068—1080 гг. Деталь надписи арки.

На портале южного мавзолея в Ӯзгенде 581/1186 г., как на северном мавзолее, надписи почерками куфи и насхи одинаково важны по содержанию; ни тот ни другой стиль почерка не имеет подчиненной роли. Насхи здесь меньше, чем на северном мавзолее, насыщен куфическими элементами, но в случае отсутствия вертикалей введены вставные украшения вроде ижицы[4] (рис. 25). В мавзолее султана Санджара в Мерве (ум. 552/1157 г.) на щеках сводов галереи первого яруса встречается подобный насхи и более бедный плетениями куфи.[5] В Ӯзгенде куфический фриз южного мавзолея выписан с широкими лигатурами: буквы связаны с плетеными так называемыми „узлами счастья“ трех видов, заканчиваются парными полупальметками и образуют, таким образом, повторяющиеся мотивы в средней зоне фриза и

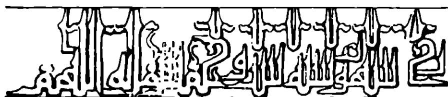

Рис. 23. Надпись мавзолея Мухаммад Ханапья 506/1112—1113 г. По фото Н. М. Бачинского.

[1] Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении. Москва — Ашхабад, 1939, рис. 42; в датировку памятника на стр. 33 вкралась ошибка: на нижнем рисунке ясно читается дата 506 г. арабскими словами. — M. B. Smith. Material for a Corpus of early Iranian is.ami: Architecture. Ars Islamica, т. IV, стр. 36, эскиз B: надпись михраба в Барсиан, где соблюден ритм стволов и U-образных вставок.

[2] А. Ю. Якубовский. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде. Эпиграфика Востока, I, М. — Л., 1947, стр. 27—32, рис. 1—9.

[3] Ср.: А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 31—32, рис. 1—3. — V. A. Kratchkovskaya. Ornamental naskhi inscriptions. SPA, т. II, стр. 1774, рис. 626. — Борис Денике. Искусство Средней Азии. М., 1927, табл. 4—5.

[4] S. Flury. Ghazni, табл. XXI, 17. — Ср. выше, стр. 18, прим. 4.

[5] Н. М. Бачинский, ук. соч., табл. 26—27.

непрерывный бордюр у верхнего края (рис. 26: деталь фриза южного мавзолея). Фон обоих куфических фризов отделен от надписей контурной линией в виде рельефного шнурка, но в отличие от контура в саманидской керамике здесь контурная линия прилегает к самим буквам; остающееся пространство фона заполнено стилизованными побегами или мелкими геометрическими узорами. Отметим попутно формулу ʿАл-мулк ли-Ллā' в конце надписей.

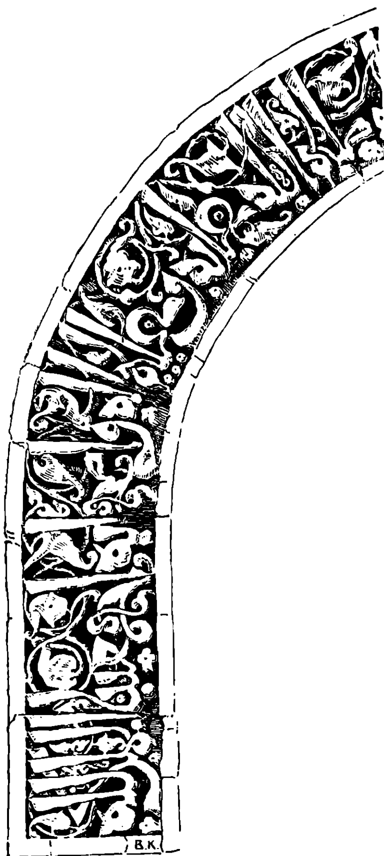

Рис. 24. Узгенд, мавзолей 547/1152 г. Деталь надписи арки.

Третий вариант куфи того же стиля, как на северном мавзолее, украшает верхние барабаны внедренных колонок портала южного мавзолея. Стволы букв и ложные стволы сплетаются под углом в 45°, образуют над буквами последовательно ряд крестов и восьмиконечных звезд; у верхнего края надписи концы буквенных стволов расходятся под прямым углом; в общем, композиция фона имеет ковровый характер и состоит из звезд и крестов. Реминисценция коврового мотива имеется на одной плитке обрамляющего фриза слева от колонки.[1]

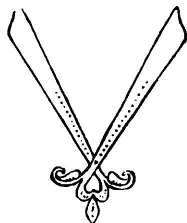

Рис. 25. Узгенд. южный мавзолей. Деталь фриза насх̮ӣ.

Итак, на узгендских мавзолеях XII в. представлены надписи двух стилей; в Газне минарет первой половины XII в., при султане Масʿӯде III (492—

[1] Фот. отдел ИИМК, фото А. Ю. Якубовского, № 0—122, 6 и др.

508/1099—1114 гг.) был украшен тремя разновидностями арабского письма:[1] кроме ритмически скомпонованной надписи куфи очень крупного масштаба по верху минарета (в его сохранившейся части) и обрамлений насхом очень плохой сохранности в средней зоне башни, в квадратном поле на входящем углу второго пояса облицовки, считая снизу, изображено имя 'Мас'ӯд'. Имя выполнено особым „квадратным" стилем куфи, из кирпичей, уложенных ложком с напуском, и с поворотами в очертаниях букв только под прямым углом тогда как фон заполнен вертикально поставленными кирпичами. Чтение имени Мас'ӯда теперь проверено на лучшем снимке, сравнительно с 1931 г.[2] К сожалению, надписи этого рода в Средней Азии в начале XIII в. пока не установлены, но, вероятно, некогда были, судя по богатству узоров из кирпича в облицовках среднеазиатских построек. Флюри и Херцфельд (E. Herzfeld) предполагали

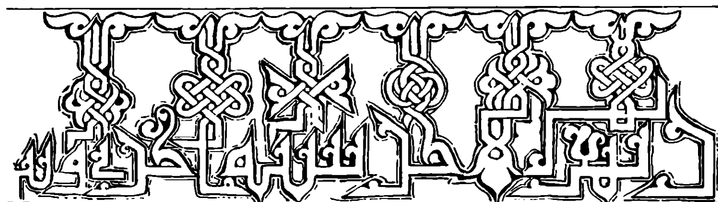

Рис. 26. Узгенд, деталь фриза южного мавзолея 581/1186 г.

зависимость „квадратного" куфи от письма на китайских печатях. Ошибочное мнение Херцфельда, что квадратное письмо не могло появиться ранее нашествия монголов,[3] опровергается надписью на минарете в Газне.

В монументальных сооружениях XIII и XIV вв. для надписей большого масштаба удержался куфи с непрерывным бордюром, дающий самые широкие возможности для каллиграфа-художника. Небольшой отрезок бордюра на портале мечети в Мешхед-и Мисриан (Месториан) с именем Хōрезм шāха Мухаммада сына Такаша (596—617/1200—1220 гг.) опубликован А. А. Семеновым[4] (рис. 27). Хотя в Средней Азии куфи не совсем утратил ведущее место, все же насху в XIII в. давали предпочтение. Это соотношение почерков засвидетельствовано весьма интересным предметом художественного ремесла начала XIII в. На крышке бронзового каламдана с инкрустацией сохранилась пространная

[1] S. Flury. Ghazni, табл. XIV, рис. 6—7, стр. 75—78.

[2] V. Kratchkovskaia. Notices sur les inscriptions de la mosquée Djoum'a à Véramine. Revue des Études islamiques, cahier 1, Paris, année 1931, стр. 42. — S. Flury. Ghazny, табл. XIV, рис. 7, стр. 75—78. — S. Flury. Ornamental kufic inscriptions on Pottery. SPA, т. II, стр. 1748, прим. 1. — SPA, т. IV, табл. 356.

[3] E. Herzfeld. Die Gumbadh-i Alawiyyan und die Baukunst der Ilkhane in Iran. A Volume of oriental Studies presented to E. G. Browne, Cambridge, 1929, стр. 192.

[4] А. А. Семенов. ПТКЛА, год XI, Ташкент, 1907, стр. 26—27, протокол № 2.— Ср.: V. A. Kratchkowskaia, ук. соч., стр. 25—26.

титулатура и имя вазӣра Хорезм шаха Мухаммада, Маджд ал-Мулка, который погиб в Мерве при разгроме его монголами. По низу предмета идут пожелания владельцу, украшенные антропоморфными и зооморфными деталями. Почерк обеих надписей — насхи, но фигурные украшения явно подражают декоровке куфических букв. На задней стенке крышки расположена третья надпись; имя мастера в ней и дата 607/1210 г. исполнены почерком куфи, с оригинальными окончаниями букв йā и сӣн в виде утиных головок; оба отрезка куфической надписи разделены „узлом счастья", вариант узла помещен на донышке каламдана (табл. V, *а*).[1] Владелец каламдана, Маджд ал-Мулк, был основателем крупной библиотеки в Мерве, в которой работал знаменитый арабский ученый Йāкӯт.[2]

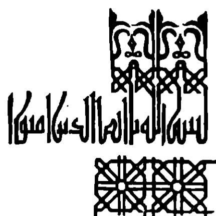

Рис. 27. Надпись портала мечети Месториан, 1200—1220 гг. Деталь.

Последняя историческая надпись куфи из кирпича украшает нижний эпиграфический пояс на минарете Кутлуг Тӣмӯра в Ургенче (табл. V, *б*); русский перевод ее опубликован А. Ю. Якубовским.[3] Нижняя половина пояса занята текстом из букв с растительными побегами; верхняя половина пояса представляет сложный узор из продолжений буквенных стволов и ажурной ленты с повторяющимися ромбами. Открытие этой в высшей степени декоративной надписи позволило доказать в 1931 г., вопреки существовавшей теории о совершенном исчезновении монументального куфи из текстов исторического содержания в самом начале XIII в., что куфи мог появиться в прекрасной стилистической обработке еще в сороковых годах XIV в.[4] В следующем эпиграфическом поясе минарета в Ургенче на большой высоте изображен „Тронный стих" из 2-й суры Корана.

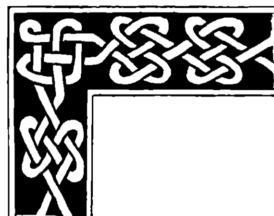

Рис. 28. Мавзолей Наджм ад-дӣн Кубра. Бордюр изразца.

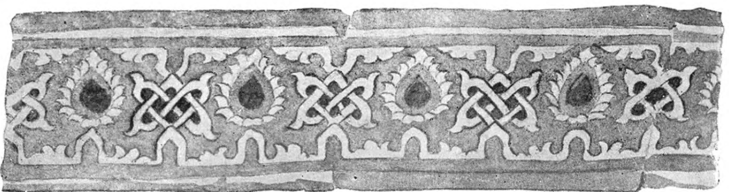
Портал в Месториан и минарет в Ургенче по своим надписям, несомненно, уникальны. Монументальный куфи в Средней Азии достиг апогея, и многие памятники XIV в. свидетельствуют о доминирующей роли скорописи. Перечислять их излишне; важно показать в немногих примерах, какое место в них отведено надписям куфи и реминисценциям предшествующих образцов.

[1] E. Herzfeld. A bronze pen-case. Ars Islamica, т. III, ч. 1, рис. 1—9, стр. 35—43.

[2] W. Heffening. Kitabkhana, EI, т. II, стр. 1125. — W. Barthold, Turkestan, стр. 34.

[3] А. Ю. Якубовский. Развалины Куня Ургенча, стр. 33 и сл., рис. на стр. 32, 33, 35, 37.

[4] V. Kratchkovskaia, Notices . . ., стр. 42.

в

б

а

Табл. V.

а — деталь бронзового каламдана Маджд ал-Мулка 607/1210 г.; *б* — Ургӗнч. Деталь надписи минарета. Фото А. Ю. Якубовского; *в* — подражание куфической надписи. Мавзолей № 3. Ша̄х-и Зинда

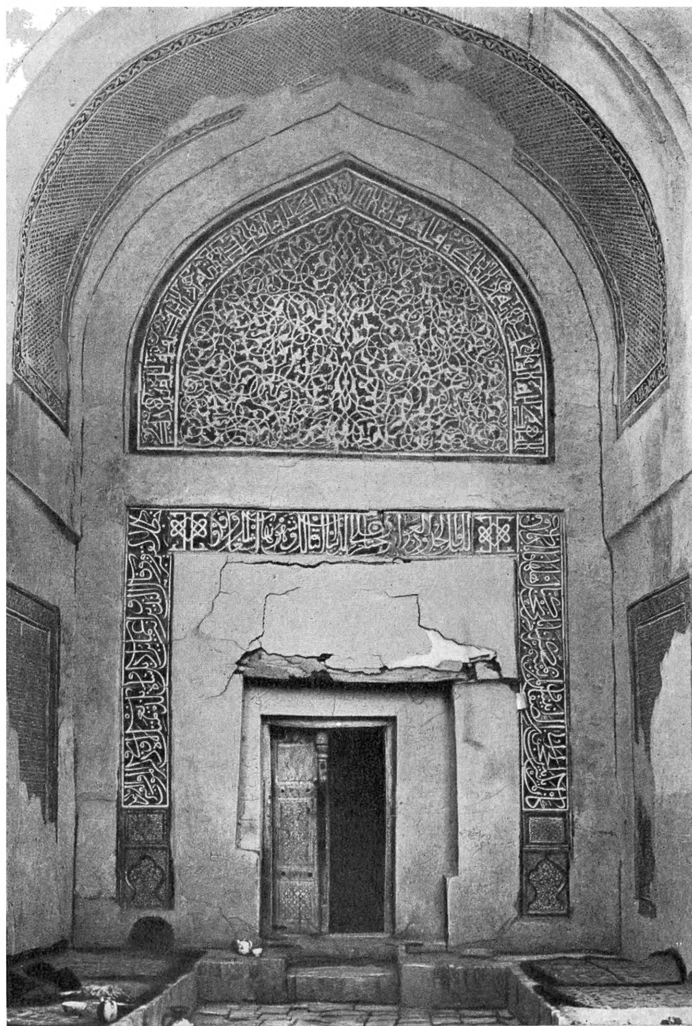

Табл. VI. Ургенч. Портал мавзолея Наджм ад-дӣн Кубра.

Над входом в мавзолей Наджм ад-дӣн Кубра в Ургēнче обрамляющая надпись насхом прервана при повороте на верхних углах подобием куфических букв с сердцевидными плетениями. В окаймлении тимпана повторяются ходовые религиозные формулы, изображенные почерком куфи (табл. VI). Бордюр расписного изразца, которым завершено обрамление входа в мавзолей, состоит только из сердцевидных узлов в виде непрерывного орнамента (рис. 28); зачатки этой композиции намечаются в рāдкāнском алфавите (ср. рис. 20). Стереотипная формула ʽАл-мулк ли-Ллā' позторяется на угловых колонках надгробия.[1]

Мазар Мухаммада Башāра в селении Мазāр-и Шарӣф упомянут впервые М. Е. Массоном[2] и исследован в 1947 г. Согдийско-таджикской экспедицией

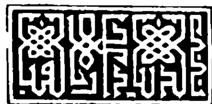

Рис. 29. Панно мавзолея Мухаммада Башāра 743/1342—1343 г.

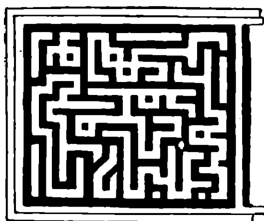

Рис. 30. Шāх-и Зинда. Панно мавзолея Кутлуг Ага.

с участием сотрудников Института истории материальной культуры Академии Наук СССР и Государственного Эрмитажа под руководством А. Ю. Якубовского.[3] На портале в прекрасную надпись насхом с датой 743/1342—1343 г. вставлены украшения, ранее употреблявшиеся только для декорации надписей куфи. Над михрабом находится прямоугольное панно с изречением:

الدنيا دار الفتن

ʽЗдешняя жизнь — дом испытаний'.

Здесь почерк куфи хорошего рисунка, надпись построена почти симметрично, с плетениями и коленчатым алифом (рис. 29; ср. роспись киевской чаши); под панно, над замком арки, помещен плетеный мотив.

В некрополе Шāх-и Зинда (Самарканд) куфи широко использован в качестве декоративного элемента. Встречаются панно с „лабиринтом" из квадратных письмен (рис. 30), в данном случае с именами четырех халифов по пери-

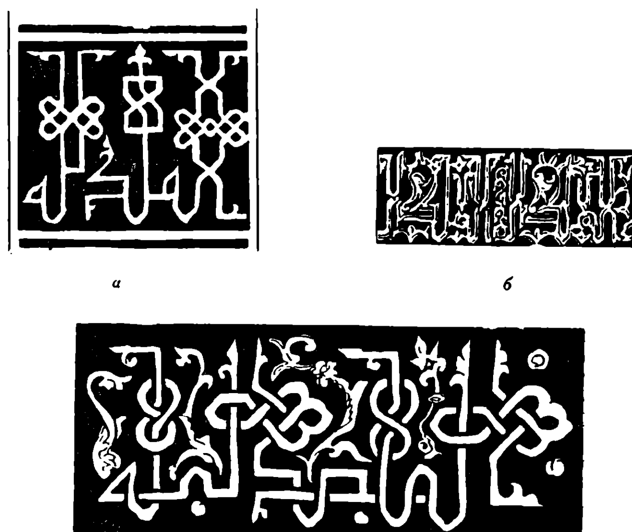
---

[1] А. Ю. Якубовский. Развалины Куня Ургенча, рис. на стр. 62—64.— Н. М. Бачинский, ук. соч., табл. 92—93.

[2] М. Е. Массон. Старый Сайрам. Ташкент, 1928, стр. 30, прим. 1.

[3] Пользуюсь случаем поблагодарить А. Ю. Якубовского за предоставление фотографии из последней экспедиции, а также за несколько фотоснимков прежних экспедиций.

метру и именем Мухаммада в центре панно; фризы и переплетающиеся ленты с надписями такого же стиля, квадратные письмена, расположенные симметрично, вроде чисто геометрического орнамента, перемежаются и сливаются с арабесками, геометрическими узорами и скорописными надписями. Для одиночной формулы 'Ал-мулк ли-Лла̄' постоянно изобретаются новые детали и варианты стилистической обработки. При всем подобии прототипам XI в. стиль этих надписей к XV в. сильно видоизменился: буквы грациозны, но тонки, лишены прежней силы и выразительности; там и сям включены очень архаичные элементы куфи, но линия строки постоянно ломается (рис. 31, *а—в*).

а *б*

в

Рис. 31.

а — мавзолей Кутлуг Ага. „Ал-мулк ли-Лла̄"; *б* — мавзолей Амӣр заде. „Ал-мулк ли-Лла̄". Ша̄х-и Зинде; *в* — мавзолей Турка̄н Ага. „Ал-мулк ли-Лла̄".

В грандиозных постройках Тӣмӯра и Тӣмӯридов куфические надписи не исторического содержания занимают в декоративном убранстве самое видное место. На фоне кирпичной облицовки ярко выделяются имена: Мухаммад, 'Алӣ, Алла̄х и т. п., вписанные квадратным письмом из поливных кирпичей в виде квадратов; или короткие формулы из двух слов заполняют прямоугольники; примеры многочисленны на памятниках Самарканда и других пунктов Средней Азии.[1] Особенно красивы квадратные письмена сложного

[1] М. Е. Массон. Мавзолей Гур Эмир, Ташкент, 1926. — А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Л., 1933. — Н. Б. Бакланов. Герих. Советская археология, т. IX. М.—Л., 1948, рис. 8.

рисунка в уступчатых, из-за специфики кладки, контурах; они покрывают башни Аḳ Сарāя (Шахрисябз), минареты мечети Бӣбӣ Х̱аным 1399—1403 г., медресе Улуг-бека, или вьются лентами на минарете около мавзолея Гур-и Эмир.[1]

Внутри мавзолея Гур-и Эмир великолепны, например, полихромные мозаичные розетки из куфических надписей,[2] панно с плетеным куфи, в котором белая надпись на синем фоне уравновешена наверху золотыми буквами насхи.[3] Но чаще куфи и насхи меняются местами: главная надпись эпиграфического пояса внизу выписана крупно насхом, второстепенная куфическая надпись меньшего масштаба вверху пересекает ее по горизонтали.[4] Под куфи стилизованы колоссальные по размерам надписи на барабанах купольных зданий и на пиштаках с типичными для насхи наклонными лигатурами.[5]

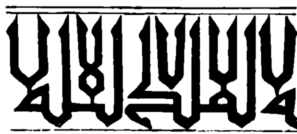
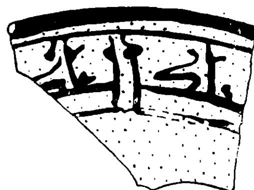

Рис. 32. Деталь надписи бронзового котла Тӣмӯра. „Ал-мулк ли-Ллā".

а

б

Рис. 33.
а — б — два фрагмента поливной керамики. „Ал-мулк".

В прикладном искусстве времени Тӣмӯра и Тӣмӯридов декоративный куфи не был исключен. На огромном бронзовом котле из мечети Хāджа Ах̣мада Ясавӣ в нижнем поясе двадцать два раза повторяется формула ʻАл-мулк ли-Ллāʼ; замечательно, что алиф заменен U-образной фигурой, которая знакома по мавзолею Мух̱аммада Ханапья;[6] аналогичная фигура вставлена над буквой кāф и усложненная петлей — над лигатурой ʻли-Ллāʼ (рис. 32). На поливной

---

[1] М. Е. Массон. Соборная мечеть Тимура..., Ташкент, 1926. — Мечети Самарканда, вып. 1, Гур-Эмир. Изд. Археологической комиссии, С.-Петербург, 1905, табл. VI; издание цитируется сокращенно: „Гур-и Эмир".

[2] SPA, т. V, табл. 543.

[3] SPA, т. V, табл. 542.

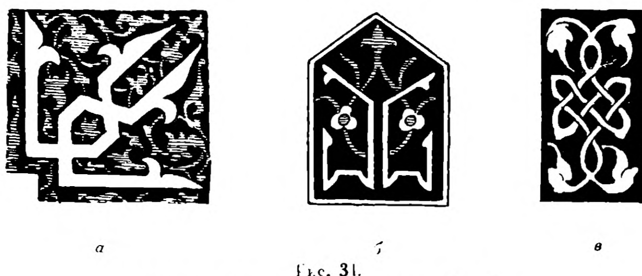
[4] Гур-и Эмир, табл. II, VIII, XI.I—XV. Многочисленные образцы эпиграфической орнаментации времени Тӣмӯра и Тӣмӯридов имеются в цит. выше, книге: Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, особенно в гл. 5.

[5] А. Ю. Якубовский. Самарканд, рис. 3: барабан мавзолея в группе Шах-и Зинда, слева. — Гур-и Эмир, табл. VI—VII.

[6] См. выше, стр. 19, рис. 27.

керамике эта формула повторялась, видимо, не реже, чем ʻАл-юмнʼ или ʻБаракаʼ на саманидской керамике, но с худшими графическими качествами (рис. 33).

Орнамент куфического стиля был весьма распространен в тимуридском искусстве. Имитация букв алиф и лāм и их скрещения встречаются на мону-

а б в

Рис. 34.
а — в — эпиграфические орнаменты мавзолеев Шāх-и Зинда.

ментальных сооружениях (рис. 34, *а—в*; табл. V, *в*), например, на облицовке портала мавзолея № 3 в некрополе Шāх-и Зинда; она уже отмечалась на мавзолее Наджм ад-дӣн Кубра.[1]

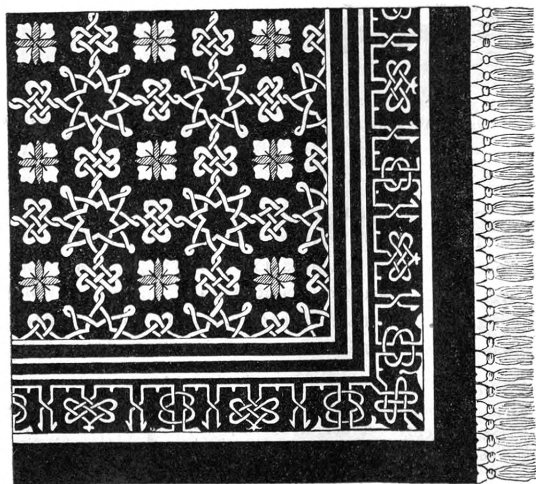

Рис. 35. Мотивы ковра по миниатюре начала XVI в.

Подобные композиции использовали на бордюрах ковров, оригиналы которых не сохранились, но на миниатюрах гератской школы, созданных художниками

[1] См. выше, стр. 23, табл. VI.

времени Тӣмӯридов, „узлы счастья“ являются одним из существенных узоров главного поля ковров и даже единственным повторяющимся мотивом.[1] Возможно, что часть этих ковров была выткана в среднеазиатских центрах производства. Это предположение особенно напрашивается, когда ковровые мотивы мы видим на миниатюре с изображением личности, которая узами родства и своей карьерой (хотя и мимолетно) была связана с Самаркандом, подобно султану ʿАлӣ Мирза Барлāсу, потомку Мӣрāншāха (рис. 35).[2]

В заключение можно признать, что с той поры, когда мастерам и каллиграфам Средней Азии стал известен куфический почерк, они верно оценили его богатые графические возможности и неустанно обогащали им сокровищницу среднеазиатского и мирового искусства.

---

[1] См.: SPA, т. V, табл. 870 и 874, 833/1429 г.; табл. 875, 844/1440 г.; табл. 880, 874/1469 г.; табл. 882, 901/1496 г.

[2] Рукопись Нӣзāмӣ, Брит. Музея (Or. 6810), изд.: F. R. Martin and Sir Thomas Arnold, Vienna, 1926, стр. 4 и миниатюры 1, 2, 9, 10, 12.

М. Е. МАССОН

ВРЕМЯ И ИСТОРИЯ СООРУЖЕНИЯ „ГУМБЕЗА МАНАСА“

(По данным анализа надписей на памятнике)

Так называемый „Гумбез Манаса“ расположен в 12 км восточнее города Таласа на правом берегу одноименной реки, близ впадения в нее Кенкола. Находясь в стороне от больших транзитных дорог, этот архитектурный памятник, один из интереснейших на территории Киргизской ССР, долгое время оставался вне поля зрения специалистов. Первые сведения о нем с неверным указанием местонахождения попали в научную литературу в 1897 г. после опубликования результатов историко-археологической маршрутной экспедиции В. В. Бартольда и С. М. Дудина в 1893/94 г. от Ташкента через все Семиречье.[1] Несколько лет спустя В. В. Бартольд, получив в свое распоряжение список надписи „на дверях куполообразного здания Манас-гумбез“, писал в 1899 г., что текст ее читается с трудом, что принадлежит он усыпальнице некоей Керик или Кезик-хатун, дочери какого-то эмира, и что от даты сохранилось лишь слово „четыре“, поэтому времени постройки мавзолея определить нельзя.[2]

Осматривавший его в 1923 г. П. П. Иванов, отметив исчезновение плиток с указанием года, от датировки памятника воздержался, ограничившись признанием, что он относится к сооружениям „во всяком случае не позже XV века“.[3] Через два года мне совместно с К. И. Массон удалось побывать в долине Таласа, осмотреть мнимый мавзолей Манаса, произвести первые его обмеры, составить план, прочитать имя покойницы как Кянӣзяк-х̱а̄тӯн и указать наличие в дате ее смерти месяца рамада̄н. По характеру декораций неглазурованными резными плитками я ошибочно признал памятник относящимся к концу домонгольского периода (конец XII — начало XIII в.).[4] В том же 1927 г. появилась

[1] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг., ЗАН, VIII серия, по Ист.-фил. отд., т. I, № 4, СПб., 1897, стр. 19.

[2] Протокол заседания Восточного отделения Русского археологического общества от 11 III 1899 г., ЗВО, т. XII, вып. 1, СПб., 1899, стр. V.

[3] П. П. Иванов. К вопросу о древностях в верховьях Таласа. Сборник статей „Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности“, АН СССР, Л., 1934, стр. 246—248.

[4] М. Е. Массон. Рецензия на статью Б. Н. Засыпкина „Архитектурные памятники Средней Азии“. Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, вып. 1, Ташкент, 1928, стр. 237, прим. 1.

первая небольшая публикация, специально посвященная этому мавзолею Б. П. Денике, где автор на основании сведений, полученных от П. П. Иванова и М. Е. Массона, а также в результате рассмотрения фотографических снимков этого здания, датировал его концом XII столетия. После этого „Гумбез Манаса" фигурировал в краеведческой литературе как памятник то XII, то XIV—XV вв.

В 1938 г. экспедиция А. Н. Бернштама произвела археологическое вскрытие внутри памятника, а надписи на нем были подвергнуты изучению членом экспедиции А. М. Беленицким, усмотревшим в ней имя амӣра Абӯка. Последний был сочтен за одного из амӣров Тӣмӯра, в связи с чем А. Н. Бернштам несколько позднее находил возможным более уточненно датировать мавзолей концом XIV—началом XV в., поскольку так определяется эпоха правления Тӣмӯра.[1]

Рис. 1. Плитка с надписью „власть" с мавзолея „Гумбез Манаса".

Между тем, значительно возросший в тридцатых и сороковых годах уровень научного знания в области истории среднеазиатской архитектуры не позволял уже разделять высказанных определений времени появления „Гумбеза Манаса". Окончательное выяснение этого явилось одной из главных задач при проводившемся в 1945 г. всестороннем изучении данного памятника мной и архитектором Г. А. Пугаченковой по предложению Управления по делам архитектуры Киргизской ССР. В результате исследовательской работы обоими авторами была написана специальная монография и был детально проработан вопрос, когда и для чего было сооружено здание „Гумбез Манаса"; ответ на вопрос, за отсутствием сведений об этом в письменных исторических источниках, должен был дать сам памятник и прежде всего находящиеся на нем надписи.

Резные терракотовые декорации его портала содержат две надписи. Одна выполнена куфическим почерком с витиеватыми венчаниями линий высоких букв, причем, будучи по ошибке нанесена из-за неверно наложенного трафарета слева направо, не была распознана при исследовании 1938 г. Она содержит повторение одного и того же слова „ал-мулк" (الملك), т. е. „власть", под которым подразумевается благочестивое восклицание: „власть принадлежит Аллаху" (рис. 1).

Вторая надпись — та, которая частично была разобрана в свое время В. В. Бартольдом и мной. Предложенная в 1938 г. А. М. Беленицким полная ее расшифровка была приведена в популярной брошюре о мазаре Манаса, изданной во Фрунзе[2] в 1945 г., а в несколько иной редакции текст и перевод ее были любезно предоставлены в мое распоряжение в начале 1946 г. самим автором.

[1] А. Н. Бернштам. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 109 и сл. — Он же. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942, стр. 18.

[2] А. Н. Бернштам. Мазар Манаса. Памятники архитектуры Киргизстана. Фрунзе, 1946, стр. 7.

В результате наших работ 1945 г. в транскрипцию и перевод последнего, а равно и в истолкование представляется возможным внести некоторые изменения.

Надпись начинается внизу восточного пилона, затем, изламываясь под прямым углом, обрамляет тимпаны входной арки, после чего сбегает вертикально вниз по западному пилону. Начало и конец ее утрачены. В 1936 г. памятник лишился еще трех верхних плит надписи, чтение каковых восстанавливается по старым фотографиям. В сохранившихся до 1936 г. частях надписи значится (рис. 2, *а — в*):

[هذا روضه عا]ليه الصّالحَه المستوره المخدّره نتيجه السّعادات فاتحه الخيرات رابعه الزمان مفخره النسأ كنيزك خاتون بنت الامير الاجل المحترم المكرم منبع الجود و الكرم ناصر الصيف والقلم[1] امير ابوكا و سقا الله سرّا هما و جعل الجّنه مثواهما و كان ذلك فى غرّة من شهر رمضان وهو سرّ الله المبارك سنه اربع....

'[Эта усыпальница вы]сокая добродетельной, целомудренной, честной, зародыша благополучий, начала добрых дел, Рābиʿи эпохи,[2] славы женского пола, Кянūзяк х̱āтӯн, дочери амūра превосходного, почитаемого, уважаемого, источника щедрости и благородства, защитника меча и пера,[3] амūра Абӯкā[4], — и да напоит Аллах могилу их обоих и да сделает рай их жилищем! И было то в первый день луны месяца рамадāна, а он — тайна āллāхова благословения — года четвертого...'[5]

Утрата плиток с проставленными некогда на них словами, указывавшими цифры сотен и десятков года, когда последовала смерть Кянūзяк х̱āтӯн, лишает теперь возможности установить абсолютно точно эту дату, которая в известной мере определяет и время возникновения памятника, отстроенного, несомненно, вскоре вслед за упомянутым событием. Решение этого вопроса наталкивается

---

[1] Так! См. по поводу данного титула ниже, стр. 38, примечание от редакции.

[2] Как любезно сообщил Т. Миргиязов, помогший мне уяснить смысл этого эпитета, Рāби'а — это имя, ставшее на мусульманском Востоке синонимом женщины исключительной доброты и милосердия. Согласно широко распространенному апокрифу, некая Рāби'а, бывшая одно время женщиной легкого поведения, после искреннего раскаяния для замаливания своих грехов решила совершить хаджж в Мекку. По дороге в пустыне она встретила заблудившуюся и погибавшую от жажды собаку и из жалости к несчастному животному напоила ее, уделив ей свой скудный запас воды. Последствием этого поступка было полное прощение ее Аллахом, и знамением этого послужило то, что уже не Рāби'а продолжала путь для зиарата далекой Ка'бы, но сама Ка'ба чудесным образом предстала перед ней. Таким образом, Кянūзяк рекомендуется как новоявленная Рāби'а своей эпохи.

[3] См. ниже, стр. 38, прим. 2 от редакции.

[4] Об ошибочности начертания имени „Абукан" вместо правильного „Абӯкā" см. ниже. Вообще, в надписи имеется ряд неправильностей, которые следует, повидимому, отнести за счет каллиграфа — машшака, а не резчика, неплохо справившегося с своей частью работы. Недочеты начертания или транскрипции отмечаются с самого начала. Так, при эпитете „добродетельная" в арабском члене „алиф" слит с „лāмом".

[5] Ср. перевод А. М. Беленицкого в статье: Из мусульманской эпиграфики в Таласской долине. Надпись мавзолея Манас-Гумбез. Эпиграфика Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 17.

на ряд трудностей, поскольку приведенные в надписи имена лиц даны без уточненной генеалогии и, таким образом, возможное отожествление их с известными по письменным источникам историческими персонажами также является подлежащей выяснению загадкой.

Установление эпохи появления памятника помогает уточнить прежде всего эпиграфический анализ самой надписи, выполненной не очень опытным каллиграфом своеобразным почерком дивани, не имеющим в Средней Азии полной аналогии. Шрифт, употребленный на „Гумбезе Манаса", абсолютно не похож на надпись мавзолея Сырлытам, расположенного в Кызыл-кумах в 70 км от Кзыл-орды и относящегося к самому концу XIII столетия, и на почерк люстрового михраба Эрмитажа с датой 1305 г.[1] Больше всего сходных признаков он имеет со шрифтом исторической надписи на портале Куня-ургенчского мавзолея монгольской эпохи над могилой Наджм ад-дӣн Кубра, отстроенного в правление Кутлуг Тӣмӯра (1321—1333 гг. н. э.). Это прежде всего: тенденция размещать слова под некоторым углом сверху вниз; почти исключительно вертикальное и параллельное расположение стволов высоких букв (алифа, ла̄ма и ка̄фа); ла̄м-алиф с вертикальным алифом и резко направленным после сплющенной петли ла̄мом далеко направо вверх, но не до высоты алифа; как бы треугольное навершие высоких букв; очень растянутое вправо с мягким изгибом венчание ка̄фа, имеющего вертикальный ствол; начертание ха̄ (ه) с малой круглой нижней петлей, лежащей несколько правее второй, верхней, более плоской, вытянутой вверх, с заостренным поворотом самой петли. К резким различиям относится отсутствие в надписи „Гумбеза Манаса" поворота конечного йа̄ (ی) направо, как это имеет место на мавзолее Наджм ад-дӣна Кубра. Надо учитывать при этом, что разницу в начертании их следует относить также за счет различной техники исполнения надписей, которые в одном случае даны с глубокой резьбой по терракотовым плитам, а в другом — плоской майоликовой росписью. Поворот направо — назад конечного йа̄ типичен для всех надписей на более поздних местных архитектурных памятниках XIV столетия.

Характерно, что все надписи, выполненные резьбой по терракоте не куфическими почерками, на среднеазиатских памятниках домонгольского периода совершенно лишены точек, в то время как на „Гумбезе Манаса" таковые уже имеются, правда лишь в шести случаях при начертании пяти слов, а именно: дважды под ба̄ (ب) и по одному разу над та̄ (ت), х̣а̄ (ح), за̄ (ز) и фа̄ (ف). Вместе с тем, в майоликовой надписи мавзолея Наджм ад-дӣна Кубра подстрочных и надстрочных знаков очень много, а рельефные изразцовые надписи всех более поздних памятников XIV в., начиная с мавзолея Мух̣аммада Баша̄ра в верховьях Зерафшана 743 (1342—1343 г. н. э.), их не имеют. Они появляются в изобилии с самого конца XIV в. на тимуридских памятниках в мозаичных надписях почерком сюльс.

---

[1] В. А. Крачковская. Изразцовый люстровый михраб Эрмитажа. Сб. „Иран", I, Л., 1926 (1927), стр. 73 и сл.

Плоскорельефные майоликовые и резные изразцовые надписи среднеазиатских архитектурных памятников XIV столетия, начиная с мечети 1334—1335 г. у мавзолея Куса̄ма, мавзолеев Мухаммада Баша̄ра, Буянкулӣ ха̄на (1358 г.) и кончая усыпальницами 1360, 1371 и 1375 гг. из ансамбля Ша̄х-и Зинда, написаны почерком насхи, совершенно не имеют тенденции наклонного размещения слов сверху вниз и отличаются от почерка „Гумбеза Манаса", между прочим, иными венчаниями стволов высоких букв и соединениями ла̄м-алифа. При этом большее сходство с нашим памятником отмечается у мечети при мазаре Куса̄ма и мавзолея Мухаммада Баша̄ра, т. е. у наиболее ранних из них, причем надписи их даны более компактно. У всех же памятников второй половины XIV столетия, начиная с бухарского мавзолея Буянкулӣ ха̄на, овалы букв групп ʻайн (غ, ع), фа̄-ка̄ф (ق, ف) и ва̄в (و) очень укрупнены, ха̄ (ه) замещается обычно угловым начертанием и совершенно иные венчания стволов высоких букв.

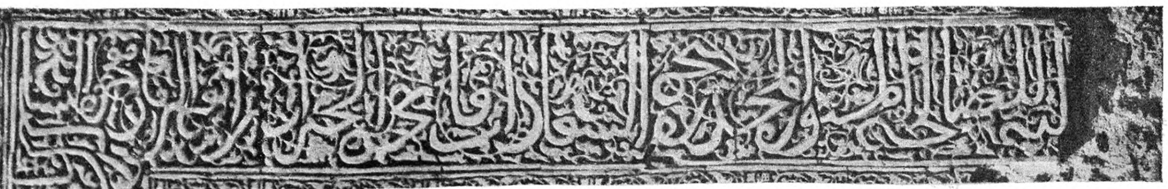
Специфику надписи „Гумбеза Манаса" составляют, между прочим, слитые начертания вообще несоединяемых букв, особенно ра̄ (ر) с конечным ха̄ (ه) в четырех случаях и ва̄в (و) с конечным да̄ль (د).

Не вдаваясь в большую детализацию и подводя итог приведенным наблюдениям, нельзя не констатировать, что с точки зрения эпиграфической „Гумбез Манаса" совершенно не похож на памятники второй половины XIV в. и более позднего тимуридского времени, резко отличается от таковых же конца XIII – начала XIV в. и может быть сближен с сохранившимися зданиями 20—30-х годов XIV столетия.

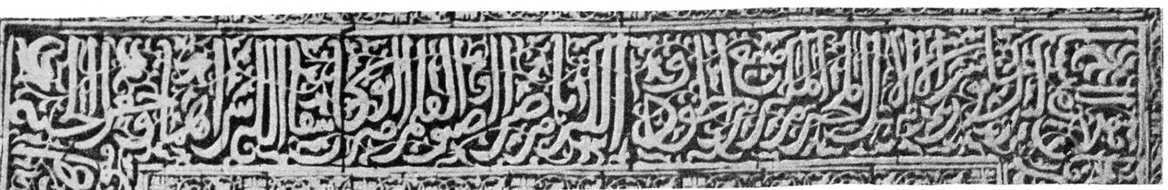
Показателем эпохи служит отчасти самое назначение „Гумбеза Манаса" — быть погребальным сооружением над могилой титулованной женщины. Для домонгольского периода в Средней Азии женские мусульманские намогильники не типичны. В свое время В. Л. Вяткин даже утверждал, будто среди намогильных галек нет кайраков с женскими именами.[1] В действительности они имеются, причем текст эпитафии не всегда называет самое имя покойницы, ограничиваясь сообщением ее положения в отношении какого-либо мужчины: например что она жена такого-то лица. Встречаются именные женские кайраки с указанием, что усопшая была матерью такого-то амӣра, дочерью такого-то отца, а в одном случае дочерью такой-то, очевидно, весьма популярной в свое время матери. Далеко не все женские кайраки точно датируются. Наиболее ранним из них пока, повидимому, надо считать хранящийся в археологической коллекции бывшего Главного среднеазиатского музея и содержащий дату 596/1199—1200 г. Кроме этого единственного известного в настоящее время домонгольского женского датированного кайрака, женские намогильные гальки с проставленными годами выявлены только для XIV столетия и, что характерно, лишь в Фергане и в более северных областях Туркестана. Так, в 1927 г. нами был обнаружен в Ӯзгенде женский кайрак с датой 5 джума̄да II 775/22 ноября 1373 г.,

---

[1] В. Л. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника. Известия Средазкомстариса, вып. III. Ташкент, 1928, стр. 278.

а

б

в

Рис. 2.

а — „Гумбез Манаса“. Начало главной надписи на портале.
б — „Гумбез Манаса“. Середина главной надписи на портале.
в — „Гумбез Манаса“. Конец главной надписи на портале.

а в только что упомянутом музейном собрании находится еще кайрак Тāдж х̮āтӯн, дочери с̣адра мавлāнā Бурх̮āн ад-дӣна, умершей 14 рабӣ' II 778/16 апреля 1336 г.[1]

Что касается женских мавзолеев, то таковых для домонгольского периода в Средней Азии совершенно не выявлено. Наиболее ранние из известных и могущие быть сближенными с „Гумбезом Манаса“ существуют в северных районах Туркестана, а именно: упоминавшаяся усыпальница Сырлытам конца XIII в. и мавзолей Бабаджи х̮āтӯн (находившейся в каких-то отношениях с амӣром Мух̮аммадом), расположенный в селении Головачевском близ города Джамбула. Стоящий рядом с последним памятник народная молва упорно связывает также с некоей женщиной 'Ā'иша-бӣбӣ. Число более поздних мавзолеев, приходящихся на время Тӣмӯра и Тимуридов, довольно значительно. Все это очень отчетливо подчеркивает общественное положение женщины у среднеазиатских монгол, унаследованное позднее Тимуридами вместе со многими другими традициями кочевого быта.

Уточняющим датировку „Гумбеза Манаса“ может служить также анализ титулатуры или вернее набора почетных прозвищ упомянутых в надписи лиц, учитывая, что сочетание таких прозвищ в эпитафиях более или менее стандартно для каждой отдельной исторической эпохи. В этом отношении большой интерес представляет остававшаяся до сих пор никем не прочитанной полностью надпись кызыл-кумского мавзолея Сырлытам (что значит „Полированная усыпальница“). Изготовленный с него в 1900 г. по поручению В. А. Каллаура Тюлекбергеном Джилькибаевым схематический рисунок главного фасада был опубликован в протоколах Туркестанского кружка любителей археологии, причем Н. П. Остроумов в надписи усмотрел дату 678/1279 г.[2] Начало и конец надписи, проходящей в виде обрамления входной ниши по всему порталу, как и у „Гумбеза Манаса“, в значительной мере утрачены. В сохранившейся части текста нами читается следующее:

> '... жизнь неопытная скрылась с благостью в начале с̣афара года 698. И дух отдала ради отбытия из вместилища тленности в обитель вечности целомудренная сила, честная, начало добрых дел, зародыш благополучий Кизл х̮āтӯн, дочь ...' (рис. 3).

В отдельной филенке щипцовой стены ниши, над дверью, указано имя мастера: عمل جمال خيّاط 'Работа Джамāля Х̮айāт̣а.'

С̣афар 698 г. х. начался 8 ноября 1298 г. н. э., и, таким образом, в надписи мавзолея самого конца XIII столетия мы имеем буквальное совпадение пяти слов почетных прозвищ с таковыми же в эпитафии Кянӣзяк х̮āтӯн.

---

[1] Образцы женских кайраков из Джеттысу см.: Н. Пантусов. Кладбище на реке Кунгей Аксу близ селения Сазановки. ПТКЛА, год XII, Ташкент, 1906, стр. 9, 12, 15, 16, 19, 20.

[2] В. А. Каллаур. Развалины Сырлы-там в Перовском уезде. ПТКЛА, год VI, 1901, стр. 14—17. Определение Н. П. Остроумова помещено в примечании на стр. 17. В рисунке допущена явная перестановка некоторых слов верхней части надписи.

В качестве сравнительного материала по мужским почетным прозвищам очень интересен текст намогильной плиты сипāхсāлāра Улуг Бильгя̄ Икбал

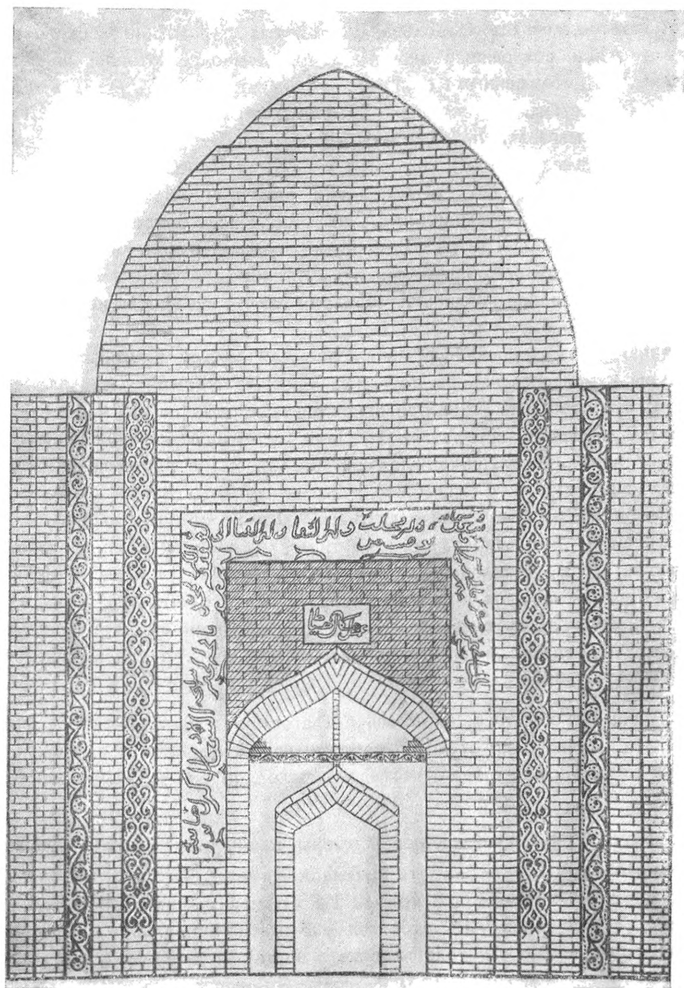

Рис. 3. Мавзолей Сырлытам.

х̮āна Дāвӯд бека, скончавшегося 7 рабӣʿ II 660/31 марта 1262 г. и похороненного на кладбище города Т̣арāза (ныне Джамбул) близ мавзолея К̣арах̮āна.

В исключительно пышной титулатуре этого тюркского военачальника монгольской эпохи, заключающей в себе свыше пятидесяти слов, с почетными эпитетами отца Кянизяк совпадает лишь характеристика его как „источника щедрости и благородства", причем в джамбульском памятнике для первого понятия употреблен термин „ма'ден" (معدن), т. е. собственно „месторождение", „рудник", а не „источник", „начало" или „фонтан", как на „Гумбезе Манаса".[1] Отчасти также могут быть сближены выражения „владетель меча и пера" и „покровитель ученых" (ذى العلما — у В. В. Бартольда — „дающего пропитание ученым") с эпитетами амира Абака — „защитник блеска и пера".[2]

Значительно больше совпадений с мужской титулатурой надписи „Гумбеза Манаса" отмечается в эпитафии еще не опубликованного валуна из собрания Фрунзенского музея истории и истории культуры Киргизии, принадлежащей также монгольской эпохе, но относящейся уже к началу XIV столетия. Впервые я обратил внимание на этот кайрак в 1927 г. при своей работе во Фрунзенском музее в качестве инструктора Средазкомстариса по музейной секции, когда мной было дано определение памятника и списана большая часть основного текста эпитафии. При осмотре этого памятника в 1945 г. для уточнения транскрипции выяснилось, что часть текста за истекшие годы сильно сбита какими-то ударами, и восстановление его более или менее полностью оказалось возможным только благодаря сделанному двадцать один год назад списку. В эпитафии значится (рис. 4):

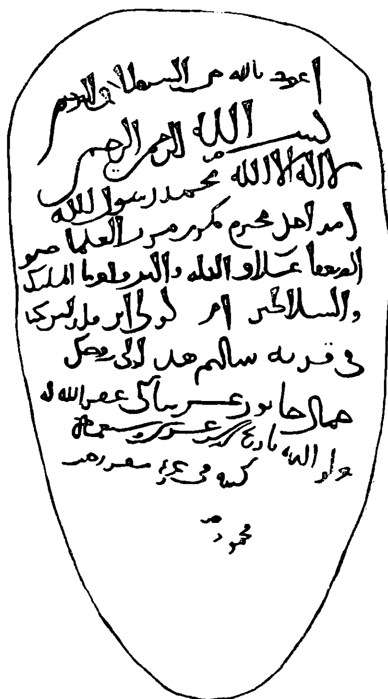

Рис. 4. Кайрак амира Аюли 726 г. х.

[1] Прибегаю к помощи Аллаха от дьявола, побиенного камнями.

[2] Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

[3] Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха!

[1] Перевод джамбульской намогильной плиты 1262 г. сделан был В. В. Бартольдом по копии надписи, присланной В. А. Каллауром. См.: Протокол заседания Восточного отделения Русского археологического общества от 11 марта 1899 г. ЗВО, т. XII, вып. 1, стр. V.

[2] Ср. выше, стр. 30, прим. 1 и 3.

[4] Амӣр превосходный, почитаемый, уважаемый, покровитель ученых, свет слабых, преизобилие душевного беспокойства и набожности,... госу-
[5] дарей
[6] и султāнов, амӣр Люлӣ, сын [*неясно*]...
[7] В близком свойстве благополучном этому Люлӣ женка
[8] Джамāль х̱āтӯн, несчастная созидательница. Да простит Аллāх его
[9] и родителей его. Дата года семьсот двадцать шесть'.

В 10 и 11 строках остатки подписи мастера-резчика эпитафии: 'работа Махмуда'.

Характерно, что число эпитетов амӣра Люлӣ почти в пять раз меньше по сравнению с таковыми же Дāвӯд бека. Даты их смерти отделены друг от друга промежутком времени примерно шести десятилетий. Вполне совпадает у обоих только прозвище „покровитель ученых" и по смыслу сближаются эпитеты „свет слабых" у амӣра Люлӣ с „укрепляющий слабых" у Дāвӯд бека. Зато начальная титулатура у амира Люлӣ — „амӣр превосходный, почитаемый, уважаемый" — целиком, в том же самом месте и в той же самой последовательности повторена в наборе прозвищ отца Кянӣзяк х̱āтӯн. Общим для них является также относительная количественная скромность титулатуры (в десять слов у одного и в четырнадцать у другого). Эпитафии амӣров эпохи Тӣмӯра, начиная со второй половины XIV в., совершенно не похожи по заключенной в них титулатуре на таковые же предшествующего периода. Таким образом, рассмотренные надписи „Гумбеза Манаса" со стороны заключенных в них наборов пышных мужских и женских прозвищ, также как и анализ эпиграфический, позволяют сопоставить этот мавзолей с намогильными памятниками первых десятилетий XIV в. Могущая же быть предложенной в силу уже сказанного датировка его серединой первой половины XIV столетия вполне совпадает с результатами разбора „Гумбеза Манаса" Г. А. Пугаченковой со стороны стиля и конструкций.

Переходя к упоминаемым в надписи „Гумбеза Манаса" лицам, следует отметить, что предполагавшаяся В. В. Бартольдом расшифровка имени женщины, для которой строился этот мавзолей, как Керик или Кезик ('очередь', 'сутки') основана на недоучете особенностей принятого на памятнике стиля начертания, при котором соединение букв группы бā и пā с конечными группы рā дается слитно, без особого выделения предшествующего знака. Подлинное ее имя „Кянӣзяк" есть уменьшительное от персидского „кянӣз", что значит 'рабыня', 'служанка', но также—'девица', 'девственница', откуда „кянӣзи"—и 'девственность' и 'служба в рабстве'. Совершенно очевидно, что в приложении к высокопоставленному лицу женского пола значение 'служанка', 'рабыня' отпадает.

Соответствующий имени Кянӣзяк эпитет „х̱āтӯн" является тюркским словом, несомненно, одного корня с „хватен" ('женщина'), встречающимся еще в буддийских текстах, написанных по-согдийски. Термин „х̱āтӯн" в значении 'дама', 'госпожа из высшего общества', 'султанша' был распространен в Средней Азии еще в XII в., когда х̱āтӯнями титуловались жены и дочери каракитайского гӯрх̱āна, хōрезмшāха и других династов. Он особенно широко приме-

нялся здесь при монголах, встречаясь в эпитафиях и в современных исторических источниках. Так, арабский путешественник Ибн Баттӯта, проехавший по Средней Азии в 30-х годах XIV столетия, иначе и не титулует монгольских принцесс, как „х̮ātӯнями".[1] При Тӣмӯре и Тимуридах эпитет „х̮ātӯн" хотя и не утратил своего аристократического оттенка, но применялся уже реже, а х̮āнши титуловались обычно как „х̮āнум".

Согласно одним современным народным представлениям, Кянӣзяк х̮ātӯн есть искаженное в надписи имя Каныкей, дочери Карах̮āна и жены Манаса, жившей якобы пятьсот лет тому назад. По другому толкованию, так звали ту невесту Манаса, которую герой долгое время не брал в жены, поскольку она была дочерью не мусульманина. Это как будто перекликается с буквальным значением имени Кянӣзяк х̮ātӯн, которое вообще было скорее прозвищем, утвердившимся за этой дочерью амӣра в связи с тем, что она так и осталась девственницей до самой смерти. В этом аспекте легко было бы допустить чтение вместо „ниса̄" نسا 'женщина, женский пол' — „сана̄" (سنا), буквально 'свет' и одновременно широко известное, ставшее почти нарицательным словом имя женщины, на которой женился пророк Мух̮аммад, но которая скончалась до установления супружеских отношений. Если бы это было так (что эпиграфически не находит решительного подкрепления), то в эпитафии до нас дошел бы намек на какую-то деталь из жизни Кянӣзяк х̮ātӯн, чья биография исторически пока остается невыясненной.

По надписи на мавзолее она является дочерью амӣра, имя которого А. М. Беленицкий транскрибировал как „Абӯкā" с конечным ā. При таком начертании получается слово уйгурское со значением „дед". Между тем, в нем после кāфа в надписи на „Гумбезе Манаса" стоит алиф, а внизу расположен знак, который можно принять за нӯн, и, таким образом, имя формально следует как будто читать „Абӯкāн". С другой стороны, за именем следует восклицание — „да напоит Аллах могилу их обоих!", которое по строю фразы могло бы начинаться союзом „и", а тогда в мнимом знаке нӯн надо видеть искаженное мастером изображение буквы вāв.

А. Н. Бернштам неправильно именует отца Кянӣзяк х̮ātӯн Букой,[2] каковое имя по-узбекски пишется с мягким *к* и алифом, что согласно Бāбуру, значит 'сильный человек'; в джагатайском — это 'герой', 'боец'. Есть в джагатайском слово „Букан" 'плотина'; как собственное мужское имя оно встречалось в Средней Азии у кочевников еще в XVIII в. Так звали, между прочим, атамана разбойников, по имени которого, якобы, получили свое современное название кизылкумские горы Бакантау. Имя же Абӯкāн не известно. Упомянутое в надписи имя „Абӯкā" может быть сближено с киргизским „Абыке" в эпосе „Манас", где так назван один из двух врагов киргизского народного героя, объявивших себя после его смерти х̮āнами, принуждавших Каныкей

[1] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде, I. СПб., 1884, стр. 302 и др.

[2] А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 110. — Он же, Культура..., стр. 18.

сделаться по старому киргизскому обычаю женой одного из них и настаивавших на казни младенца Семетея.

Надпись на „Гумбезе Манаса“ очень мало сообщает об амӣре Абӯкā, но, во всяком случае, она опровергает высказывавшееся А. Н. Бернштамом утверждение, будто именно он отстроил этот памятник в качестве усыпальницы для своей дочери.[1] Фразы „да напоит Аллах их (т. е. отца и дочери) могилу и да сделает рай их жилищем!“ заключают в себе обычные пожелания, которые высказываются лишь в отношении ушедших из жизни, и, следовательно, к моменту сооружения мавзолея, на котором проставлен год смерти Кянӣзяк х̮āтӯн, амӣра уже не было в живых. Датировка памятника серединой первой половины XIV столетия в известной мере определяет и период жизни амӣра Абӯкā.

Самое появление „Гумбеза Манаса“ — показатель видного места, какое занимали в обществе своего времени Абӯкā и Кянӣзяк х̮āтӯн, так как над могилой дочери рядового амӣра не стали бы возводить роскошного архитектурного сооружения. Лаконичность эпитафии, в которой не указывается даже отец Абӯкӣ, не говоря о приведении более детальной генеалогии покойницы по восходящей мужской линии, свидетельствует, что имя ее отца было тогда достаточно популярным и не нуждалось в уточненной расшифровке его родственных отношений с достаточно, очевидно, хорошо известными предками. Абӯкā и Кянӣзяк х̮āтӯн по своему происхождению, несомненно, джагатаидские аристократы и при этом, как явствует по упомянутым в надписи на мавзолее мусульманским религиозным формулам, из числа лиц, уже принявших ислам и даже более глубоко приобщившихся к оседлой городской культуре, поскольку отец объявляется „защитником блеска [подразумевается городской мусульманской культуры] и пера“ (т. е. литературных занятий).[2] Все это вместе взятое делает очень соблазнительной попытку отыскать среди джагатайских амӣров, близких ханскому дому, подходящую личность.

Для самого конца XIII и начала XIV в. в числе младших сыновей знаменитого Дувы (Дувā) действительно находится Абӯкā, который, повидимому, не играл большой самостоятельной роли в государстве, а возможно и умер относительно рано, так как почти не упоминается в описаниях событий политической жизни Средней Азии первой половины XIV столетия, когда на страницах истории фигурируют имена многих из его братьев, а затем детей.

Небезинтересно, что современное киргизское население долины Таласа считает, что Дувā х̮āн был дедом Манаса. Исторический Дувā или Тувā был очень популярной личностью в конце XIII в. Он являлся долгое время правой рукой х̮āна Хайду и много способствовал восстановлению порядка в раздираемой

[1] А. Н. Бернштам. Культура..., стр. 18.

[2] *Примечание от редакции.* Втексте надписи, повидимому, резчик допустил ошибку в первой букве второго слова сложного титула: сāд вм. сӣн; титул употреблялся для обозначения двух видов власти, объединяемых одним лицом, — военной и гражданской; наиболее употребительна была форма: 'с̣āх̣иб ас-сайф уа-л-к̣алам' и другие варианты XIV—XV вв. См.: M. van Berchem. Corpus Inscriptionum Arabicarum. Mémoires publiés par les membres de la Mission française au Caire, Tome XIX, Première Partie, Égypte. Paris, №№ 54, 56, 233, 418; стр. 244, 368, 40?.

равшемся междоусобиями Джагатайском улусе. По его распоряжению, в Фергане был отстроен город Андижа̄н. Вместе с х̮а̄ном он вмешивался в распри Белой и Синей орды, бывшей фактически независимой от золотоордынских джучидских х̮а̄нов. К тому времени центр этого так называемого улуса Орды уже переместился из северной части Семиречья, где он был в первой половине XIII в., к низовьям Сыр-дарьи. После смерти Хайду Дува̄ оставался главным столпом власти его сына Чапара, и ему же принадлежит инициатива в попытке восстановить единство монгольской империи в форме федерации, что сразу же встретило противодействие в государстве персидских Хулагидов. В 1305 г. н. э., во время столкновения джагатайских царевичей с Чапаром, военачальники Дувы, проводившие зиму в южной части Семиречья, выступили на стороне первых, оказавшихся в конце концов победителями и разграбивших в долине Таласа и „Золотую орду“ брата х̮а̄на и сына Хайду, Шӑха. После смерти Дувы в 1306 г. джагатайские царевичи подвергли разгрому весь бывший эль Хайду, предав разграблению между прочим земли Таласа и Янги. Х̮а̄ном был избран около Алмалыка сын Дувы, Кунджук, умерший в Юлдузе в 1308 г., после чего его престол захватил престарелый царевич Та̄ликӯ, который был мусульманином и вызывал своим покровительством исламу недовольство многих Джагатаидов.

Вскоре же на политической арене в видных ролях стали появляться другие сыновья Дувы, которых считали законными претендентами на ханский престол в Джагатайском улусе. Сперва это был Есенбука̄, выдвинутый в х̮а̄ны около 710 г. своим братом Кепеком после удачи в заговоре против жизни Та̄ликӯ. Хотя в правление Есенбука̄ войска х̮ак̣а̄на, нанеся ему ряд поражений, разбили его зимнюю резиденцию около Иссык-куля и летнюю ставку около Таласа, тем не менее ему удалось восстановить известный порядок в стране. Затем, примерно около 1318 г., его место занял сам Кепек, не принявший ислама, но покровительствовавший мусульманам и перенесший свою резиденцию в долину Кашка-дарьи. Его правление ознаменовалось заботами о благополучии страны, причем преимущественное внимание уделялось землям Ма̄вера̄’ннахра и Афганистана. При нем имели место некоторые реформы, в частности денежного хозяйства.

В 1326 г. Кепека сменяли на престоле его поочередно правившие братья Ильчӣгидай, Дува̄ Тӣмӯр и в конце года Тарма̄шӣрӣн. Последний, проведя удачные военные операции в Афганистане и совершив поход на Индию, своим постоянным пребыванием избрал опять-таки южные области Ма̄вера̄’ннахра и почти не ездил в Алмалык̣. Вначале он оставался язычником, но затем, все более порывая с кочевыми традициями, принял ислам, который провозгласил господствующей религией в государстве. Это вызвало открытый раскол в среде монгольских родов; некоторые из них оказались в открытой вражде с х̮а̄ном. Судя по нумизматическим данным, при Тарма̄шӣрӣне Таласом управлял в качестве соправителя его сын, Санджар. Поднятое против Тарма̄шӣрӣна как нарушителя ясы возмущение заставило его бежать в Газну, но по дороге он был захвачен сыном Кепека, а затем убит под Самаркандом в 1334 г.

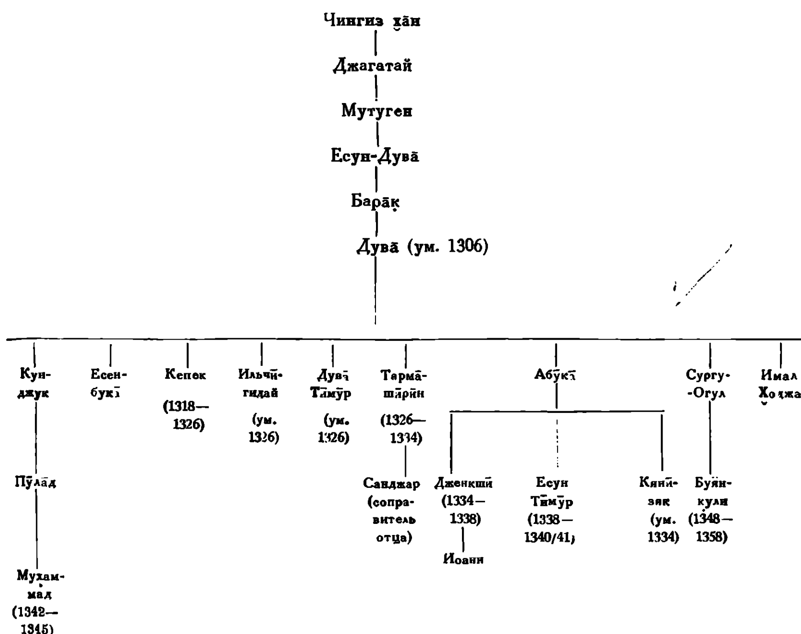
Одним из последствий этого события было перенесение столицы в северо-восточную часть государства и приход к власти племянника Тармāшӣрӣна и внука Дувы, Бӯзӯна, в противоположность своим предшественникам притеснявшего мусульман, покровительствовавшего евреям и христианам и казнившего большое число своих видных политических противников. В том же году ему наследовал его двоюродный брат и сын Абӯкā, Дженкшӣ, не бывший сторонником ислама, покровительствовавший буддийским жрецам и католическим миссионерам, даже крестившим его сына, Иоанна, которого они сумели излечить от тяжелой болезни. Дженкшӣ был убит своим братом Есун Тӣмӯром в Алмалыке в 1338 г., когда все Семиречье было объято эпидемией чумы. Этот второй сын Абӯкā, помешавшийся на почве братоубийства, был низложен на третьем году правления царевичем ʿАлӣ султāном из потомков Угедея, мусульманином по вероисповеданию и жестоким тираном.

В начавшийся после этого смутный период, приведший к еще большему разобщению западной и восточной части улуса Джагатая, ҳāнами дважды оказывались потомки Дувы; а именно между 1342 и 1346 гг. таковым был его правнук Муҳаммад, а в промежутке с 1348 по 1355 гг. — его внук и племянник Абӯки, Буянқули. Последний являлся лишь подставным ҳāном, так как фактическая власть находилась в руках всесильного амӣра Казагана.[1]

Коль скоро, учитывая приведенную выше аргументацию, Кянӣэяк ҳāтӯн была внучкой Дӯвы, племянницей ҳāнов Есенбуки, Кепека, Ильчӣгидая, Дувā Тӣмӯра, Тармāшӣрӣна, сестрой ҳāнов Дженкшӣ и Есун Тӣмӯра, двоюродной сестрой ҳāнов Бӯзӯна, Санджара и Бу̅янқули и, наконец, теткой ҳāна Муҳаммада и монгольского царевича — католика Иоанна (см. генеалогическую таблицу, стр. 41), то вполне оправдан сам факт сооружения над ее могилой дорогостоящего парадного мавзолея.

Общий исторический фон эпохи и картина той обстановки, которая была в долине Таласа в момент появления там „Гумбеза Манаса", довольно ясна. В полупатриархальное общество с кочевой аристократией, каковое представляли собой пришедшие в Среднюю Азию монголы, ислам начал проникать уже в XIII в., хотя противоречия и экономическая борьба между кочевниками и оседлым населением поддерживали в народной толще завоевателей антипатию к мусульманской культуре вообще в течение длительного времени и много позднее. Мусульманские авторы хвалят Хайду за справедливость и покровительство исламу. Тāликӯ не только покровительствует ему, но сам принимает его. Во втором и третьем десятилетиях XIV в. при Кепеке, хотя и остававшемся язычником, но целиком перенесшем политические симпатии и делавшем ставку в государственном устройстве на оседлое культурное мусульманское общество Мāверā'ннахра, а также при его брате Тармāшӣрӣне, уже провозгласившем ислам господствующей религией, среди монгольской знати

[1] Более подробные данные об этом периоде имеются в ряде работ В. В. Бартольда, в частности в его труде „Очерк истории Семиречья" (цит. соч., изд. 1-е: Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета, т. II, Верный, 1898, стр. 129—141; изд. 2-е, Фрунзе, 1943, стр. 54—64.

было немало лиц, принявших мусульманство. Это сопровождалось углублением раскола не только между отдельными монгольскими родами, но даже между членами одной семьи, чему наглядным примером могут служить сами потомки Дувы. Хотя джагатайские ханы в XIV столетии обычно легко принимали ислам, не в пример своим кочевым подданным, в большинстве упорно остававшимся „неверными“, но даже среди сыновей и внуков Дувы мы находим и язычников, явно патронирующих исламу, и новоявленных откровенных адептов этой религиозной системы, и ярых ее противников. Несмотря на противодействие последних, исторический процесс шел своим чередом, и мусульманская культура все глубже проникала в среду пришельцев из далекой Монголии, отвоевывая себе постепенно территории былых культурных земель.

Внешне это нашло себе выражение отчасти и в архитектурном строительстве. В долине Кашка-дарьи над могилой хана-язычника Кепека вскоре после его смерти был возведен мавзолей мусульманского типа, вероятно не без участия в этом Тармаширина. Должно быть тогда уже в Ходженде, в западной части города, была возведена усыпальница Дувы, обнаруженная мной в 1929 г., нигде пока не описанная, до сих пор не состоявшая на учете и не вошедшая в научный обиход. В более северных районах, по течению Сыр-дарьи, на территории, входившей в состав Белой Орды, в эту эпоху большую строительную деятельность развивает хан Эрзене, сын правившего в самом

начале XIV в. х̮ана Са̄сы Бука̄. По словам автора XV в., так называемого „анонима Искандера“,[1] самим Эрзене была возведена большая часть медресе, ханака, мечетей и других богоугодных зданий, находившихся тогда в Отраре, Сабране, Дженде и Барчкете.[2] Правление этого х̮а̄на, современника золотоордынского х̮а̄на Узбека (1312—1340 гг.), по данным того же автора, продолжалось до 745/1344—1345 г.[3]

В эту пору в верхней части долины Таласа, служившей с XIII в. ханским яйлаком, в котором ко времени курултая потомков Чингиза 1269 г. одичавшие поля представляли прекрасные пастбища, и появился „Гумбез Манаса“, а несколько, повидимому, позднее близкое по типу здание усыпальницы, стоявшее до 1936 г. на кладбище Боботеряк, в 1.5 км западнее селения Ключевое, к югу от большой дороги из Джамбула в Талас.[4]

Если отец Кянӣзяк х̮а̄тӯн и сын Дувы, Абӯка̄, — одно лицо, то последний мог принять ислам вместе с членами своей семьи около того же времени, когда стал мусульманином его ханствовавший брат Тарма̄шӣрӣн. Наиболее же вероятной датой смерти Кянӣзяк х̮а̄тӯн, даже независимо от этого, повидимому, можно считать первый день рамада̄на 734/пятницу 6 мая 1334 г., вскоре после чего и был отстроен сам мавзолей.

С 40-х годов XIV ст. вся Средняя Азия вступает в смутную полосу, когда в северных районах Туркестана не было благоприятной обстановки для создания в долине Таласа парадных архитектурных памятников. Семиречье чахнет от постоянных междоусобиц, и долина Таласа не была при этом „тихим уголком“; о неспокойной обстановке в ней свидетельствуют ныне находки вещевых и монетных кладов середины XIV в. Это положение было справедливо и для соседней территории по Сыр-дарье, где к концу этого столетия уже перестали существовать города Дженд и Барчкент. Когда Тӣмӯр задумал свой грандиозный поход на Китай, он вынужден был направить в Семиречье своего внука и наследника престола Мух̣аммад Султ̣а̄на не только для возведения укрепле-

[1] Имя автора этого сочинения, историка Му'ӣн ад-дӣна Натанзӣ, установил В. В. Бартольд. Определение „анонима Искандера“. ДАН, 1927, № 6, стр. 115—116.

[2] В. В. Бартольд. Улугбек и его время. ЗРАН, VIII серия, по Ист.-фил. отд., т. XIII, № 5, Пгр., 1918, стр. 85.

[3] С этой датой смерти Эрзене легко согласиться, так как якобы мнимо противоречащая этому монета, чеканенная в Сыгнаке, по чтению А. К. Маркова, в 728 г. х. (=1327/8 г. н. э.) от имени сына Эрзена, Муба̄рек х̮а̄джи, могла быть выбитой при жизни отца, подобно тому, как это имело место с 1330 по 1334 гг. в улусе Джагатая с Санджаром, фигурирующим в чекане под именем х̮а̄на при жизни своего отца Тарма̄шӣрӣна, хотя он был только его соправителем. Противоположную точку зрения см.: А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака. Сообщения ГАИМК, т. II, 1929, стр. 130. Как известно, чтение 728 г. х. дано А. К. Марковым взамен изображенной на монете даты 768, в которой покойный нумизмат допускал возможность ошибочного проставления цифры „6“ вместо „2“.

[4] Купольное здание мавзолея на кладбище Боботеряк впервые зафиксировано нами при осмотре в 1925 г. В 1930 г. нами попутно был произведен обмер этого памятника, составлены небольшие схематические чертежи и сделано краткое описание памятника. В 1945 г. с трудом удалось отыскать место, где находился этот мавзолей, разобранный на кирпич в 1936 г. в связи с проведением новой дорожной трассы.

ния, но для восстановления по намечавшемуся пути следования армии земледелия, чтобы иметь некоторую продовольственную базу на месте и, в частности, по речке Ашпаре. Как известно, эти мероприятия не принесли существенных результатов, и в начале X в. долина Таласа описывалась беспристрастными очевидцами как пространство, неоднократно перед тем опустошавшееся, покрытое развалинами многих городов и давно покинутое рассеявшимся населением.

Попытки последних лет относить „Гумбез Манаса" к памятникам „типа мусульманских мавзолеев XIV—XV столетий" начались с голословного высказывания И. Чеканинского,[1] который сам, возможно, был под влиянием расплывчатого определения времени сооружения этого памятника П. П. Ивановым, считавшим его „возведенным во всяком случае не позднее XV в.", без указания первого предела времени.[2] В более развернутом виде обоснование такого же порядка датировки содержится в печатных работах А. Н. Бернштама, в одной из которых, а именно „Мазар Манаса" (1945), автор одновременно на разных страницах предлагает три различные варианта времени сооружения памятника: 1) пору подготовки начатого Тӣмӯром в 1404 г. похода на Китай (стр. 9); 2) вторую половину XIV в. (стр. 10); 3) середину XIV в. (стр. 11, где одиннадцатью строками ниже указывает, что этот мавзолей „построен накануне той эпохи, когда сюда направил свои походы всесильный Тӣмӯр", который, как известно, начал свои вторжения в Семиречье с 1377 г.). Вместе с тем, автор, повидимому, считает свои датировки не очень убедительными, поскольку на стр. 10 признает нашу датировку 30-ми годами XIV в. „весьма вероятной". Следуя за А. Н. Бернштамом, и Н. Рябцов утверждал, что „постройка мазара Манаса относится к концу XIV или началу XV в., т. е. к послемонгольскому периоду".[3]

По А. Н. Бернштаму, отец Кянӣзяк х̱ӑтӯн, которого он именует „Бука", признается возможным сподвижником Тӣмӯра.[4] Между тем близкого по созвучию тимуровского амӣра звали „Ак̣бук̣ā", или „Ак̣бугā", что значит „Белый бык", т. е. антилопа-сайга (ак̣-киик — по Бāбуру; ак̣-куйрук — по-казахски), причем слово это пишется, в отличие от имени амӣра, упомянутого на портале „Гумбеза Манаса", с твердым к̣āфом" или даже с гайном. Относя постройку этого мавзолея в одном случае к эпохе Тӣмӯра,[5] в другом, более широко к эпохе Тӣмӯридов, включая время правления Шāхруха и Улугбека, т. е. захватывая всю первую половину XV в.,[6] А. Н. Бернштам утверждал, будто Тӣмӯр, его младший сын и внук, прославившийся в качестве астронома, развили активную деятельность в части восстановления городской жизни в Киргизии „в целях создания себе опорных баз для осуществления похода на Китай".[7]

---

[1] И. Чеканинский. Манас. Советская Киргизия, 1936, № 209, стр. 4.
[2] П. П. Иванов. К вопросу о древностях..., стр. 248.
[3] Н. Рябцов. Мазар Манаса. Комсомолец Киргизии, 1941, № 35, стр. 4.
[4] А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 110.
[5] А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 110.
[6] А. Н. Бернштам. Культура..., стр. 18.
[7] Там же.

В действительности, о походе на Китай при Шāхрухе и при Улугбеке не могло быть и речи, а при Тӣмӯре, как отмечалось выше, осуществлялись лишь некоторые мероприятия, не принесшие существенных результатов, по созданию на пути следования армии промежуточных укреплений и по восстановлению на Ашпаре земледелия, а не городской жизни в Джеттысу. Ничего подобного не делалось Тӣмӯридами и позднее в первой половине XV в.

Еще менее убедительно звучит довод идеологического порядка, якобы Тӣмӯриды, „распространяя идею ислама", „строили мусульманские памятники в целях насадить здесь, в Киргизии, монументальные центры мусульманской пропаганды", причем, однако, „такие произведения архитектуры, как, например, мазар «Кянизяк хатун»... были одиноки среди моря кочевников и враждебной исламу массы тюрок и монгол".[1]

Во-первых, нет никаких данных о миссионерской деятельности Тӣмӯридов в части распространения ислама в Джеттысу. Во-вторых, совершенно ничего не известно о построении при них в Киргизии „мусульманских памятников". В-третьих, возведение одного сравнительно небольшого здания „Гумбеза Манаса" едва ли можно расценивать как создание „монументального центра мусульманской пропаганды". В-четвертых, мавзолей светского лица, притом женщины, даже в глазах правоверных, не говоря о лицах, не принявших мусульманства, отнюдь не представляет собой „центра ислама" или „мусульманского форпоста", — как пишет А. Н. Бернштам. В-пятых, такие мавзолеи, как „Гумбез Манаса", в XIV и XV вв. не были столь одинокими в долине Таласа. Главное же, что самый облик этого мавзолея, конструкции, декор, стиль, содержание надписей — все это характеризует его как памятник совершенно чуждый историко-культурной обстановке эпохи Тӣмӯра и Тӣмӯридов, но типический для архитектуры первой трети XIV в. в северных туркестанских областях.

---

[1] Там же.

НАДПИСИ НА НАДГРОБИЯХ ТӢМӮРА И ЕГО ПОТОМКОВ В ГУР-И ЭМИРЕ

(Окончание)[1]

Надпись на могиле Ш̄ах-Роха (807/1405—850/1447) в склепе

Вверху, в изголовье, крупным сульсом вырезан символ мусульманства (рис. 1)

لا آله الّا الله محمد رسول الله

'Нет божества, кроме Аллаха. Мухаммед — посол Аллаха'.

В верхнем окаймлении этой надписи начинается текст надгробной надписи, сделанной довольно сжатой вязью, на персидском языке вперемежку с арабскими выражениями:

این روضه ایست ازریاض رضوان و
گلسـ[تا]نیست [از] بساتین جنان که مصجع[2] ||

Отсюда текст переходит влево и тянется по всей левой (от зрителя) кайме плиты:

این بهشت حضرت سلطان مبرور دیرون پادشاه مرحوم و مغفور و سلطان السلاطین
معین السلطنة والدّنیاء والدین شاه رخ بهادر سلطان است اسکنه الله تعالی علی سریر
نعمه و توجّه بتاج الکرامه که متولد شده در پنجشنبه خامس عشر شهر ربیع الآخر سنه
تسع و سبعین و سبعمایة ||

Далее текст переходит на нижнее поперечное окаймление:

یتزیّن الملک بوحوده الشریف فی شهور سنه سبع و ثمانمایة و متوجه بارض خلد ||

Затем текст переходит на правое (от зрителя) окаймление, поднимаясь снизу вверх:

برّین شد فی یوم الاحد اربع عشرین ذی الحبّة الحجه (?) خمسین وثمانمایة الحجرة القمریّة
بمرحلۀ ری من امهات ولایت عراق وبعد ازانک منتقل شد بدار الامان سمرقند باهتمام
بنّاءة این مادون سلیلۀ این پادشاه عادل زاهد کامل عالم فاغفر له عِصّمَة الدّنیا و الدّین
پاینده سلطان بیکه ||

---

[1] Начало см.: Эпиграфика Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 49.

[2] Вертикальные штрихи в тексте надписи и в переводе обозначают распределение строк по линиям-каймам надгробной плиты.

Текст заканчивается переходом на поперечную линию под крупною надписью вышеупомянутого мусульманского символа:

دامت عصمها يا ارحم الرحمين يا ارحم الرحمين

'Это — сад из садов рая, это — розовый цветник из цветников райских садов, который [является] местом вечного покоя; это — райская обитель его величества, в бозе почившего государя; || [это —] внешнее [место] покойного и прощенного пāдишāха, султāна султāнов, помощника государства, мира и веры, Шāх-Роха бахāдур-султāна, да поместит его всевышний Аллах на престоле своих милостей, да увенчает [его] короною почета — каковой [государь] родился в четверг пятнадцатого числа рабӣ' ул-āхира 779 года;[1] || украсил же царство своим благородным бытием в месяцы 807 года[2] и отправился в землю рая вечности || в воскресенье двадцать четвертого зӣ-л-хиджжэ 850 года хиджры по лунному летосчислению[3] в месте [своей] остановки, в Рее, принадлежащем к числу главных областей Ирака. После же того он перенесен в обиталище безопасности, в Самарканд, попечением строительницы сего нижнего [т. е. могилы-саркофага с надгробною плитою], дочери этого справедливого государя, совершенного, ученого аскета, — прости его [Аллах]! — непорочности мира и веры, Пāенде Султāн-бӣке, || — да длятся ее добродетели! О, милостивый из милостивых! О, милостивый из милостивых!'

Таким образом, приводимое в этой надписи последнее известие — о похоронах Шāх-Роха в Самарканде — совершенно определенно опровергает столь категорическое утверждение историка, что перевоз останков Шāх-Роха из Герата в Самарканд для погребения в мавзолее Тӣмӯра был сделан Улуг-бēком.[4] Как видно из этой надписи, дочь Шāх-Роха, Пāенде-Султāн-бӣке, не только перевезла тело отца в Самарканд, но и соорудила мраморный гроб для него с надгробной плитой. К сожалению, мне не удалось найти каких-либо подробностей в известных мне источниках об этой дочери Шāх-Роха. По свидетельству персидского историка XV—XVI вв., Хōндемӣра, у Шāх-Роха были две дочери (их имена он не приводит), из них одна была замужем за Мӣрзōй Джехāнгӣром, сыном Мӣрзā Мухаммед-султāна [т. е., очевидно, внука Тӣмӯра]; от нее родился Мӣрзā Халӣль-султāн.[5]

При вскрытии погребения Шāх-Роха привлекла общее внимание одна интересная и загадочная деталь — рядом со скелетом покойника, завернутого когда-то в саван, лежал небольшой деревянный ящичек, типа школьного пенала, но бóльшего размера, в котором находилось 144 штуки мелких речных камешков (галька) серого и белого цветов.

---

[1] 21 августа 1377 г. н. э.

[2] 1405 г. н. э., по смерти своего отца, амӣра Тӣмӯра.

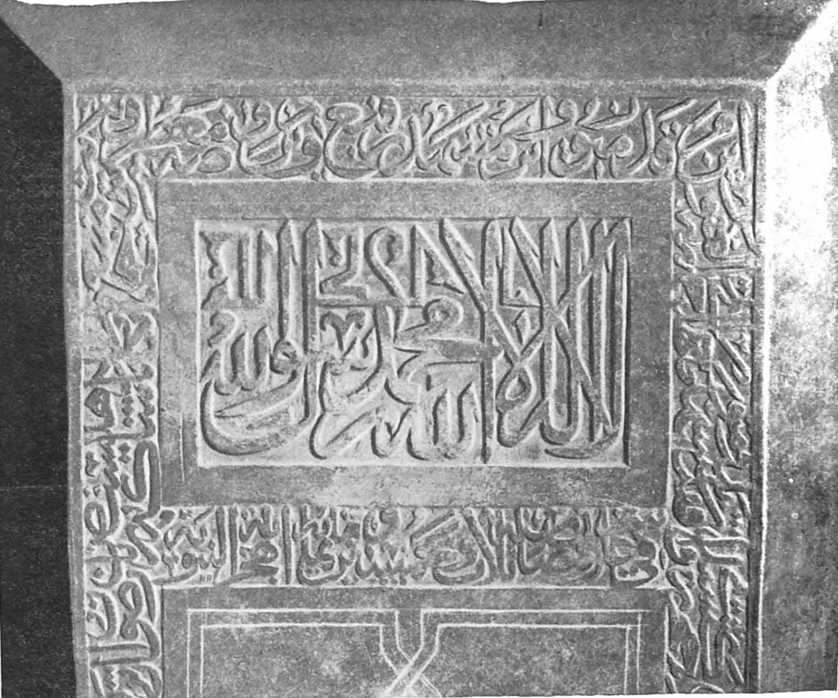
[3] В воскресенье 12 марта 1447 г. н. э. (у Хōндемӣра в ч. 3, т. III, стр. 204) 25 зӣ-л-хиджжэ 850 г., т. е. 13 марта 1447 г.

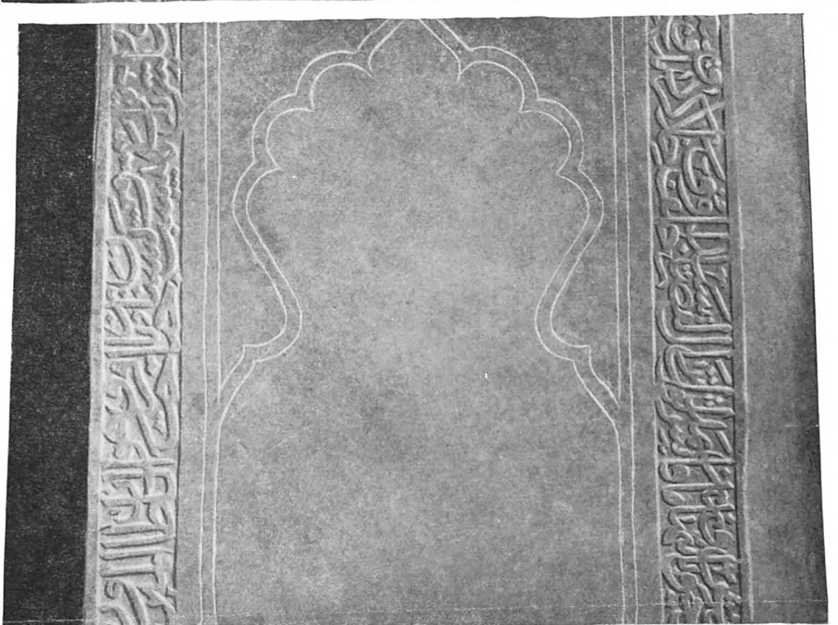
[4] В. В. Бартольд. Улугбек и его время. ЗРАН, VIII серия, Ист.-фил. отд., т. XIII, № 5, Пгр., 1918, стр. 127. — Он же. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, 1915, стр. 30.

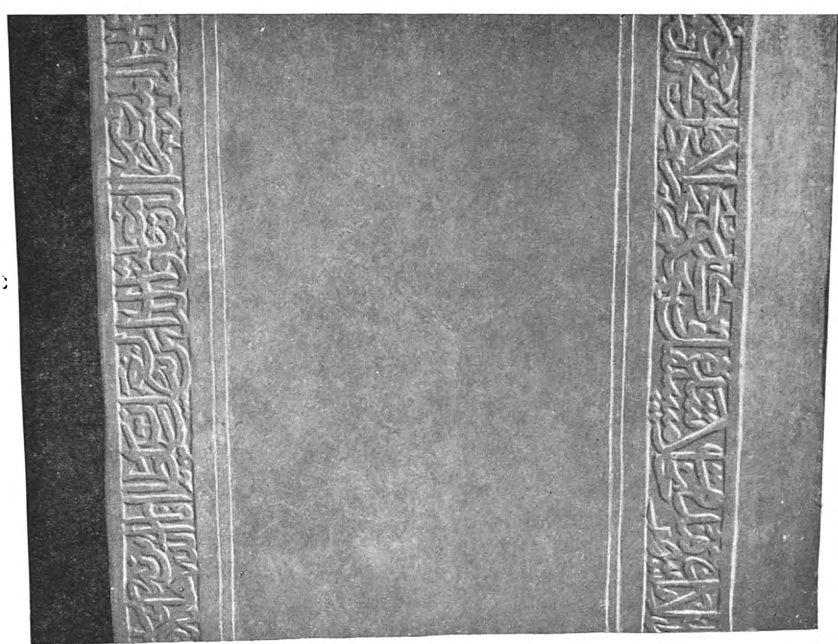
[5] حبيب السير Хōндемӣра, стр. 207.

Рис. 1. Надгробная плита на могиле Шāх-Роха.

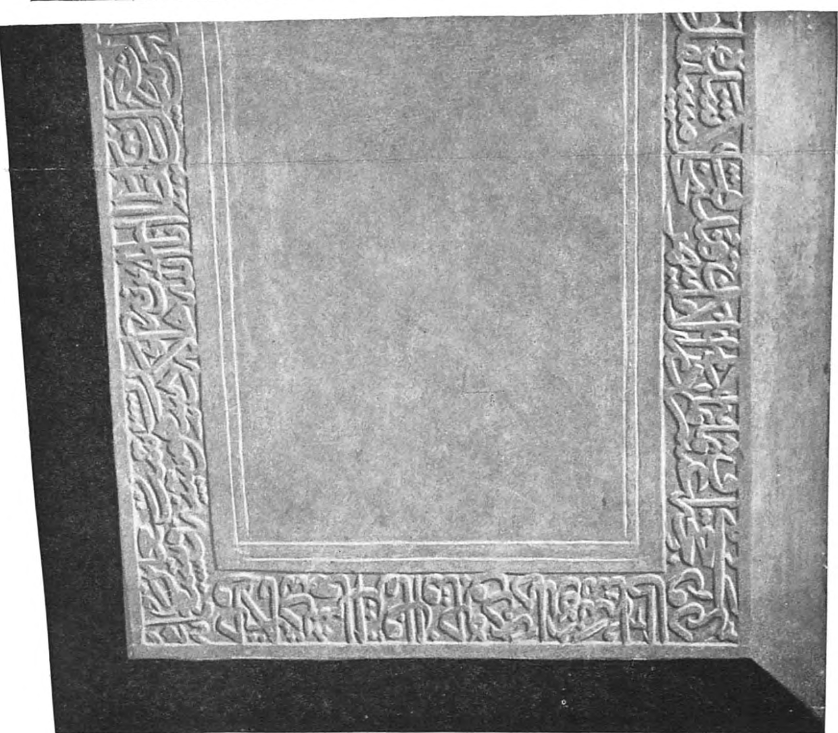

Рис. 2. Надгробная плита на могиле Улуг-бека.

Надпись на могиле Улуг-бēка в склепе

В верхней перемычке-ленте, что в изголовье (рис. 2) над крупно вырезанным сульсом мусульманским символом

لا آله الّا الله محمد رسول الله

'Нет божества, кроме Аллаха. Муҳаммед — посол Аллаха'
начинается следующая персидская надпись:

این مرقد منوّر واین مشهد رفیع واین روضهٔ معطّر واین تر|| بت منیع خوابگاه بادشا هیست که ریاض رضوان ازنزولش بانز اهتیسست و بستان جنان با فرحت و هو السلطان المبرور و خلیفة المسرور مغیث الدّنیا و الدّین الغ بیک سلطان انار الله برهانه که در شهور سنه ستّ و تسعین و سبعمایة || ولادت با سعادتش اتّفاق افتاده بود در بلدهٔ سلطانیه و در || ذی الحجّه عشر و ثمانمایة در دار الامان سمرقند بخلافت مستقل شده و بحکم کُلّ یَجْرِی لأَجَلٍ مسمًّى چون مدّت حیواتش بانتها و زمان فالش بمدلول نزل القضاء رسید خلف او خلاف کرد بدو تیغ خنجر بروی کشید فقد استشهد بدوٍّ متوجّهًا الی رحمة ربّه الغفور ||

и отсюда переходит на нижнюю, под символом, кайму, на которой и заканчивается так:

فی عاشر رمضان ثلاث وخمسین و ثمانمایة الهجرية النبويّة

'Эта светоносная могила, это славное место мученичества, этот благоухающий сад, || эта недосягаемая гробница есть место [последнего] успокоения государя, нисхождением [в нее] которого услаждены сады рая и осчастливлен цветник райских обителей, — он же — прощенный султ̣ан, обрадованный халиф, помогающий миру и вере, Улуг-бēк — султ̣ан, — да озарит Аллах его могилу! — счастливое рождение которого совершилось в месяцы 796 года[1] || в г. Султанийййе;[2] в месяце [же] зӣ-л-ҳиджже 810 [года][3] в городе Безопасности, в Самарканде, он стал полновластным в наместническом достоинстве; подчиняясь же приказанию [Аллаха] — „каждый плывет до назначенного ему срока",[4] когда время его жизни достигло до [положенного] предела, а предназначенный ему судьбою срок дошел до грани, указанной неумолимым роком, — его сын совершил в отношении его беззаконие и поразил отца острием меча [букв. кинжала], вследствие чего тот принял мученическую смерть в пустыне [сего мира], направившись к [дому] милосердия своего всепрощающего господа || 10 [числа месяца] рамадāна 853 г. пророческой хиджры'.[5]

[1] Т. е. в 1393/94 г. н. э. Более точно: Улуг-бēк родился 19 джемāдӣ-ул-эвваля 796 г. х., т. е. в воскресенье 22 марта 1394 г. н. э. (В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 37).

[2] Султанийййя — город, основанный монгольским ӣльхāном Аргӯном, лежал в районе гор, к северу от Хамадана, между городами Абхаром и Зенджаном.

[3] Т. е. между 28 апреля — 27 мая 1408 г.

[4] Коран, сура XIII, ст. 2.

[5] Т. е. 27 октября 1449 г. н. э.

Из содержания усматривается, что надгробная плита с подобной надписью, весьма недвусмысленно осуждающей отцеубийцу, ʿАбдуллаṭӣфа, сына Улуг-бе̄ка, не могла быть положена при нем и, несомненно, водружена позже, — по мнению акад. В. В. Бартольда, вероятнее всего в кратковременное царствование другого сына Улуг-бека, ʿАбдуллы.[1] Да и был ли здесь первоначально похоронен Улуг-бе̄к, погибший насильственной смертью? Может быть он перенесен сюда потом? Вскрытие его гроба, так же сделанного из белого мрамора, как гробы его деда и отца, обнаружило скелет с отсеченной прочь головою, причем удар шашки был нанесен с такой силой, что голова была моментально отделена от верхнего шейного позвонка, наискось срезанного, как кочан капусты.[2] Остатки на скелете шелковых цветных штанов на шелковых ушкурах (поясе) и шелковой рубашки показывают, что Улуг-бе̄к был похоронен, как шахӣд, в том костюме, в каком он был убит, едва успев перед смертью совершить омовение. Возбуждает недоумение этот факт ношения государем мусульманской страны шелкового нижнего белья, ибо это категорически запрещено шариатом. Ни один среднеазиатский х̱а̄н или амӣр последнего времени никакого другого нижнего белья, кроме как сшитого из белой хлопчатобумажной ткани (карбос, араб. كِرْبَاس „кирба̄с“), не носил, и даже шелковый халат, надевавшийся поверх белья, должен был иметь бумажную подкладку, дабы более отделить от тела роскошь шелковой ткани. Шелковая или полушелковая подкладка на парчевых или бархатных халатах допускалась лишь потому, что таковые халаты носились обычно поверх 2—3 халатов.

Надпись на могиле внука Тӣмӯра, Муḥаммед Султа̄на, за мраморной решеткой

Прямо перед зрителем сохранилось продолжение очень крупной арабской надписи, высеченной по мрамору вязью (рис. 3):

ما هذه الدّنيا بدار قرار سير اخر سلام و غفران على ذلك الثرى وروح ورضوان وعلى ذلك

ʿТо, что этот мир — последнее путешествие в обитель вечности. Мир и прощение этой могиле. Покой и благословение — над этим последним жилищем...ʾ

Вокруг этой крупной надписи, начиная с верхней части середины боковой правой перемычки, сохранились следующие строки (по-арабски). Сверху:

سيّدى على رؤس الخلايق خاصّةً || فى يوم الموعود الله اكبر لاضدّ له || ولا ندله ولا وصل له ولا
شبه له || ولا وصف له ولا كفو له ولا حدّ له ولا || حدود له ولا مثل له ولا شريك له || فى الملك
ولا وزير...

---

[1] В. В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, 1915, стр. 31—32. — Он же. Улугбек и его время, стр. 135.

[2] См. подробности об убийстве Улуг-бе̄ка у В. В. Бартольда (Улугбек, стр. 131).

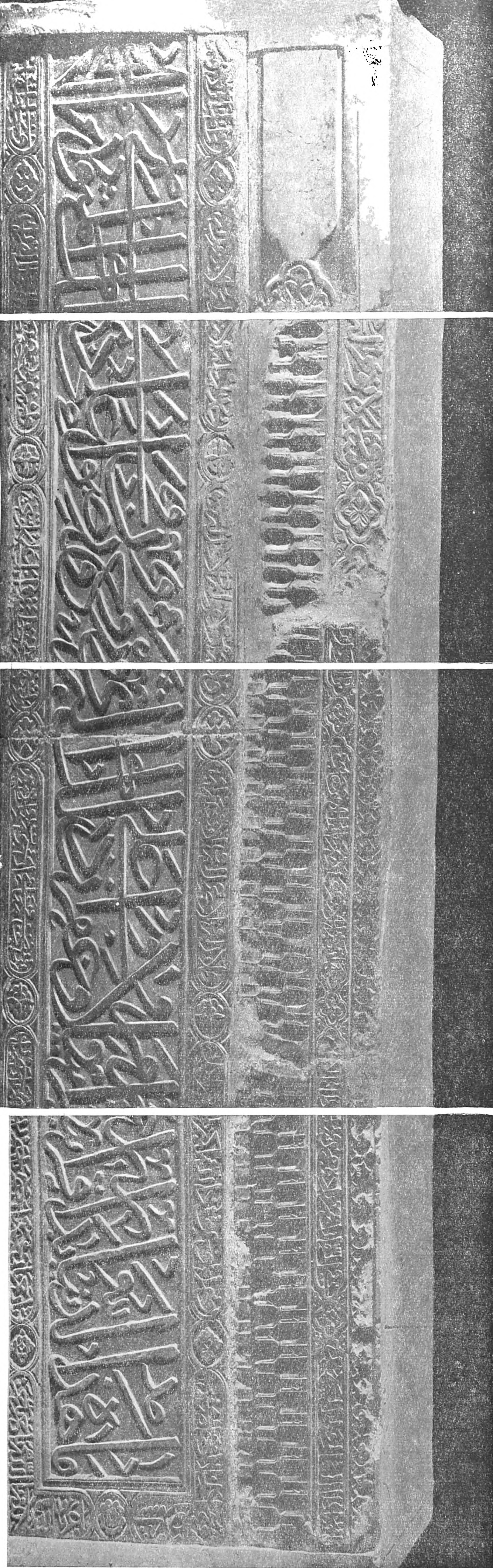

Рис. 3. Беломраморное надгробие на могиле Мухаммад Султана.

Рис. 5. Саркофаг над могилой Ми̅ра̅нша̅ха.

'... [не постыди меня], мой владыка, пред вождями народов, особенно || в день Страшного Суда! Аллах велик! Нет ему противодействующего, || нет ему равного, нет у него [ни с кем] связи, нет ему подобия, || нет ему описания, нет ему ровни, нет ему предела, нет || ему границ, нет у него образа, нет у него сотоварища || в царстве [его], нет везира [у него]...'[1]

Продолжение внизу, начиная с нижней части середины боковой правой перемычки.

ياعزيز ياالله ياالله يارحمن يارحيم || يارحمن يارحيم يارحمن يارحيم إن || ترينى فى منامى ما رجوت منك و اكرمتنى || لمغفرتى خطيّتى انّك على كل شئّ [قدير опущено] || وارزقنى حفظ القران || و تحلتها...

'О, могущественный, о, Аллах, Аллах, о, всемилосердый, о милостивый, || о, всемилосердый, о, милостивый, о, всемилосердый, о, милостивый, если бы ты показал мне во сне то, что я надеюсь [получить] от тебя! Ты оказал мне милость || прощением мне моего греха, поистине, ты — всемогущий! || Даруй мне сохранение [в памяти] Корана! || Ты смешал вместе мой ум...'[2]

От самой верхней надписи, идущей вдоль верхнего резного окаймления надгробия, сохранилась следующая лента арабско-персидских письмен, заключенных тоже в красивые картуши:

..السلطان العالى ولى العهد * فى الزمان اميرزاده محمد سلطان بن الا [разрушено] || جهانگير بن الامير تيمور گورگان بن الامير ترغاى || بن الامير برگل بن...

После этих слов вмазана резная плита, несомненно, потом, с остатками арабского выражения: ...شبه له ولا نوم له ولا ما...

'... высокостепенного султāна, наследника престола || в [свое] время, царевича Мухаммед Султāна, сына... || Джехāнгӣра, сына амӣра Тӣмӯра „гӯргāна", сына амӣра Тарагāя ||, сына амӣра Баргуля, сына...'

Прочие части надгробия замазаны алебастром.

Таким образом, судя по этим остаткам надписей гробницы любимого внука Тӣмӯра, Мухаммед Султāна, которого дед при жизни назначил было наследником престола (по надписи (ولى العهد فى الزمان), но который безвременно умер в 1403 г. н. э., можно заключить, что содержание надписей составляли: прощальные приветствия, молитвенные воззвания и указание, чье это надгробие, с длинной родословной умершего, аналогичной с родословиями на других гробницах.

Повидимому, в свое время это пышное надгробие поражало богатством резной орнаментации, сделанной не только высокохудожественно, но и совершенно в стиле внутренней отделки мавзолея. Особенно это тожество бросается в глаза при взгляде на чудесный сталактитовый бордюр, выступающий над ониксовой панелью внутренности мавзолея: почти такой же бордюр мы видим

[1] См. аналогичные этим строки 31—34 надписи на надгробной плите Тӣмӯра (Эпиграфика Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 56).

[2] См. аналогичные строки 35—38 в надписи на надгробной плите Тӣмӯра.

чрезвычайно удачно отделяющим верхнюю часть гробницы. Ее надписи сделаны превосходно и в том же стиле, что и настенные надписи мавзолея. Никакое другое надгробие не может сравниться с этим по общей гармонии с внутренней декоративной отделкой. Если все другие гробницы носят характер как бы „случайных поступлений“, то надгробие Мухаммед Султāна как бы говорит, что оно здесь хозяин, что для него был построен весь этот превосходный мавзолей, лишь потом превратившийся, по прихоти судьбы, в усыпальницу

Рис. 4. Часть внутреннего склепа в Гур-и Эмире.

Тӣмӯра и некоторых членов его семьи. И непонятным является лишь одно, когда и почему так неряшливо поставлено это превосходное надгробие с покосившимися, плохо пригнанными друг к другу частями, местами безобразно замазанными штукатуркой, как будто его откуда-то наспех перевезли или передвинули и кое-как укрепили, чтобы оно лишь не распалось на свои составные части?

Другое, пожалуй, еще более великолепное надгробие, столь похожее на это надгробие, над погребением ученого Абӯ ʽАбдуллā Мухаммед бен ʽАлӣ Хакӣм-и Тирмизӣ (ум. в 255/869 г.), находится среди развалин г. Термеза. Оно даже в деталях сходно с надгробием Мухаммед Султāна: та же внешняя форма с таким же точно распределением письмен, тот же трехъярусный пояс сталактитов, обрамляющий верхнюю часть надгробия, и такая же лента надписей над этим поясом, та же верхняя плоская поверхность, — с одною лишь разницею. На термезской гробнице возвышается меньших размеров другая мра-

морная гробница, напоминающая формою и детскую, под пологом, восточную колыбель (گهواره), и наземную среднеазиатскую могилу (سگانه). Но можем ли мы теперь поручиться, что подобным небольшим саркофагом не увенчивалось и надгробие Мухаммед Султāна?

На самой могиле Мухаммед Султāна, что в склепе под полом, лежит толстая мраморная плита без всяких надписей. Под нею — мраморное ложе совершенно такого же типа, как в могилах Тӣмӯра, Шāх-Роха и Улуг-бека (рис. 4). В нем оказался плохо сохранившийся скелет, лежавший под остатками когда-то такого же роскошного черного шелкового покрывала, каким был покрыт деревянный гроб Тӣмӯра. По этим фрагментам покрывала можно судить, что оно и у внука, и у деда было одинаковое или, по крайней мере, сделано из одной и той же материи.

Надпись на могиле Мӣраншāха, сына Тӣмӯра, в мавзолее

По краям надгробия (рис. 5), начиная с верхней перемычки, читается справа налево по-арабски следующее:

هذا مرقد السلطان الاعظم || سلطان میرانشاه بن الامیر تمور گورگان بن الامیر ترغای بن
الامیر برگل بن الامیر ایلانگیر بن الامیر ایجل بن الامیر قراجار بن الامیرسوغوجین بن الامیر
اردمچی برلاس بن الامیر قاچولای بهادر بن الامیر تومنای بن || جنگیزخان بن الامیر یسوکای
|| بهادر بن الامیر برتان بهادر بن الامیر قبول خان بن الامیر تومنای بن الامیر بایسنغر
بن الامیر قایدو بن الامیر تونومتین بن الامیر بوقا بن الامیر بوذنجر ولم یعرف لهذا الماجد
والدًا الّا ان امّه الان قوا وقد حملته و لم یک بغیًّا بنور زكاء من اسباط اسد الله الغالب
علیّ بن ابی طالب

'Это место [последнего] успокоения султāна величайшего, || султāна Мӣрāншāха, сына амӣра Тӣмӯра „гӯргāна", сына амӣра Тарагāя, сына амӣра Баргуля, сына амӣра Айлāнгӣра, сына амӣра Иджиля, сына амӣра Карāджāра, сына амӣра Сӯгӯджӣна, сына амӣра Ирдамчӣ „барлāса", сына амӣра Кӣчӯлāй бахāдура, сына амӣра Тӯманāя, сына || Чингӣз хāна, сына амӣра Есӯкāй || бахāдура, сына амӣра Буртāн бахāдура, сына амӣра Кабӯль хāна, сына амӣра Тӯманāя, сына амӣра Бāйсунгура, сына амӣра Кāйдӯ, сына амӣра Тӯтӯмтӣна, сына амӣра Бӯкā, сына амӣра Бӯзанджира. И не был известен у сего благородного отец, а только его мать Алāн Кувā; она же понесла его — и не было [это] прелюбодеянием,[1] а [следствием] чистого света, — от потомства Льва [Асада] Аллаха, победителя, 'Алӣя, сына Абӯ Тāлиба'.

По середине плиты в 26 строках вырезано по-арабски следующее:

[1] هو الحیّ لا اله الّا هو

[2] له الحکم والیه ترجعون

---

[1] См. аналогичное этому выражение в Коране, сура XIX, ст. 29. Может быть на надгробии следовало правильнее читать ولم تك بغيا 'и не была она порочной женщиной', но на камне вырезано ولم يك

[3] وله الحول و القوّة
[4] بسم الله الرحمن الرحيم
[5] والهكم إله واحدٌ
[6] لا آله الّا هو الرحمن و
[7] الرحيم الله لا آله
[8] الّا هو الحىّ القيوم
[9] لا تآخذه سنة و لا
[10] نوم له ما فى السّموات
[11] و ما فى الارض من ذا
[12] الّذى يَشْفَعُ عنده الّا
[13] باذنه يعلَمُ ما بين ايديهم
[14] و ما خلفهم و لا يحيطون
[15] بشىٔ من علمه الّا بما شآءَ
[16] وَسِعَ كرسيّه السّموات
[17] والارض ولا يَؤُدُهُ
[18] حفظهما و هو العلىّ
[19] العظيم ولا اكراه فى
[20] الدّين قد تبيّن الرّشد
[21] من آلغىّ فمن يكفرْ
[22] بالطّاغوت و يومن بالله
[23] فقد آسْتمسك بالعُروة
[24] الوثقى لا آنفِصامَ لها
[25] والله سميعٌ عليم
[26] صدق الله العظيم

[1] Он — бессмертный. Нет божества, кроме него!
[2] Ему принадлежит господство и к нему [все] возвращаются;
[3] у него могущество и сила.
[4] Во имя Аллаха милостивого и милосердного!
[5] „Ваше божество — бог единый;
[6] нет божества [иного], кроме него, милостивого и
[7] милосердного!“ — „Аллах... Нет [другого] божества,
[8] кроме него, бессмертного, присносущего!
[9] Его не объемлет ни дремота, ни
[10] сон: в его власти все, что на небесах,
[11] и все, что на земле. Кто может
[12] ходатайствовать пред ним без
[13] его позволения? Он знает, что̀ пред ними и
[14] что̀ позади них; они же постигают

[15] из его знания только то, что ему угодно.
[16] Престол его обширнее небес
[17] и земли и не бремя для него
[18] хранение их обоих; он — высокий,
[19] великий. — Нет принуждения в
[20] религии. Ясно отмечается прямой путь
[21] от кривой дороги и потому — кто отрицает
[22] ложное вероучение и верит в Аллаха, —
[23] тот держится за самую крепкую
[24] вещь, которая несокрушима.
[25] Аллах — слышащий, знающий".
[26] Правдив Аллах великий!'

Текст строчек 5, 6, половины 7 является 158 стихом из II суры Корана; с половины 7 строки по 25 включительно текст представляет так называемый „престольный стих" 256 и 257 из той же II суры Корана.

Могила сына Тӣмӯра, Мӣрāншāха, едва ли не самая запущенная из всех могил, которые находятся в центральной части Гур-и Эмира. Ее верхнее покрытие обрушилось и разрушило скелет покойника, положенный не в мраморную гробницу, как другие его родственники, а просто в вырытую в земле могилу, с легкой кирпичной облицовкой; никакой плиты над этой могилой не было. Но надгробие Мӣрāншāха за мраморной решеткой, в верхнем помещении мавзолея Гур-и Эмира, — весьма не плохое и по материалу (черный мрамор), и по резьбе, и представляет собою хороший образец подобного рода намогильных памятников XV в. Надписи, вырезанные только на верхней поверхности надгробия, как мы видели, не дают ни дат, ни исторических сведений. Лишь по краям надгробия надпись заключает сведения, что эта гробница — принца Мӣрāншāха, сына амӣра Тӣмӯра, с перечислением его предков до легендарной Алан Ḳувā, с подчеркиванием, что ее мужем был Алид — „чистый свет, [проистекший] от потомков Льва Аллаха, победителя ʿАлӣя, сына Абӯ Ṭāлиба".

Что Мӣрāншāх погиб в Азербайджане от руки воевавшего с ним Ḳара Йӯсуф туркмена в 810/1407—1408 гг. или, по другой версии, 14 рамаḍāна 809 (22 февраля 1407 г.), что потом кости его были перенесены из Азербайджана некиим „Шамс-и Гӯрӣ'ем" („Могильным солнцем") в Мāвераʾннахр и похоронены в Шахрисябзе, — об этом на надгробии нет ни слова. „О перенесении их впоследствии из Шахрисябза в Самарканд ничего не сообщается", — замечает акад. Бартольд.[1] Не сообщается об этом и в надгробной надписи. Загадочным является и то, кто и когда соорудил это надгробие Мӣрāншāха?

Давая все эти надписи в оригиналах и переводах, я не касался тех погрешностей, которые допустили в их разборе С. А. Лапин и М. Э. Блоше (M. E. Blo-

[1] تاريخ سيّد راقم, принадлежащая мне рукопись, повидимому, XVII в., лл. 60—61. — В. В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 30.

chet),[1] ибо полагал, что даваемые здесь фотографические снимки с этих надписей нагляднее всего показывают, как их следует читать, тем более что у С. А. Лапина не дано ни одного снимка с надписей. У Блоше к его работе хотя и приложена таблица с четырьмя надписями (на нефритовом надгробии Тӣмӯра, на неизвестно откуда взятой плите, на надгробии Мӣрāншāха и на плите Улуг-бēка), но первые три представляют собою фотокопии только с письмен, вне всякого их отношения к материалу и фону, на которых они возникли; отсюда, естественно, все вышло подчищенным, подретушированным; четвертая надпись, несомненно, воспроизводит не эстампаж, а копию с надписи, воспроизведенную Абӯ Са'ӣд Ма'ṣӯмом или кем-либо другим, поэтому-то в этой надписи есть значительные погрешности против подлинника. Особенно бросается в глаза неумело скопированная (и, разумеется, не путем снятия эстампажей) самая крупная и прекрасная надпись в верхней части плиты с мусульманским символом, в которой резчик допустил ошибку в выражении, сделанном в верху этой надписи: для заполнения свободного поля он вырезал куфическим письмом الملك لله, но пропустил мӣм, и получилось الك لله.

---

[1] Приношу искреннюю благодарность профессору А. Ю. Якубовскому за присылку мне отдельного оттиска вышеупомянутой работы М. Э. Блоше, которой не было в библиотеках Средней Азии, и М. А. Салье за оказанную мне помощь в расшифровке некоторых слов и речений в приведенных надписях.

А. Н. БЕРНШТАМ

НОВЫЕ НАДПИСИ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. Наконечник дротика с китайской надписью из Казахстана

В Отделе первобытной культуры Государственного Эрмитажа хранится под № 1405/1 бронзовый наконечник копья из Казахстана (коллекция Чудинова Б. М., сбор 1936 г.) с небольшой китайской надписью. Наконечник был найден в местности Бестюбе, в районе Степняк. Фотография с предмета была мне любезно предоставлена С. С. Черниковым.

Бронзовый наконечник копья имеет длину 22 см. Он представляет типичный для андроновского круга памятников II тысячелетия до н. э. листовидный наконечник в виде вытянутого овала длиной в 18 см с жилкой посредине. Внизу перо сильно сужается и переходит в уступчик, который заканчивается черенком в 4.3 см длиной (рис. 1, *а* и *б*).

В правой нижней половине пера расположены два четко выгравированных китайских иероглифа; они затянуты патиной такой же интенсивности, какой покрыт и весь предмет. Нет никакого сомнения в том, что знаки представляют собой иероглифы, а не тамги. Для последних прежде всего характерна связанность образующих тамгу черт.

Иероглифы читаются легко, особенно второй (сверху). В первом иероглифе мы допускаем в чтении дополнительный штрих; второй исполнен абсолютно точно. Читается надпись следующим образом: 仝 弋 тун и. Знак 仝 является разновидностью знака 同. Знак 同 известен на наконечнике стрелы, изданной в Цзиньши Су. Значение его в Цзиньши Су не объяснено.

Иероглиф 弋 имеет два рода значений как имени существительного — 'дротик' и 'метательное копье'. Васильев[1] и Куврэр[2] сообщают наиболее распространенное значение как вид копья, который метается в цель с помощью шнура для возвращения копья обратно стрелку. Это специфический вид метательного копья типа своеобразного гарпуна. „Тун и“ можно переводить 'в соответствии с и', 'одинаковое и', т. е. 'наконечник типа „и“'.

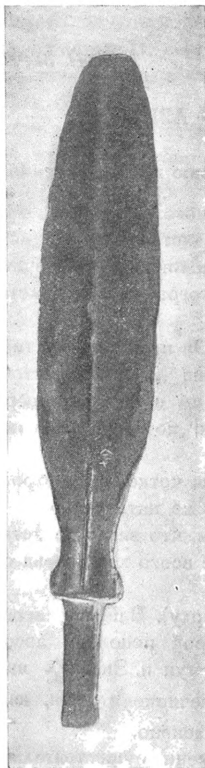
[1] В. П. Васильев. Графическая система китайских иероглифов. СПб., 1867, стр. 393 „бросать стрелу с бичевой“.

[2] F. S. Couvreur. Dictionnaire Classique, стр. 237: „Flèche munie d'un long fil par lequel on la retenait pour la ramener à soi après l'avoir lancée“.

Палеографические особенности букв сравнительно поздние, быть может второй половины Чжоу (скифское время), а всего вероятней даже не раньше ханьской эпохи (II в. до н. э.), т. е. гуннского времени.

Из этого явствует, что надпись нанесена позднее изготовления предмета и не может, очевидно, датировать сам предмет (но, судя по патине, надпись древняя). Остается предположить, что она нанесена в гуннское время владельцем этого предмета, сведущим в китайском языке. Когда он владел этим предметом и как он попал в район Степняка — на сей счет можно высказать разные догадки.

Академик В. М. Алексеев любезно указал нам на возможность читать в этой надписи, особенно в первых начертаниях, числительные как своеобразную нумерацию ценного для владельца оружия. Тогда верхний знак можно читать как цифру 82, в которой опущена десятка. Подобного типа написания известны. В том и другом случае несомненно чтение второго знака, обозначающего предмет как наконечник дротика определенного типа.

а б

Рис. 1. Наконечник копья-дротика (*а*) с китайской надписью (*б*). Казахстан. Степняк, ур. Бестюбе.

Попутно хочется обратить внимание на все большее и большее появление фактов, указывающих на распространение в древности на территории СССР вещей не только китайского происхождения с китайскими надписями,[1] но вещей

[1] См., например, заметку А. Маракуева: Фрагмент китайского бронзового зеркала в Археологическом музее Томского университета. Ученые записки Томского Гос. пед. института, т. III, 1946, стр. 145—152 и сл.; ВДИ, I, 1948, стр. 102.

местного изготовления с китайскими надписями, сделанными на вещах вероятней всего в областях находок этих предметов. Такой пример уже отмечен в археологических находках Семиречья.[1]

В 1947 г. в Абакане были найдены в комплексе вещей таштыкского времени (первые века н. э.) альчики барана, использованные как игральные кости, на которых были нанесены китайские знаки 大—„да“, 'большой' и числительные 十 'десять', 八 'восемь' и другие. С этими материалами мы лично ознакомились во время доклада автора раскопок А. Н. Липского в марте 1948 г. в Москве на пленуме Института истории материальной культуры, посвященном итогам экспедиционных работ за 1947 г.

2. Даршайская надпись почерком карошти

Летом 1947 г. во время работ руководимой нами Памиро-Алайской археологической экспедиции мы занимались археологическим обследованием Вахана. Во время фиксации многочисленных наскальных изображений в урочище Даршай (к западу от районного центра Шитхарв в Ваханском районе) обнаружена на отдельном камне надпись почерком карошти (рис. 2). Надпись высечена

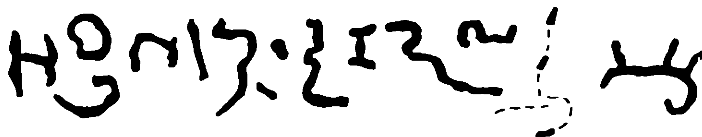

Рис. 2. Надпись карошти. Южный Памир, Вахан, ур. Даршай.

на отдельном камне, явно упавшем сюда с другого места, так как она сейчас находится в перевернутом виде. Надпись сильно затянута пустынным загаром темнокоричневого цвета и очень плохо поддается фотографированию, но все же достаточно четко различимы восемь букв и, очевидно, тамга.

Среди окружающих камней с наскальными изображениями имеется большое количество рисунков сакского времени (VI—III вв. до н. э.), часть, очевидно, кушанского (первые века н. э.), к которому относится и отмеченная надпись карошти. Много рисунков и более позднего времени, вплоть до недавнего прошлого, о чем свидетельствуют многочисленные арабские надписи, в основном имена: علی, محمد и т. п.

Район Даршая с его наскальными изображениями, которые неоднократно отмечались путешественниками (Бобринской, Олуфсен, Стайн), был, несомненно, издавна культовым местом. Без мостов и современной дороги он был сравнительно неприступным. Снизу и сверху он отграничен обрывистыми уступами скал, с востока и запада глубокими и узкими ущельями (Даршай I и Даршай II), в глубине которых с грохотом несутся горные потоки, впадающие в Пяндж

[1] А. Н. Бернштам. Фрагмент селадонового блюда с китайской надписью. КСИИМК, XIX.

На верхней террасе над этой культовой площадкой расположена постройка, типичная для древнего Вахана, т. е. кушано-эфталитского времени. Даршайская надпись, наряду с надписью карошти из Термеза,[1] является самой северной из известных надписей этого типа.[2] Перевод надписи и уточнение датировки имели бы важное значение для историко-археологического изучения памятников Памира.

3. Печать из Тараза

В 1938 г. в стратиграфическом раскопе древнего города Тараза, в V слое, датируемом нами V—VIII вв. н. э., около очага в завале домашней утвари была найдена печатка с надписью, из плотной пасты бледноголубого цвета. Четыреугольная сторона печати с надписью имеет размер 9.5 × 12.5 мм. С обратной стороны она срезана и имеет вид пирамиды (рис. 3). Если сделать оттиск этой печати, то получится совершенно точное воспроизведение слова čuj = [уйгурское написание] — уйгурскими буквами. Это слово мы неоднократно наблюдали как первое слово надписей на хумах, найденных в Чуйской долине в Сарыге.[3] Любопытно, что клеймо čuj имело какое-то особое значение, и не только в Чуйской долине, но и к западу — на Таласе.

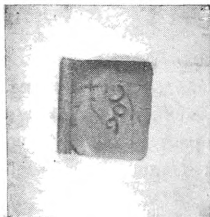

Рис. 3. Пастовая печать с надписью уйгурским шрифтом. Казахстан, г. Джамбул (древний город Тараз).

Быть может, печатка была утеряна в этих местах жителем Чуйской долины. Печатка подтверждает ранее нами высказанное предположение, что термин čuj имеет этногеографическое значение и связан с именем племен Чуйской долины.[4]

---

[1] М. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН, серия 1, вып. 2, Термезская археологическая комплексная экспедиция 1938 г., Ташкент, 1940, стр. 81.

[2] Sten Konov. Kharoshṭhī Inscriptions with Exception of those of Aśoka. Corpus Inscriptionum Indicarum, т. II, ч. I, Calcutta, 1929, см. карту, где самая северная надпись отмечена на реке Сват (Swat) в местности Тирас (Tirath).

[3] А. Н. Бернштам. Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I, М. — Л., 1947. С термина čuj начинаются и остальные надписи на хумах, подготовляемые нами к печати.

[4] А. Н. Бернштам, ук. соч., стр. 35.

Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ

АРМАЗСКОЕ ПИСЬМО И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГРУЗИНСКОГО АЛФАВИТА. II[1]

Открытие армазского письма выдвигает вопрос: в каком отношении находится это письмо с алфавитом того народа, для которого Мцхета-Армази на протяжении веков являлся центром политической и культурной жизни, именно с грузинским. Выяснение этого вопроса тем более важно, что при археологических раскопках в Мцхета найдены были греческие, еврейские, персидские и арамейские надписи, а грузинских пока не видно. Значит ли это, что в ту эпоху грузинское письмо еще не существовало и что, таким образом, оправдывается предположение о создании грузинского алфавита в V в. н. э. или, быть может, это объясняется другими причинами и, несмотря на отсутствие памятников с грузинскими надписями армазской эпохи, мы все же имеем основания предполагать существование в это время грузинского письма? Решение этой проблемы полностью связано с вопросом о взаимоотношениях армазского и грузинского письмен. Если выяснится, что грузинское письмо связано с армазским, и, вместе с тем, удастся показать, что отдельные грузинские буквы обнаруживают бо́льшую архаичность, чем армазские, то предположение о существовании грузинского письма в армазскую эпоху сделается более убедительным; и наоборот, если выяснится, что грузинское письмо не имеет никакой генетической связи с армазским, то вопрос о происхождении грузинского письма попрежнему будет оставаться открытым.

При изучении вопросов о связи грузинского алфавита с армазским мы всегда должны учитывать различный характер взаимоотношений между алфавитами и не делать поспешных выводов на основании лишь внешнего сходства между ними. Сходство между двумя алфавитами еще не значит, что один из них происходит от другого. Иногда это объясняется тем, что оба они имеют один общий источник, или же тем, что форма и начертание той или иной буквы меняется под влиянием другого алфавита. При изучении языковых взаимоотношений ведь не придают никакого значения простому сходству слов, пока не будут установлены закономерные соответствия между ними и не будет выяснена история этих слов. Всем известны случаи, когда два слова, внешне ничего общего между собою не имеющие, оказываются родственными при

[1] См.: Эпиграфика Востока, II, М. — Л., 1948, стр. 90—101.

изучении истории их развития.[1] Кроме того, мы располагаем достаточным количеством примеров, когда слова, похожие друг на друга и фонетически и семасиологически, генетически ничего общего между собой не имеют. То же самое касается алфавитов, и при изучении их родственных отношений должны быть применены те же методы, как и при выяснении генетических связей между разными языками. К сожалению, при изучении вопроса о происхождении гру-

Рис. 1—61. Сравнительная таблица алфавитов.

зинского алфавита пренебрегали этой истиной, и часто установление существования одинаковых букв в грузинском и в греческом было достаточным для появления различных теорий относительно греческого происхождения грузинского письма. При этом не пытались выяснить, оправдывается ли сходство отдельных букв их закономерным развитием, в чем заключается разница в начертании других букв и чем она вызвана. Без учета истории отдельной формы буквы, ее развития и изменения отдельных штрихов, даже при наличии сходства между буквами вряд ли можно делать соответствующие выводы относительно генетических связей алфавитов. Так, например, утверждения о том, что грузинское *d* (рис. 1) представляет

[1] Классическим примером являются персидские слова vard и gül, происходящие от одного и того же слова.

собою обратное, зеркальное отображение греческого Г (рис. 2), имеют мало цены, ибо для „поворота" буквы требуются определенные условия и если этих условий не имеется, то сходство придется объяснить другими причинами. Другое дело, если речь идет о „перевертывании" буквы в том случае, когда она взята из того языка, где письмо идет в противоположном направлении, и впоследствии, при изменении направления письма, буква принимает обратное, зеркальное отображение своего прототипа. Или, например, трудно объяснить характерные для тех или иных букв загибы влево (например грузинские *в*, *д*, и т. д., рис. 3—4) в письме, которое идет слева направо, иначе как пережитком той эпохи, когда текст писался в противоположном направлении. Поэтому нельзя связать эти буквы с таким письмом, которое пишется в том же направлении, что и грузинское, и у которого загибы стволов изменены в соответствии с новым направлением письма.

Сходство между отдельными грузинскими и греческими буквами нередко приводило исследователей к выводу о родстве грузинского алфавита с греческим. Еще в 1876 г. Гардтхаузен создал теорию о греческом происхождении грузинского и армянского алфавитов.[1] Впоследствии он повторил то же самое в вышедшей в 1913 г. своей капитальной работе „Греческая палеография".[2] В 1921 г. он третий раз коснулся этого вопроса с попыткой возобновить выдвинутую в 80-х годах прошлого столетия свою теорию, которую поддерживали и некоторые другие. Потом Фр. Мюллер,[3] а затем Тэйлор[4] выдвинули предположение о происхождении грузинского и армянского от персидско-арамейского. Кроме того, И. Маркварт[5] в своей работе, вышедшей в 1917 г., высказывается против теории Гардтхаузена и, несмотря на то, что проявляет слишком большое доверие к некоторым источникам об изобретении грузинского, армянского и албанского шрифтов, предполагает, что до V в. н. э. в Иверии для официальных документов должна была существовать какая-то разновидность пехлевийского письма. Против теории о греческом происхождении грузинского письма резко выступил X. Юнкер в своей специальной работе „Алфавит Авесты и происхождение армянского и грузинского письма".[6] По словам Юнкера, то, что Хюбшманну и Де Лагарду могло казаться обоснованным в 80-х годах прошлого столетия, когда многие памятники персидско-арамейской письменности еще не были известны и когда не было ясного представления о развитии этого письма, сегодня вряд ли может выдержать критику. Но и сам Юнкер под влиянием Маркварта тоже придает слишком много значения сведениям об изобретении алфавитов Маштоцем. Несмотря на это, при сравнительном изучении грузино-армянских и персид-

[1] W. Gardthausen. Ueber den Griechischen Ursprung der armenischen Schrift. ZDMG, XXX, 1876, стр. 79 и сл.

[2] W. Gardthausen. Griechische Paläographie, 2-изд., Leipzig, 1913, т. II, стр. 47.

[3] Fr. Müller. Ueber den Ursprung der armenischen Schrift. SB AW, 48.

[4] I. Taylor. The Alphabet, т. II, 1883, стр. 268 и сл.

[5] J. Marquart. Über den Ursprung des armenischen Alphabets in Verbindung mit der Biographie des Heiligen Maštoc. Wien, 1917.

[6] Junker. Das Awestaalphabet und der Ursprung der armenischen und georgischen Schrift. Caucasica, 1925, 2, стр. 1—92; 3, стр. 82—139.

ско-арамейских шрифтов он приходит к выводу, что в целом ряде случаев грузинский обнаруживает определенные родственные связи с персидско-арамейским. Но так как происхождение грузинского и армянского алфавитов для него связано с именем Маштоца и этот последний является деятелем V в., то датой „изобретения“ грузинского алфавита он считает V век, именно 402-403 гг. А к этому времени Маштоц мог взять в качестве образца три системы персидско-арамейского письма: 1) пахлавӣк; 2) пāрсӣк; 3) „смешанную“ систему Авесты. Но поскольку и Авесту и армянское письмо одинаково характеризует „неповоротливость“ знаков, то автор считает естественным, чтобы в армянском алфавите мы встречали следы третьей, „смешанной“ системы, тем более, что состав знаков первых двух систем не был достаточен для передачи армянских звуков.[1]

Ввиду того, что, по его мнению, грузинский алфавит создан тем же Маштоцем, то и в нем должны мы видеть следы иранской основы.[2] Для нас в настоящее время соображения относительно Маштоца и изобретения им грузинского[3] и даже армянского письма имеют мало значения.

Трудно также согласиться с выводом Юнкера о том, что прототипом грузинского алфавита является иранское письмо. Соображения Юнкера важны в том отношении, что при изучении грузинско-армянского сравнительно с иранским для него стало очевидным родство между грузинским и иранским. А это естественно, если исходить из точки зрения, что грузинское и иранское письмена происходят от одного общего источника, и понятно, что в них обнаруживаются родственные связи друг с другом, так же как и с другими письменами арамейского происхождения. Характерно также, что Юнкер, который придает слишком много значения роли Маштоца в деле создания грузинского алфавита, в результате изучения материала вынужден заключить, что в грузинских буквах обнаруживаются такие формы, которые могут быть понятны только как более древняя, переходная ступень между армянским и персидско-арамейским.[4] Важно также то, что больше всего параллелей автор находит в Авесте, письмо которой он считает „смешанным“. Теперь у нас имеется в центре древней грузинской культуры своеобразная система письма, тоже „смешанная“, если исходить из пехлевийского и парсийского, и это обязывает нас искать в другом направлении путей для разрешения одной из кардинальных проблем истории грузинской культуры — происхождения грузинского алфавита.

Еще в 1926 г. покойный академик И. А. Джавахишвили, касаясь вопросов происхождения грузинского письма, обратил внимание на исключительное сходство грузинских букв с финикийско-арамейскими и другими восточными письменами семитического происхождения.[5] В связи с этим он выдвинул теорию

---

[1] Junker, ук. соч., стр. 17.

[2] Junker, ук. соч., стр. 17.

[3] Об этом см.: И. А. Джавахишвили. Грузинская палеография. Тбилиси, 1926, стр. 189 и сл.

[4] „Грузинское письмо поэтому имеет для наших наблюдений особую ценность, ибо в отдельных случаях оно обнаруживает такие начертания, которые могут быть понятны как более древние и промежуточные между персидско-арамейскими основными формами и армянскими знаками“ (Junker, ук. соч., стр. 8).

[5] И. А. Джавахишвили, ук. соч., стр. 190 и сл.

о происхождении грузинского письма от финикийско-арамейского. Но главное затруднение при решении вопроса он видел в хронологической и, отчасти, территориальной отдаленности сравниваемых материалов. Теперь это затруднение устранено, ибо появилось в виде армазского письма промежуточное звено, к которому в хронологическом отношении непосредственно примыкают древнейшие памятники грузинского письма. Устранено также затруднение иного порядка. В Мцхета, древней столице Грузии, открыто своеобразное письмо, отличное от всех известных до сих пор других алфавитов. Уже сам этот факт дает возможность предположить существование какой-либо связи этого алфавита с грузинским. Поэтому при установлении сходства той или иной буквы этого алфавита с грузинским будем иметь больше оснований для утверждения о родстве между ними. Если бы указанный алфавит был найден где-нибудь в Южной Аравии или Абиссинии, то мы эти сходства могли бы объяснить как результат случайных совпадений, но наличие в одном и том же месте двух систем письма и определенное сходство между ними поневоле выдвигает вопрос о генетических связях.

Указанное сходство между отдельными грузинскими и армазскими буквами не так уж незначительно. Общий стиль армазского письма, загибы стволов и добавочные элементы букв значительно приближаются к грузинскому. Проявляется сходство и в начертании отдельных букв. Уже при издании билингвы было отмечено близкое сходство армазского ფ (рис. 5) с грузинским ფ (рис. 6).[1] Это явление имеет исключительное значение, ибо для знака, обозначающего губной спирант, до сих пор параллели находились только в греческом, что и служило одним из самых главных доказательств в пользу теории о родстве грузинского с греческим, тем более, что начертание самого греческого φ было специфически греческим и его параллели в памятниках семитической письменности не были найдены.[2] В надписи царя Митридата из Армази мы имеем единственный случай написания в семитическом письме этой буквы подобно греческому φ и грузинскому ფ, и после этого нечего искать аналогию грузинскому ფ где-нибудь в другом месте, в то время как мы сами имели такой знак.

Весьма интересен также вопрос о грузинском ა (рис. 7). В данном случае важно не только сходство между грузинским ა и армазским ა (рис. 8), а то обстоятельство, что этот знак в армазском имеет определенную тенденцию к уподоблению грузинскому.

В целом ряде древнейших памятников арамейской письменности правый длинный ствол буквы проявляет склонность к загибанию влево.[3] В пальмирском эта часть буквы уже сильно загнута влево (рис. 9), а в еврейском квадратном шрифте образует почти уже замкнутый круг (рис. 10)[4]. В армазской надписи

---

[1] АБ, русск. изд., стр. 15; груз. изд., стр. 11.

[2] W. Larfeld. Griechische Epigraphik. 1914, стр. 230 и сл.; И. А. Джавахишвили, ук. соч., стр. 218.

[3] M. Lidzbarsky. Handbuch d. nordsemitischen Epigraphik, II. 1898, табл. XXXVII и сл.; также табл. XLV.

[4] См. NE, II, табл. XLIV, XLV, XLVI; также: Д. А. Хвольсон. Сборник еврейских надписей, Пб., 1884, таблица, составленная Ю. Эйтингом.

Митридата буква имеет такую форму, как в среднеиранском, и оба вертикальных ствола имеют почти одинаковую длину (рис. 11). При этом у правого ствола заметна незначительная тенденция загнуться вправо. Уже в билингве левый ствол стоит на пути сокращения и вырождения. Он уменьшился до такой степени, что вместе с надстрочным коротким штрихом образует дугу, направленную влево (рис. 8); правый ствол сильно загнут вправо, совершенно так, как это характерно для грузинского (рис. 7).

Сходство этих букв между собою тем более характерно, что начертание самех билингвы является специфически армазским и существенно отличается от всех известных начертаний этой буквы. Именно то, что отличает самех от начертания соответствующей буквы в других письменах, сближает его с грузинским, и это является для нас наиболее интересным.

Но важнее всего сходство между грузинским ç (рис. 12) и армазским çādē (рис. 13). При издании билингвы[1] было указано, что армазское çādē почти идентично, с одной стороны, с средне-финикийским ṣ (рис. 14), а с другой — грузинским нусхури ṣ (рис. 12). От финикийского буква отличается только тем, что у нее отсутствует надстрочный короткий штрих.[2] Для связи указанных знаков армазского и грузинского алфавитов важно также фонетическое соответствие между грузинским ç и семитическим ṣ. Этот последний, как известно, передается в грузинском и армянском через ç.[3] Но возникает вопрос: что лежит в основе знаков, обозначающих родственные с ç звуки? Для этого не лишне уяснить себе, как выражены аналогичные звуки в других языках.

В пехлевийском существовало две шипящих аффрикаты č и ǰ и два шипящих спиранта š и ž.[4] При образовании пехлевийской азбуки на основе арамейского для ś, как это следовало ожидать, был использован ש, но так как для звонкого шипящего звука ž, а также для аффрикат č и ǰ, кроме çādē (צ), другого знака не оставалось, именно этот знак был использован для обозначения всех этих трех звуков (č, ǰ, ž).[5]

Для этого было достаточно основания, тем более что сами семиты с помощью צ передавали иностранные (китайские, персидские) аффрикаты. В парсийском также тот же знак был использован для обозначения аффрикат č и ǰ. Таким образом, арамейское צ в персидском было многозначащим.

В грузинском и армянском мы имели значительно большее количество аналогичных звуков, именно: придыхательные c (рис. 15) и č (рис. 16); резкие эйективные ç (рис. 12) и č̣ (рис. 17); и кроме того звонкие ʒ (рис. 18) и ǯ (рис. 19). Каким образом должны были передаваться указанные грузинские звуки с помощью арамейских знаков? Для передачи глухих аффрикат был единственный способ: использовать צ, которым в самом семитическом обыкновенно передавались иностранные аффрикаты и который персами был использован для тех

[1] АБ, стр. 16, прим. 3; стр. 11, прим. 10.
[2] Например: Д. А. Хвольсон, ук. соч., табл.; NE, II, № 6, строка 3, табл. VIII.
[3] АБ, стр. 16, прим. 3.
[4] Junker, ук. соч., стр. 9.
[5] Junker, ук. соч., стр. 9 и сл.

же целей. Надо думать, что и грузины избрали этот путь для передачи c, č, ç, ç̌, использовав один и тот же знак ϒ и с помощью его модификации создав разные буквы. Возможно, что эта модификация произошла не в грузинском, а с самого начала в качестве прототипа всех четырех аффрикат были взяты модифицированные варианты арамейского ϒ, существующие в самом семитическом (рис. 20).[1] Это станет очевидным, если учесть развитие в семитических письменах старого ṣādē.

В древнейших памятниках финикийской и арамейской письменности ϒ представляет собою вертикальный ствол, от которого идет вправо горизонтальный штрих. К этому штриху с правой стороны присоединен угол, обращенный вверх (рис. 21).[2] Из этой первоначальной формы буквы впоследствии развиваются ее многочисленные варианты.

Один из них вызван тем, что буквы, оканчивающиеся идущими вправо штрихами, делающими необходимым отрыв руки, чтобы знаки не слились с соседними буквами, загибаются в этих концах влево, и таким образом ⊦ > ⊦; ⌞ > ⌞; Ш > Ч, а первоначальный |ᴺ > |ᴹ.[3] Эта форма, засвидетельствованная еще в среднефиникийском (рис. 14),[4] легла в основу армазского ṣ (рис. 13) и грузинского ç (рис. 12). Разница заключается только в том, что в армазском надстрочный короткий ствол уже исчез — явление встречающееся и в некоторых других буквах, полученных от того же знака.[5] Сходство между грузинским ç и семитическим ṣ ϒ можно было бы заметить и раньше, но тогда это могло быть недостаточным для утверждений об их родственных связях, из-за большой хронологической отдаленности. А теперь появился армазский посредник между ними, и думаю, что вопрос о ç можно считать решенным.

Кроме указанного варианта ϒ, от которого получен груз. ç, встречаются и другие разновидности буквы. Еще в финикийском, а затем в целом ряде памятников арамейской письменности вместо появления добавочного штриха, придающего верхней части буквы зигзагообразную форму, исчезает крайний правый ствол, и буква принимает форму вертикального ствола, с коротким горизонтальным штрихом, загнутым вниз (рис. 22).[6] Этот вид буквы идентичен с грузинским нусхури č (рис. 16), и надо думать, что этот последний происходит от указанного вида ϒ. Совершенно незначительная разница между ними заключается в том, что в грузинском верхняя часть вертикального ствола загнута несколько вправо, соответственно с направлением письма.

Повидимому, от этого же знака (рис. 22) происходит и грузинский нусхури c (рис. 15). В данном случае надстрочный короткий ствол значительно уменьшен, подобно тому, как это случилось с ç, но его следы можно еще заметить

---

[1] NE, II, табл. XLVI.
[2] См., например, известную надпись Меши (NE, II, табл. I.).
[3] NE, I, стр. 179; АБ, стр. 8.
[4] Ср., например, надпись 96 г. до н. э. (NE, II, табл. VIII, 6).
[5] NE, I, стр. 179.
[6] NE, II, табл. VI, 2, 3; XLV.

в ранних списках нусха — хуцури и мтаврули рукописей.[1] Главная разница между *č* (рис. 16) и *c* (рис. 15) заключается именно в величине надстрочного штриха. Кроме того, для *c* характерен более сильный загиб (вплоть до того, что в месте загиба образуется угол) нижней части вертикального ствола вправо, сравнительно с более прямой линией *č*, но в отдельных случаях (например в рукописи 1081 г. Афонского монастыря) мы встречаем довольно сильный загиб указанной части вертикального ствола вправо (рис. 23).[2]

Кроме того, в набатейском,[3] а также в еврейском квадратном шрифте[4] мы встречаем другой вариант ϒ: 1) правый косой ствол совершенно исчез; 2) надстрочный короткий штрих значительно сокращен и стоит на пути вырождения, как в вышеуказанных случаях; 2) нижняя часть вертикального ствола загнута влево (рис. 24), после чего буква становится почти идентичной с грузинским *č* (25). Характерно, что при грузинском *č* (25), а также как и при *ç* (12) и *ç* (15) в целом ряде случаев мы встречаем следы надстрочного короткого штриха.[5] Кроме того, в грамоте 1058 г., пожалованной Багратом IV Шио-Мгвимскому монастырю,[6] мы встречаем такое написание *ç̌*, где появляется добавочный знак, придающий верхней части буквы зигзагообразную форму (рис. 26). Возможно, что это — след того добавочного штриха, который характерен для армазского *ş* и грузинского *ç* и который развился еще в финикийском и арамейском. Эта деталь определенно указывает на генетическое родство между грузинским *ç* и грузинским же *ç̌*.

Весьма вероятно, что с указанным знаком (ϒ) связан генетически также грузинский *ž* (27), как это утверждал в свое время Юнкер.[7] В таком случае мы имели бы пример обратного, зеркального отображения буквы при изменении направления письма.

Таким образом, тот факт, что буквы *c*, *č*, *ç*, *ç̌* и возможно *ž* в отношении начертания обнаруживают исключительное сходство с разными вариантами семитического ϒ, а также то обстоятельство, что персы для обозначения переднеязычных аффрикат употребляли ϒ и что сами семиты для передачи иноязычных аффрикат пользовались тем же ϒ, дает нам основание думать, что указанные грузинские буквы происходят от ϒ. Характерно также, что все эти четыре аффрикаты в грузинском алфавите расположены вместе: čin, can, [ʒil], çil, ç̌ar. Их разъединяет только *ʒ*, который, кстати, по Юнкеру,[8] тоже происходит от ϒ.

---

[1] Например, пергаментно-папирусная рукопись 981 г., Иоанна Зосима из Синайского монастыря, рукопись 1002 г. Афонского монастыря; грамота 1058 г. Баграта IV и множество других (И. А. Джавахишвили, ук. соч., табл. I).

[2] И. А. Джавахишвили, ук. соч., табл. I; ср. рис. 15 и 23.

[3] Д. А. Хвольсон, ук. соч., табл. шрифтов Ю. Эйтинга; NE, II, табл. XXIX, 2; XXX, 1.

[4] Д. А. Хвольсон, ук. соч., ук. табл.; NE, II, табл. XLIII, 5. — И. А. Джавахишвили, ук. соч., табл. I.

[5] Ср., например, рукопись 981—982 гг. Иоанна Зосима из Синайского монастыря, № 6.

[6] И. А. Джавахишвили, ук. соч., табл. I.

[7] Junker, ук. соч., Caucasica, 1926, Fasc. 3, стр. 117 сл.; ср. также И. А. Джавахишвили, ук. соч., стр. 216 сл.

[8] Junker, ук. соч., табл. 7, стр. 119.

Сходство указанных букв с семитическим письмом имеет исключительное значение. Это как раз те буквы, которые отсутствуют в греческом, и поэтому они не могли быть заимствованы из греческого. Каково бы ни было решение вопроса о происхождении грузинского алфавита, прототипы указанных грузинских букв мы должны искать в семитическом.

Кроме указанных букв, ряд других знаков также обнаруживает сходство между армазским и семитическим письмом. Размеры статьи не позволяют коснуться всех случаев сходства между отдельными знаками. Отметим только некоторые из них, наиболее важные для изучения истории грузинского письма, в частности *в* и *д*.

Для всякого, знакомого с историей развития семитического бет, станет очевидным, что между армазским *в* (рис. 28) и грузинским *в* существует закономерное соответствие, хотя с первого взгляда как будто между ними нет ничего общего. Армазское *в*, как уже было отмечено,[1] обнаруживает родство с парсайским (рис. 29).[2] Аналогичную форму имеет также набатейское ﬡ (рис. 30),[3] развившееся из той формы буквы, которая полностью сохранилась в грузинском. Грузинское нусхури *в* (рис. 31), можно сказать, идентично со староарамейским ﬡ (рис. 32, I).[4] Только в мтаврули характеризуется он загибом вертикального ствола вправо (рис. 33), что́ является результатом изменения первоначального семитического направления письма, когда стали писать слева направо. Несмотря на это, если верно предположение И. А. Джавахишвили[5] о том, что замкнутость верхней части буквы является пережитком первоначального положения, и если это не вторичное явление, то мы имели бы любопытный случай, когда верхняя часть буквы сохраняет архаичную форму в мтаврули, а нижняя — в нусхури. Старо-арамейское *в* (рис. 32) впоследствии теряет левый вертикальный ствол, а верхний горизонтальный штрих соединяется с вертикальным в его верхней части, вследствие чего буква приобретает форму двух горизонтальных линий, объединенных между собою вертикальным стволом, так, например, в пальмирском, сирийском и еврейском квадратном шрифте (рис. 34). Впоследствии верхний горизонтальный штрих сокращается, после чего буква принимает форму, засвидетельствованную в набатейском, парсийском и армазском (рис. 30, 35). Отсюда ясно, что груз. *в* не может быть рассматриваемо как дальнейшее развитие армазского *в*. Наоборот, армазское *в* представляет собою развитие той формы буквы, которая сохранилась в идентичной с древнейшим арамейским типом грузинской буквы.[6]

То же самое касается *д*. В то время как в довольно древних греческих надписях старая семитическая *д* (рис. 37) уже повернута вправо, в грузинском

---

1 АБ, стр. 9.

2 См., например, надпись Шāпӯра на Ка'ба-и Зардушт (M. Sprengling. Zur Parsik-Inschrift an der 'Kaaba des Zoroaster'. ZDMG, B. 91, № 3, 1937, фотография; также последний номер AJSL, 1940).

3 NE, II, табл. XXIX, I; XXIX, 2 и др.

4 См., например, надпись V—IV вв. до н. э., NE, II, табл. XXVI, 3.

5 И. Джавахишвили, ук. соч., стр. 199 сл.

6 Ср. АБ, стр. 49.

она сохранила первоначальное направление. Древнейший семитический тип гимеля, как известно, состоит из двух линий, соединенных в верхнем углу (рис. 36).[1] Впоследствии левый ствол несколько укорачивается и принимает горизонтальное направление (рис. 37),[2] между прочим, в самаританском (рис. 38). В более поздних памятниках арамейской письменности место слияния левого ствола с правым опускается вниз, как, например, в пальмирском (рис. 39, I)[3] и еврейском квадратном шрифте (рис. 40).[4] В армазском (рис. 41),[5] сирийском (рис. 42)[6] и парсийском (рис. 43)[7] место слияния этих двух стволов сдвинулось еще ниже. В грузинском мтаврули (рис. 44), подобно самаританскому (рис. 38), сохранилась первоначальная форма, но там появился добавочный элемент в виде загнутого вправо штриха, который мог развиться в результате изменения направления письма. Противоположное направление того же штриха в нусхури (рис. 45) свидетельствует о том, что еще в ту эпоху, когда текст писался справа налево, в грузинском курсиве успел появиться в соответствии с тогдашним направлением письма загиб влево, который в качестве пережитка, подобно *в*, сохранился и в *д*.

Начертания *в* и *д* имеют исключительное значение для изучения истории грузинского письма. Эти буквы обнаруживают значительно бо́льшую архаичность, чем армазские знаки, и сами представляют собою прототипы, от которых произошли соответствующие армазские знаки. Поэтому мы не можем рассматривать грузинское письмо как дальнейшее развитие армазского письма. Оно только является родственным с ним и вместе с ним происходит от одного общего источника — арамейского.[8] Этим объясняется, что в армазском мы не найдем прототипов для всех грузинских букв[9]. Если исходить из древнеарамейского, в одних случаях грузинские буквы обнаруживают бо́льшую архаичность, в других — армазские.

В данном случае, наряду со сходством, мы встречаем и расхождения, как это наблюдается в двух родственных языках. С другой стороны, подобно тому как при сравнительном изучении языков мы встречаем родственные слова и формы в таких языках, которые значительно отдалены друг от друга географически, в то время как в промежуточных языках подходящие соответствия отсутствуют, точно так же для того или другого грузинского знака мы можем найти аналогии не только в таких близких по географическому распространению алфавитах, как армянский, но даже и в таких отдаленных письменах, как фини-

[1] NE, I, стр. 182.
[2] NE, II, табл. XLVI.
[3] NE, II, табл. XXX, 3; XXXIX, 5 и др.
[4] NE, II, табл. XLXI.
[5] АБ, табл. I, II.
[6] NE, I, стр. 192.
[7] См. надписи Шāпӯра: M. Sprengling, ук. соч.
[8] АБ, стр. 19.
[9] Хотя случаи сходства между грузинскими и армазскими буквами не исчерпываются лишь указанными примерами; см. ниже, стр. 71.

кийское,[1] парсийское, пехлевийское, Авеста, согдийское и даже харошти.[2] Этой же причиною можно объяснить некоторое сходство грузинского с греческим. В конце концов греческое письмо ведь тоже происходит от семитического.

Но с греческим грузинское письмо связывает еще другое обстоятельство. Нельзя пройти мимо факта исключительного сходства, в некоторых случаях даже идентичности, грузинской системы письма с греческим. Чем это объяснить?

В специальной литературе уже делались попытки объяснить это сходство следствием сближения грузинского и армянского[3] письмен с греческим в процессе культурно-исторических связей. Это сходство заключается в следующем: 1) изменение направления письма (направление письма — слева направо, вместо первоначального семитического направления — справа налево); 2) совпадения в порядке букв; 3) общие дуктус, стиль и манера письма; и, наконец, к этому следует добавить 4) применение специальных знаков для обозначения гласных.

Действительно, достаточно сравнить грузинские (и армянские) заглавные (мтаврули) буквы с греческими, чтобы сразу убедиться в их исключительном сходстве. Даже в тех случаях, когда отдельные буквы имеют совершенно различные начертания, общий характер знаков одинаковый. Важно также, что это сходство в буквах мтаврули сказывается в гораздо большей степени, чем в строчном мхедрули. Объясняется это, повидимому, тем, что, являясь орнаментальным шрифтом и шрифтом официальных документов, мтаврули больше подвергалось изменениям, чем нусхури, употреблявшееся на первых порах в частном обиходе.

Еще больше сказывается близость с греческим в обозначении гласных. В данном случае аналогию мы имеем и в других письменах. Так, например, письмо Авесты, повидимому, обязано греческому введением системы обозначения гласных.[4] Такое письмо арамейского происхождения, как эстрангело, в котором по обычному семитическому правилу гласные буквы отсутствуют, даже самые знаки, обозначающие гласные, прямо взяты из греческого.[5] Под влиянием греческого письма намечается, по нашему мнению, развитие системы гласных в армазском письме. Так, например, в борийской надписи א, ו, י просто употребляются для обозначения *a*, *u*, *i*.[6] Греческому обязано, по всей вероятности, грузинское письмо введением системы гласных. Даже самые знаки, обозначающие некоторые гласные,[7] просто взяты из греческого, вследствие чего они и идентичны с греческим письмом. Это касается, прежде всего, мтаврули ο (рис. 46),

---

1 См. выше, относительно ç.

2 В алфавите Kharoṣṭhi Юнкер неоднократно находит параллели для некоторых армянских и грузинских букв (Caucasica, 1925, Fasc. 2, стр. 1 сл.; 1926, Fasc. 3, стр. 82 и сл.).

3 T a y l o r. The Alphabet. An account of the Origin and Development of Letters. London, v. II, 1883, стр. 268 и сл.— J u n k e r, ук. соч., стр. 5.

4 Ср.: J u n k e r, ук. соч., стр. 10 и сл.

5 Th. N ö l d e k e. Kurzgefasste Syrische Grammatik. 2-е изд., Leipzig, 1898, стр. 8.

6 А. Я. Б о р и с о в. Надписи на серебряной чаше из Бори (Грузия). Сообщения Государственного Эрмитажа, IV, Л., 1947, стр. 8 и сл.

7 Но не все, например, буквы для *a* и *i*, повидимому, представляют собою продолжение старой арамейской традиции. Ср.: J u n k e r, ук. соч., стр. 75 и сл.

которое мало чем отличается от соответствующего греческого знака ο (рис. 47).[1] Почти прямым указанием на греческое заимствование является способ написания *u* с помощью комбинации двух букв *о* и *v* (рис. 48) подобно греч. ου (рис. 49). Греческому влиянию обязано также существование так называемого восьмого *ē* (рис. 50). Древнейшее начертание этой буквы в греческом (рис. 51) почти идентично с грузинским мтаврули *ē*.

Больше того, как выяснило специальное исследование,[2] в древнегрузинском эта буква, собственно, даже не имеет строго разграниченной функции. Объясняется это, по нашему мнению, тем, что она не представляла собою соответствия реально существующему звуку живой грузинской речи, а введена под влиянием греческого: в классическую эпоху в греческом было два знака для обозначения *е*, и при приспособлении грузинского алфавита к греческому было создано тоже два знака (рис. 52, 53); и для обозначения *о*, подобно двум греческим буквам ο (рис. 54) и ω (рис. 55), тоже ввели два знака (рис. 56, 57), из которых последний также вряд ли отражал звук живой речи.

Любопытно еще то обстоятельство, что буква *ē* занимает восьмое место в алфавите. Тот факт, что для обозначения числа 8 в древнегреческом часто употребляется буква *h*,[3] свидетельствует о том, что первоначально на восьмом месте стояла именно *h*, которая впоследствии была вытеснена буквой *ē*. На этом примере можно убедиться, что даже некоторое сходство в порядке букв между грузинским и греческим является результатом позднейшего изменения и свидетельством о греческом происхождении грузинского алфавита служить не может. Этим объясняется также то, что при наличии этих совпадений в целом ряде случаев порядок грузинских букв расходится с греческим и примыкает к семитическому.

Все эти факты говорят о сильном влиянии греческого письма на грузинское, которое особенно могло усилиться при христианизации Грузии,[4] когда появилась

---

[1] См., например, надпись Сахакдухта, где грузинское *о* пишется совершенно так же, как греческое (Г. Бочоридзе. Памятник Джвариси. Архив Грузии, кн. III, Тбилиси, 1927, стр. 206—208, рис. I—III.— Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства. Тбилиси, 1944, табл. 116).

[2] М. Каухчишвили. Материалы для истории древнегрузинского *ē*. (Тезисы диссертации). Изд. Акад. Наук Груз. ССР, Тбилиси, 1945.

[3] „Следует отметить, что вместо *ē* часто употребляется *h* и таким образом *h* = 8, а *ē* обозначает 8000. Читатель должен помнить, что в таких случаях нет никакой ошибки, а совершенно сознательно применяемое правило. В надписи, содержащей приказ картлийского католикоса г. Ани, Епифания, дата — хороникон 438— обозначена буквами ჳლჱ (Н. Марр. Надпись Епифания, Католикоса Грузии, ИАН, 1910, стр. 1436—1439), и здесь вместо *ē* употреблено *h*". (И. А. Джавахишвили, ук. соч., стр. 147).

[4] Об этом больше всего свидетельствует начертание грузинского *k*. В армазском письме, а также в некоторых поздних памятниках арамейской письменности, эта буква состоит из двух линий, одной вертикальной и одной горизонтальной (рис. 58). Впоследствии в месте пересечения этих стволов появляются выступающие штрихи и буква принимает форму (рис. 59), легшую в основу груз. *k*. Но так как с этой буквы „*k*" начиналось слово „Христос" (Кристе) и она стояла в начале почти каждой грузинской надписи в качестве символа Христа и Креста (так называемое кап = ჴႨ), то буква принимает форму настоящего креста, как это имеем в древнейших памятниках грузинской эпиграфики, например в надписях V—VI вв.

необходимость в приспособлении грузинского письма к греческому. Возможно, что в армянских сообщениях о деятельности Месропа||Маштоца сохранились отголоски того события, которое произошло при реформе письма в связи с христианизацией Грузии. Основной же материал, из которого состоит грузинская азбука, по всей вероятности восходит к арамейскому, легшему в основу целого ряда восточных шрифтов. В связи с этим нельзя связывать возникновение грузинского письма с эпохой христианизации,[1] ибо в таком случае не стали бы брать в качестве его основы дохристианскую языческую азбуку, а использовали бы греческое письмо, которое, кстати, имело продолжительные традиции развития и распространения на территории Грузии.

При сравнении армазского письма с грузинским мы часто находим параллели в строчном письме нусхури. Значит ли это, что мы рассматриваем нусхури как более древнее письмо сравнительно с мтаврули, вопреки мнению большинства исследователей? Возникает вопрос: какая из этих двух разновидностей грузинского письма появилась раньше: мтаврули или нусхури? По нашему мнению, такую постановку вопроса едва ли можно считать оправданной. Развитие грузинского письма не представляется нам по библейской схеме: мтаврули породило нусхури, нусхури породило мхедрули и т. д. Действительность значительно сложнее. Трудно допустить мысль, что письмо нусхури создано именно в той эпохе, в которой оно впервые встречается. Вероятнее всего, оно имеет значительно более длительную историю. Но если даже согласиться с мнением, что нусхури произошло от мтаврули, мало вероятно, чтобы это последнее (мтаврули) оставалось без изменения. Скорее всего оба типа грузинского письма развивались и отделялись от первоначального оригинала, и этим объясняется, что в одних случаях нусхури сохранило более архаические начертания, а в других мтаврули. Даже в одной и той же букве наблюдаются случаи, когда одна часть буквы сохранилась в более архаической форме в нусхури, а другая часть — в мтаврули, как это показано на примере *в*. Это обстоятельство должно всегда иметь в виду при сравнении грузинского алфавита с другими письменами.

В настоящей статье указаны только некоторые случаи сходства грузинских букв с армазскими. Детальное сравнительное изучение грузинского и армазско-арамейских письмен покажет, что это сходство проявляется и в других случаях, несмотря на то, что некоторые первоначальные черты грузинского алфавита значительно изменены благодаря греческому.

Болнисского сиона Мцхетского крестного монастыря или в надписи VI—VII вв. Мцхетского крестного монастыря. См.: Л. Мусхелишвили. Болниси. Известия ИЯИМК III, Тбилиси, 1938, стр. 325, рис. 10, 11; Г. Чубинашвили. Болниси. Известия ИЯИМК, Тбилиси, 1940, стр. 64, 70, также 183 (см. рис. 60); И. А. Джавахишвили. Труды Тбилисского Гос. университета им. Сталина, II, 1922; Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства, Тбилиси, 1944, табл. 89 и др.

[1] А. А. Фрейман. Несколько замечаний к „Армазской билингве" Г. В. Церетели. ИАН, Отд. языка и литературы, т. V, 1946, стр. 160.

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН

ФРИЗОВЫЕ ИЗРАЗЦЫ XIII в. С ПОЭТИЧЕСКИМИ ФРАГМЕНТАМИ

К числу наиболее известных средневековых изделий из глины, представленных архитектурными памятниками Ирана, Азербайджанской ССР, а также обнаруженных раскопками в Армянской ССР, и в последнее время приобретенных случайно в южной части Туркменской ССР,[1] могут быть отнесены разнообразные по типам, многокрасочные с люстром или чисто люстровые фигурные изразцы, в росписях которых одним из наиболее часто повторяющихся мотивов являются надписи. Эти надписи, встречающиеся изредка и на внутренних полях изразцов, неся при этом почти исключительно декоративную роль или служа для пояснения изображенных на них сюжетов, обычно заполняют собой ломаные бордюры на наружных краях изразцов и по своему содержанию никакого отношения к основным росписям не имеют.

Содержание этих надписей различно в зависимости от того, для облицовки каких зданий, — культовых или светских, — они предназначались. В первом случае встречаются стихи из Корана, реже — хадисы, во втором — поэтические образцы, реже — поучения и наставления, не всегда укладывающиеся в стихотворные размеры.

Поэтические образцы могут быть разделены на две основные группы: на руба̄ʿӣ и на выдержки из больших поэтических произведений. Среднее положение между ними занимают отдельные бейты, встречающиеся и в больших поэтических произведениях, но сохраняющие независимое существование благодаря содержащимся в них законченным афоризмам, поучениям или сентенциям.

Значение этих поэтических образцов, встречающихся и на разного рода других изделиях из глины, не оценено еще должным образом, и подход к ним очень односторонен. Если тексты руба̄ʿӣ воспроизводились в ряде музейных бюллетеней, в периодических и специальных изданиях и послужили даже материалом для опыта датировки некоторых групп изразцов,[2] то тексты поэтических выдержек вовсе не воспроизводились, если не считать крайне редких случаев переводов без указания на источники, откуда тексты взяты. Между тем все

[1] Южнотуркменская археологическая экспедиция 1946 г., городище Ниса.

[2] M. Bahrami. Le problème des ateliers d'étoiles de faïence lustrée. Revue des Arts Asiatiques, t. X, n° 4, Paris, Décembre 1936, стр. 180—191.

эти тексты — как руба̄ʻӣ, так и поэтические выдержки — представляют ценный материал не только как вспомогательный момент для изучения изразцов и изразцового производства, но и сами по себе как фиксации литературных памятников, предшествующие в массе своей на одно — три столетия самым древним из дошедших до нас рукописей, за исключением двух из них: неполной рукописи Шахнамэ 1276 г. Британского музея и также недостаточно полной рукописи той же поэмы 1333 г. Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.[1] Разумеется, что в связи с этим встают и другие вопросы историко-культурного характера, которые выходят за пределы чисто историко-литературных интересов. Освещение этих вопросов требует привлечения значительного материала, что исключается размерами настоящей статьи. Последняя преследует значительно более скромную цель — осветить в пределах возможного один из частных вопросов, тесно увязанный с другими, возникающими в связи с надписями на фигурных изразцах, и могущий способствовать более всестороннему их изучению.

Среди фигурных расписанных в несколько красок или чисто люстровых изразцов наиболее распространенными являются восьмилучевые звезды и равноконечные кресты, из которых составлялись сплошные наборы, и в большей степени звезды, поскольку из соображений цветной гаммы расписные кресты иногда заменялись одноцветными поливными крестами без надписей. Поскольку такими наборами облицовывались исключительно стены, надписи, идущие по краям изразцов, не могли предназначаться для чтения. Если бы даже изразцы помещались на уровне человеческого глаза, что отнюдь не обязательно, то вертикальное положение их на стене исключало возможность нормального рассмотрения всей надписи. Чтобы прочитать надпись полностью, любопытствующему пришлось бы принимать перед стеной очень неудобные позы, возможность чего почти полностью отпадает, если вспомнить, что такими изразцами облицовывались культовые и дворцовые сооружения, внешняя благопристойность в которых была обязательной. Не способствовало чтению надписей и то, что начало их не всегда оказывалось на том месте, откуда нормальнее было бы начинать разбор, тем более что на изразцах, роспись которых требовала определенного положения на стенах, начало надписи не всегда согласовывалось с их росписью.

Но даже при том условии, что при укладке изразцов на стену могли бы приниматься в расчет удобства чтения надписей, все же часть надписи на любом из них оставалась бы недоступной и о ней можно было бы лишь догадываться. В тех случаях, когда это бывал связный текст, к тому же и знакомый читающему, вопрос обстоял бы проще, но если на изразце было записано, как это часто встречается, два руба̄ʻӣ, то одно из них неизбежно оставалось бы непрочитанным.

Возникает вопрос: какой же имело смысл записывать на изразцах стихи, не связанные по своему содержанию с их росписями и не могущие быть

[1] Автору не известно, развил ли М. Бахрами (M. Bahrami) свою мысль о важности для истории литературы воспроизведенных им руба̄ʻӣ, о чем он замечает попутно в указанной выше статье (см. стр. 182, прим. 4).

прочитанными полностью, а то и вовсе, если положение изразца на стене делало надпись его неразборчивой для глаза человека, стоящего в нормальной позе перед стеной.

Когда мы имеем дело со стихами из Корана, небольшими по размеру, хорошо знакомыми каждому, которые бесконечное количество раз повторяются на изразцах, изготовленных для мечетей, мавзолеев и иных мест культа, то это понятно. Эти стихи и не предназначались для чтения, точно так же как не всякий Коран предназначен для чтения, если вспомнить, что имеются экземпляры, письмо которых может быть разобрано лишь с помощью увеличительного стекла. Не менее понятно, когда мы встречаемся с любовными или винными стихами, начертанными на стенках сосудов, служивших для распивания напитков. Они тут уместны, и чтение их не представляет трудностей. Менее понятно, когда стихи из Шахнамэ, рассказывающие об охоте Рустема на онагров, появляются на кувшине вместе с любовными четверостишиями и поучениями, причем ни между собой, ни тем более с назначением кувшина эти стихи никак не увязываются. Однако кувшин можно взять в руки, повертеть в нужном направлении и прочитать записанные на нем, пусть даже в ненормальном положении, стихи.[1] Но с изразцами можно поступать таким же образом только до того, как они попали на стену, и в таком случае читателями надписей на них могли бы являться или ремесленники, работавшие на укладке и облицовке стен, или носильщики и перевозчики, транспортировавшие их, грамотность которых может быть более чем подвергнута сомнению. Помимо этого требуется, чтобы у этих людей могли явиться досуг и охота заниматься чтением надписей во время работы, что тоже мало вероятно.

Что же заставляло в таком случае художников-керамистов украшать стихами изразцы?

Не исключена возможность, что в надписях на изразцах нашел в известном смысле отражение производственный процесс. Ремесленники часто поют за работой и очень вероятно, что стихи на изразцах и других изделиях фиксируют те мотивы, которые были наиболее распространены среди ремесленников и распевались ими за работой. Тематика стихов, психология и настроение, отразившиеся в них, не исключают вовсе этого, тем более что в надписях наблюдается частое повторение одних и тех же мотивов. Однако не все записанные тексты могли распеваться. Выше указывалось, что на изразцах встречаются поучения и афоризмы, не всегда укладывающиеся в стихотворные размеры, что же касается стихов из Корана, то трудно допустить, чтобы они были переложены на мелодии. Кроме того, художник мог записывать то, что он при этом пел, лишь в том случае, если он начертывал стихи скорописью. Между

[1] См. широко известный, выставлявшийся многократно на выставках, датированный люстровый кувшин из коллекции Годман (Godman), о котором имеется столько упоминаний в литературе, но ни слова не сказано о записанных на нем стихах. Часть стихов читается при опрокинутом положении кувшина. Последнее по времени упоминание с воспроизведением см.: Survey of Persian Art, vol. II, London — New York, 1938, стр. 1584, 1587, 1674; vol. V, 1939, pl. 718 B.

тем многие надписи исполнялись сложным путем в два приема, при первоначальной поливке (резервом) и при покрытии люстром (обводкой контуров), что никак нельзя увязать непосредственно с пением за работой.

Некоторый свет на поставленный выше вопрос могут пролить не фигурные, а прямоугольные изразцы, из которых укладывались на стенах не панно, а фризы. В отличие от более обычных фризов со строительными, посвятительными или благословительными надписями, приводимые ниже изразцы являются звеньями от фризов с поэтическими текстами. Все эти тексты относятся к Шахнамэ, что объясняется не намеренным их подбором, а характером имеющегося в наличии материала. Последний расположен по ходу поэмы.

1. Изразец из альбома фотографий, случайно приобретенного сотрудником Государственного Эрмитажа профессором Э. К. Кверфельдтом (рис. 1). Надпись рельефная, в эпиграфически-строгом стиле, с диакритическими точками и огласовками. Характер надписи, так же как рельефный орнамент в бордюре, являющийся подражанием почти квадратному куфическому письму, и несколько реалистическая трактовка фона (растущие вверх побеги и фигура птицы в центре) дают основание отнести изразец к концу XIII в.

Текст: خُداوَند رُو...

Это начало второй мисры второго бейта из „Вступления“ к поэме, два начальных бейта которого приводятся полностью:

بنام خداوند جان و خرد * کزین برتر اندیشه بر نگذرد
خداوند نام و خداوند جای * خداوند روزی ده رهنمای

‘Во имя владыки души и разума, выше [представления] о чем не поднимается мысль,
Владыки имени и владыки места, владыки, дарующего дневное пропитание и указующего путь’.

2. Нижняя часть изразца из собрания Музея восточных культур в Москве (рис. 2). Надпись рельефная, несколько манерного характера, с верхними диакритическими точками. Распространенный для третьей четверти XIII в. тип.

Текст: ...ز کور دند

Это окончание одного из первых бейтов (пятого или шестого, в зависимости от варианта) первой главы из сказания о Сохрабе. Начало главы приводится по наиболее краткому варианту, часто повторяющемуся на фигурных изразцах и на других глиняных изделиях и представляющему более надежную редакцию.[1]

[1] Отрывкам из этой главы, как и из других мест сказания о Сохрабе, записанным на изразцах и на других глиняных изделиях, в дальнейшем будет посвящена специальная статья. — Сличите: Вуллерс (J. A. Vullers. Firdussi liber regum... Schahname, Leyden, 1877) — I (или тегеранское переиздание Ferdowsi's Shahnameh, Teheran, 1934 г. — II), стр. 434; Моль (J. Mohl. Le livre des rois par Abou'l-Kasim Firdousi, Paris, 1838) — т. II, стр. 74; Макан (T. Macan. The Shah Nameh... by Abool Kasim Firdousee. Calcutta, 1829) — т. I, стр. 316.

ز موبد برین گونه داریم یاد * کی رستم بر آراست از بامداد
غمی بد دلش ساز نخچیر کرد * کمر بست و ترکش پر از تیر کرد
سوی مرز توران بپیمود راه * چو شیری کی باشد دژم کینه خواه
چو نزدیکئ مرز توران رسید * بیابان سراسر پر از گور دید

'Так храним мы в памяти со [слов] мобеда, что Рустем [однажды] поднялся поутру
С огорченным сердцем [и] собрался на охоту; надел пояс и наполнил колчан стрелами.
В сторону туранской земли направил [свой] путь, подобно льву, когда тот бывает разъярен и ищет мести.
Когда он достиг пределов туранской земли, увидел, [что] степь от края до края полна онагров'.

3. Правая часть изразца из Музея керамики в Кускове под Москвой (рис. 3). Надпись рельефная, характера скорописи, с диакритическими точками и огласовками. Орнаментовка, характерная для третьей четверти XIII в.

Текст: ... تَنی هَ

Это фрагмент из продолжения той же главы. Текст, как и в первом случае, восполняется согласно варианту, обычно повторяющемуся на фигурных изразцах и на других глиняных изделиях:

بتیر و کمان و بگرز و کمند * بیفکند بر دشت نخچیر چند
زخاشاک وز خار و شاخ درخت * یکی آتشی بر فروزید سخت
چو آتش پراگنده شد پیلتن * درختی بجست از در باب زن
یکی نرّه گوری بزد بر درخت * کی در چنگ او پر مرغی نسخت
چو بریان شد ازهم بکند و بخورد * ز مغز استخوانش بر آورد گرد
بخفت و بر آسود از روزگار * چمان و چران رخش در مرغزار
سواران ترکان تنی هفت هشت * برین دشت نخچیرگان بر گذشت

'С помощью лука со стрелами, палицы и аркана он повалил в степи некоторое [количество] дичи
[И] развел из хвороста, терновника и валежника [большой] костер.
Когда пламя рассеялось, Слонотелый отыскал дерево для вертела
[И] насадил на него целого онагра-самца, который в его руке не весил и птичьего пера.
Когда [онагр] прожарился, богатырь разорвал его [на куски] и съел, извлекши [даже] мозг его костей.
[Потом] прилег и предался отдыху от [превратностей] судьбы, [оставив] Рахша пасущимся на лугу.
Турецкие всадники, семь-восемь душ, проезжали по тому [же] полю охоты...'

Рис. 1. Изразец из альбома фотографий Государственного Эрмитажа.

Рис. 2. Обломок изразца из Музея восточных культур (Москва).

Рис. 3. Обломок изразца из Музея керамики в Кускове (под Москвой).

Рис. 4. Изразец из коллекции Келекиана.

Рис. 5. Изразец из собрания Британского музея.

Рис. 6. Изразец из коллекции Годман.

Рис. 7. Изразец без верхней части (отбита) из коллекции Годман.

Как видно по этим двум разнотипным изразцам, надписи содержали не только сцену охоты Рустема, но и сцену похищения Рахша турецкими всадниками. Трудно допустить, чтоб они не имели дальнейшего продолжения, как это наблюдается на фигурных изразцах, и обрывались на моменте, когда проснувшийся Рустем оказался один в степи без коня, под тяжестью доспеха. Это может дать представление о том, каких размеров могли достигать фризы с поэтическими отрывками.

4. Изразец из коллекции Келекиан (Kelekian), воспроизведенный в каталоге Мюнхенской выставки 1910 г. (рис. 4).[1] Сюжет на изразце представляет своеобразное преломление легенды о Феридуне. Последний изображен со своей бычеголовой булавой в руке отправляющимся верхом на вскормившей его пятнистой корове, повидимому, войной на Зоххака, хотя к тому времени, согласно легенде, корова-кормилица была уже убита. Надпись исполнена калемом, снабжена диакритическими точками и местами также огласована. Характер письма ранний. Известная реалистичность в передаче росписи и отдельные ее детали дают основание отнести изразец, более точно, чем это указано в каталоге выставки (13 Jahrhundert), к третьей четверти XIII в.

Текст:

سبهر اندر ان جادر قمرکوُن * تو کفتی شدستی بحواب اندُرون
زمین را دل از خویشتن دو هراس * جوس دو کشیده نکهبان باس

Это бейты из вступления к сказанию о Бижане и Манижэ (по порядку 11-й и 12-й). Поскольку в них имеются небольшие расхождения с обычным текстом, последний приводится в несколько расширенном виде по изданию Вуллерса (вып. III; тегеранское переиздание, вып. IV, стр. 1065—1066), со сличениями, отмеченными ниже:

[10] فرو مانده گردون گردان بجای * شده سست خورشید را دست و پای
[11] زمین[2] زیر آن[3] چادر قیرگون * تو گفتی شدستی بخواب اندرون
[12] جهانرا دل از خویشتن پر هراس * جرس بر گرفته[4] نگهبان پاس
[13] نه آوای مرغ و نه هرای دد * زمانه زبان بسته[5] از نیک و بد
[14] نبد هیچ پیدا نشیب و[6] فراز * دلم تنگ شد زین[7] درنگ دراز

Сличение с рукописями и изданиями

Рукописи: Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, датированная 1333 г. Д 329 — л. 128 об. (I); Института востоковедения Академии Наук СССР: начала XV в. С 52 — л. 36 об. (II); датированная 1445 г. С 1654 — л. 131 об. (IV); середины XV в. D 14 — л. 90 об. (V);

---

[1] Die Ausstellung von Meisterwerken Muhammedanischer Kunst in München 1910, München, II B., 1912, Tafel 110.

[2] V, VI, VII так же, как на изразце — سپهر. [3] II — اندر آن. [4] II, V, VI, VII так же, как на изразце بر کشیده. [5] C — بست. [6] I, IV, VI, VII — از. [7] I, II, IV, V, VI — زان.

середины XV в. С 822 — л. 184 об. (VI) и датированная 1524 г. D 184 — л. 222 об. (VII).

Издания: Моль — т. III, 292 (Р), Макан — т. II, 754 (С).

Сличение показывает, что рукописи V, VI и VII приближаются к записи на изразце, но полного совпадения между ними нет.

Перевод:

[10] 'Застыл на месте вращающийся свод [и] ослабли у солнца руки и ноги.

[11] Земля (на изразце: небесная твердь) под тем покрывалом цвета смолы, ты сказал бы, погрузилась в сон.

[12] У мира (на изразце: у земли) сердце преисполнилось ужаса за себя [самое] и ночной страж схватился за (на изразце: извлек) колокольчик.

[13] [Не слышно стало вокруг] ни птичьих голосов, ни криков зверей. Судьба сомкнула уста [и не предвещала] ни доброго, ни злого.

[14] Не различить было низин от высот [и] сердце мое сжалось от этого долгого оцепенения'.

В описании картины замершей вселенной есть определенная последовательность, которая прослеживается в постепенном переходе от высшей сферы до непосредственного окружения поэта. Эта последовательность сохранена в записи на изразце (высший свод, небесная сфера, земля), но нарушается в других вариантах (высший свод, небесная сфера, мир — по рукописям V, VI и VII; высший свод, земля, мир — по остальным спискам). В последних двух вариантах 12-й бейт вообще неубедителен; картина мира, пришедшего в ужас за свою судьбу, не внушает доверия в данном контексте, и непосредственный переход от мира к ночному сторожу не представляется последовательным. Между тем в записи на изразце картина приобретает ясность: земля под застывшим небесным покровом пришла в ужас за самое себя, и н а х о д я щ и й с я н а н е й сторож взял в руки колокольчик.

Высказанные соображения дают основание видеть в записи на изразце более надежный текст, чем во всех привлеченных для сличения списках, несмотря на их очень солидный возраст.

5. Изразец из собрания Британского музея, воспроизведен в каталоге коллекции Годман (рис. 5).[1] Он датируется XIII веком. Неясность воспроизведения, скрывающая детали, лишает возможности судить уверенно о времени его изготовления. Покрывающие изразец орнаменты имеют близкие параллели на бронзовых кувшинах второй половины XII в., однако могут быть сопоставлены также и с каменными рельефами XIV в. Надпись с редкими диакритическими

[1] H. W a l l i s. Persian Ceramic Art. London, 1894, стр. 5, рис. 11, описание на стр. XXVI.

точками скорее раннего характера. Как и все орнаменты, она рельефная и заключена в фигурную арочку.

Текст: ر کنون خورد باید می خوش‌کوار

Это начало лирического отступления, предшествующего повествованию о борьбе Исфендиара с Рустемом (Тегеранское переиздание — VI, 1630; Моль — IV, 560; Макан — III, 1159):

کنون خورد باید می خوشگوار * که می بوی مشک آید از جویبار

'Теперь [настала пора, когда] нужно пить приятное на вкус вино, так как от берега ручья доносится запах мускуса'.

6. Изразец из коллекции Годман (рис. 6).[1] Надпись рельефная, с диакритическими точками и декоративными огласовками. Тип распространенного в третьей четверти XIII в. изразца.

Текст: ... د کیر هشیوار و سا ...

Это отрывок из окончания шестого собеседования Ануширвана с Бузурджмихром, который в целом имеет следующий вид (тегеранское переиздание — VIII, 2393; Моль — VI, 286; Макан — IV, 1676):

خردمند باید که باشد دبیر * همان بردبار و سخن یادگیر

هشیوار و سازندهٔ پادشا * زبان خامش از بد بتن پارسا

'Дебир должен быть разумным, терпеливым и памятливым, Внимательным и угодным царю, молчаливым относительно дурного и телом воздержанным'.

7. Фрагментированный изразец из коллекции Годман (рис. 7).[2] Датируется XIII веком, однако возможность отнесения его к концу XII в. не исключается. Надпись рельефная, с верхними диакритическими точками.

Текст: خورشید روشن

Это сочетание, укладывающееся в размер мутакāриб, с достаточной долей вероятности может быть отнесено к тому же Шахнамэ, в котором оно встречается три раза.

Первый случай: Вуллерс — II (Тегеранское переиздание — III), стр. 793; Моль — II, 592; Макан — II, 566:

برفتند یکسر چو کوه سیاه * نتابید خورشید روشن نه ماه

'Они отправились вместе подобно черной горе, [так что не стало видно] ни сияния ясного солнца, ни луны'.

Второй случай: Тегеранское переиздание — IX, 2695; Моль — VII, 32; Макан — IV, 1878:

گر ایزد بخواهد من از کین شاه * کنم بر تو خورشید روشن سیاه

---

[1] Воспроизведен в том же каталоге, стр. XVI, табл. V. См. также: Survey of Persian Art, vol. V, London and New York, 1939, табл. 725 A.

[2] Воспроизведен в том же каталоге, стр. XVII, табл. IX.

'Если Изад захочет, я в отместку за шаха зачерню над тобой ясное солнце'.

Третий случай: Тегеранское переиздание — IX, 2787; Моль — VII, 170; Макан — IV, 1941:

چو خورشید روشن بیاراست گاه * طلایه بیامد ز نزدیک شاه

'Когда ясное солнце расцветило [свой] трон, Тилайэ явился от шаха'.

В отличие от надписей на фигурных звездообразных и крестовидных изразцах, не могущих быть предназначенными непосредственно для чтения, рассмотренные образцы, напротив, созданы специально для чтения. Это подтверждается не только нормальным положением их на изразцах, но и тем, что в пяти из рассмотренных семи случаев (1, 2, 3, 6 и 7) надписи играют главенствующую роль, и изразцы существуют лишь постольку, поскольку они служат основой и фоном для них. В двух остальных случаях значение надписей несколько иное: на 5-м изразце надпись своим положением и размером как бы равнозначна орнаментам, так же рельефно выполненным, как и она, и, наконец, на 4-м она выделена в узкий пояс в нижней его части и очень напоминает как своим положением на изразце, так и графически надписи, исполненные по краям фигурных изразцов.

Не имеем ли мы тут, если говорить о преемственности явления, а не о хронологической последовательности рассмотренных образцов, общей линии постепенного перехода надписей, содержащих литературные отрывки, от прямоугольных фризовых изразцов к фигурным изразцам, предназначенным для облицовки стен сплошными панно.[1] Это предположение подкрепляется тем обстоятельством, что тексты, записанные на четырех изразцах из рассмотренных семи (1, 2, 3 и 5), неоднократно повторяются в записях на разнотипных в отношении росписей фигурных изразцах и, если судить по аналогиям, возможность обнаружения на них остальных трех выдержек вполне вероятна. Последовательность перехода надписей, содержащих поэтические отрывки, с прямоугольных изразцов на фигурные можно проследить и в том, что последние часто напоминают собой отдельные звенья фриза; известно много случаев, когда надпись, представляющая связный текст, не обрывается бесследно на первом изразце, а продолжается последовательно на втором, третьем и следующих экземплярах. Такое явление не могло бы возникнуть непосредственно на фигурных изразцах, если бы соответствующая традиция не была выработана на фризовых надписях.

---

[1] Датировка рассмотренных образцов как будто противоречит этому предположению. Все они отнесены к XIII в., а часть из них (2, 3, 4 и 6) более точно — к третьей его четверти. Однако эта датировка в известной мере условна. Не следует ли впредь при датировке изразцов считаться также с наблюденным явлением? Если принять во внимание, что, повидимому, некоторые типы изразцов проявляют известную устойчивость во времени, не исключена возможность того, что часть рассмотренных образцов может быть отнесена к более раннему периоду, тем более, что рельефные изразцы отливались в формах и многократно повторялись.

Каковы же могли быть причины, способствовавшие возникновению этой традиции? Наличествующий материал недостаточно освещает этот вопрос, но, тем не менее, дает основание наметить путь к его разрешению.

Появление изразцовых фризов с надписями как повторение фризов, вырезавшихся первоначально в камне или выкладывавшихся в кирпиче, едва ли может подвергаться сомнению. Однако появление поэтических надписей на фризах должно быть объяснено как параллель к этой же традиции. В отличие от каменных и кирпичных фризов, которые содержали преимущественно официальные надписи и помещались на наружных стенах зданий, изразцовые фризы служили также для украшения внутренних стен и могли носить на себе менее официальные и более бытовые и интимные надписи. Поэтому вовсе не исключается возможность того, что фризы с популярными поэтическими отрывками могли появиться впервые в виде наборов изразцов в дворцовых постройках или в жилых помещениях привилегированных кругов и, входя в практику, постепенно сложиться в распространенный обычай. И только как дальнейшее развитие этого обычая прием украшения изразцов надписями, содержащими поэтические отрывки, мог быть перенесен в упрощенном виде, уже не в технике рельефа, а в технике росписи, с фризов на панно.[1]

Надписи на изразцах, предназначавшихся для панно, двоякого рода: одни, исполнявшиеся, как было отмечено выше, более сложным приемом, — крупного размера и напоминают собой рельефные надписи на фризовых изразцах, другие, более упрощенные, наносились просто калемами и представляют обычную скоропись с несколько своеобразными лигатурами. И те и другие появляются почти одновременно на рубеже XII и XIII вв. и продолжают существовать параллельно друг другу в основном до середины XIV в. Ни те, ни другие не предназначались непосредственно для чтения и могли являться лишь пережитком традиции, идущей с фризов. Таким представляется путь появления надписей с поэтическими отрывками на фигурных изразцах.

Что же касается вопроса о появлении на тех же фигурных изразцах других поэтических текстов, в частности руба̄ʿӣ, то он не может быть объяснен только как прямой результат той же самой традиции и должен решаться также в другой связи, прежде всего в связи с надписями на глиняных сосудах. Тогда выяснится место и тех надписей на этих сосудах, которые содержат или одни поэтические отрывки, как это наблюдается на люстровом кувшине из собрания Музея Грузии, или же поэтические отрывки в сочетании с руба̄ʿӣ и с отдельными бейтами, как это было отмечено выше в отношении датированного люстрового кувшина из коллекции Годман. Одновременно может быть поставлен вопрос и о стиле рассматриваемых надписей, который остался незатронутым в настоящей статье.

---

[1] Из этого соображения не следует делать прямого заключения о том, что фигурные изразцы вообще появились после прямоугольных изразцов.

И. М. ЛУРЬЕ

ПОУЧЕНИЕ АМЕНЕМХЕТА I В ОСТРАКОНАХ МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Среди неопубликованных остраконов Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, происходящих из коллекции В. С. Голенищева, мне удалось обнаружить два фрагмента, содержащих отрывки из так называемого „Поучения царя Аменемхета I“. Несмотря на незначительный размер этих остраконов, сам факт появления новых экземпляров одного из интереснейших произведений древнеегипетской литературы представляет такой несомненный интерес, что делает необходимым их опубликование.

Первый фрагмент — это глиняный черепок (по Голенищевской описи он имеет № 4468), имеющий в высоту 10.8 см и в ширину 13.5 см. Иератическая надпись на одной стороне остракона настолько выцвела, что уже не читается; на другой стороне сохранились части четырех строк, из которых две нижних написаны более крупным почерком (рис. 1а). К сожалению, в первых и в последних строках этой надписи имеются только два одинаковых знака, поэтому представляется затруднительным решить вопрос, была ли она выполнена одним или же двумя писцами. Впрочем, поскольку по своему содержанию надпись едина, более вероятно предположение, что она написана одной рукой, но, может быть, не в одно время.

Вот ее перевод:[1]

[Я совершил поход] до Элефантины, я прошел до Дельты.
[Я стоял на] границах земли и наблюдал[2] ее объем.[3]
[Я завоевал (ее)] целиком силой и моим оружием[3] [и своим образом].
[Я создающий] зерно, как[4] возлюбленный Неп[ери]'.[5]

---

[1] Надпись соответствует строкам II_{10-11} папируса Миллинген. Отсутствующие в данном остраконе части строк переведены по другим экземплярам текста; они заключены в квадратные скобки. Весьма любопытно, что только слова, отсутствующие в первых двух строках этого остракона, сохранились на остраконе Каирского музея 25233 (G. Daressy. Ostraca, Catalogue général du Musée du Caire, 1901, стр. 51). Поэтому невольно возникает вопрос, нет ли ошибки в указании Дарести о том, что каирский фрагмент написан на известняке и не имеем ли мы дело с двумя частями одного текста?

[2] Орфография слова совпадает с той, что в папирусе Саллье.

[3] Орфография совпадает с той, которая встречается в папирусах Саллье и в берлинском.

[4] Имеющийся здесь предлог *m* отсутствует во всех основных списках „Поучения“.

[5] Бог зерна.

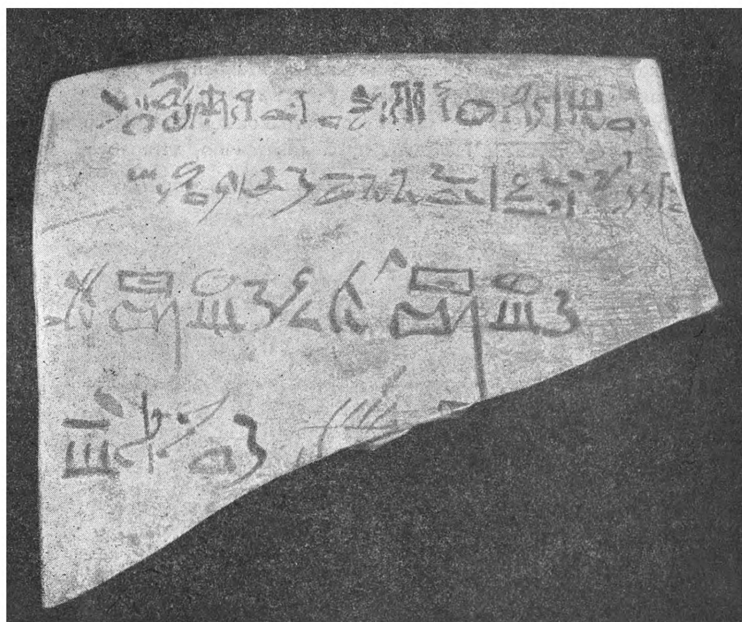

Рис. 1а. Остракон Музея изобразительных искусств, № 4468.

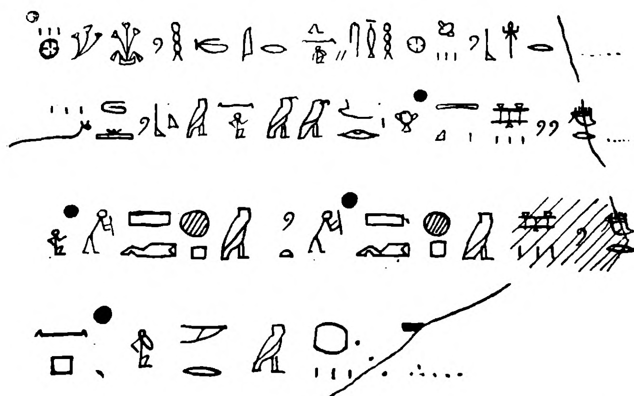

Рис. 1б. Транскрипция остракона Музея изобразительных искусств, № 4468.

Этот отрывок, следовательно, относится к той части „Поучения Аменемхета I“, в которой восхваляется фараон как восстановитель единства страны и как устроитель ее внутреннего благополучия.

Палеографически почерк публикуемого остракона ближе всего к почерку известных писцов Инена и Пентаура и, следовательно, датируется временем Мернептаха-Сети II: в этом не оставляют сомнений формы знаков и .

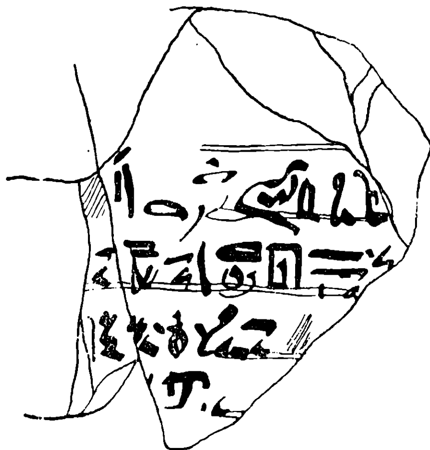

Рис. 2а. Остракон Музея изобразительных искусств, № 5518.

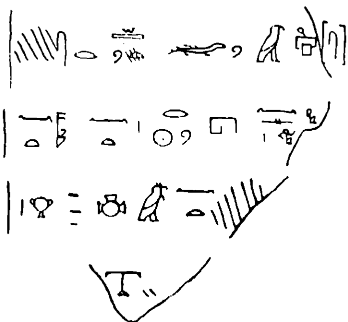

Рис. 2б. Транскрипция остракона Музея изобразительных искусств, № 5518.

Вместе с тем написание знаков и несколько отличается от их нормального очертания; мне кажется, что это выдает неумелую руку ученика, не привычную еще к правильному написанию этих сравнительно редких знаков.

Эти особенности почерка, равно как совершенно произвольное размещение красных точек, не оставляют никаких сомнений в том, что данный остракон является образцом школьного упражнения, а отмеченные выше орфографические особенности текста говорят, что в основе данной записи лежит список, близкий к той версии, что отражена в папирусе Саллье. Заметим, что точка поставлена правильно только в конце 1-й строки. Особенно странно она помещена в 3-й строке, где она отделяет слово от поясняющего его детерминатива. Нельзя ли объяснить это странное размещение точек, не раз встречающееся и во многих других памятниках, для которого еще не было предложено какого-либо толкования, тем, что их употребляют и для обозначения конца строки в том оригинале, откуда списано упражнение?

Второй остракон (по Голенищевской описи 5518) представляет собой обломок известняка шириной в 12.5 см и высотой в 7.3 см, на котором сохранились незначительные части четырех строк иератической надписи, размещенных между красными линиями (рис. 2а и 2б).

Сравнение надписи этого остракона со списками папирусов Миллинген и Саллье[1] показывает, что каждая его строчка вмещала не менее двух строк нормального папирусного столбца и, следовательно, в целом виде остракон имел в ширину около 70 см.[2]

Ниже дается перевод той части „Поучения Аменемхета", к которой относятся сохранившиеся слова публикуемого остракона (в переводе они выделены курсивом).

'Начало наставления, которое сделало величество царя Верхнего и Нижнего Египтов Схотепибра, сын Ра, Аменемхет, правогласный, которое он сказал как послание истинное своему сыну, владыке всего. Говорит он:

„Воссияй как бог! Слушай то, что я сказал тебе:
Когда ты будешь царствовать (над) землей, когда ты будешь управлять берегами,
Да будешь ты счастливее (чем я).
Остерегайся подданных, чтобы не случилось того, о подготовке чего не думали.
Не приближайся к ним один, не доверяй своему брату,
Не знай друга, не делай себе наперсников — это бесполезно!
Когда ты спишь, береги себе сам твое сердце (т. е. жизнь),
Ибо нет подчиненных *человека в день несчастья.*
Я давал бедняку, я возвеличивал малого.
Я давал достигать меня (т. е. принимал) ничтожному, подобно тому, кто есть (нечто).
И вот тот, кто вкушал мою пищу, сделал возмущение;
Тот, кому я давал руку, учинил заговор против меня;
Тот, кто надевал мои лучшие одеяния, посмотрел на меня как на тень;
Тот, кто умащался моей *миррой*, возлил мне из-за этого воду (т. е. как покойнику).
Изображения мои и ожерелья делились меж людей,
Обещавших мне верность (букв. „память"), о которой еще не слыхивали,

[1] Слова, сохранившиеся на этом остраконе, соответствуют следующим строкам папирусов Миллинген (М) и Саллье (С)

$1 = M\ I_3$ и $C\ II,\ 10_2$ $2 = M\ I_{5-6}$ и $C\ II,\ 10_{4-5}$
$3 = M\ I_8$ и $C\ II,\ 10_8$ $4 = M\ I_{11}$ и $C\ II,\ 10_9$

[2] Напомню, что остракон с текстом приключений Синухета, найденный в гробнице Сеннеджема, имеет в ширину 1 м 06 см, а в высоту 22 см. См.: G. Daressy. Ostraca, стр. 46—47.

И такое большое сражение, которое еще не видывали.
Когда же сразились на поле боя, то позабыли вчерашнее,
Не отплатили (за) добро, забыли (о чем должны были) помнить.
Это (было) после ужина, когда настала *ночь;* взял я себе час отдохновения
И лежал я на ложе своем, (ибо) я устал, и начало мое сердце следовать сну,
Когда зазвенело оружие. Позаботился обо мне начальник (стражи),
Другие же поступили подобно змеям пустыни...'

Таким образом, этот фрагмент является частью остракона, на котором было записано не менее $^1/_3$ текста „Поучения", а если предположить, что ниже шло еще 7—8 строк, то остракон содержал, может быть, весь текст.

Других примеров аналогичного размещения горизонтальных строк иератического текста между красными линиями мне не припоминается. Объясняются они, я думаю, тем, что остракон предназначался для школьника, еще не научившегося правильно располагать строки на гладком поле остракона.

Судя по почерку, и эту надпись следует датировать временем второй половины XIX династии.

Таковы два остракона Музея изобразительных искусств, содержащие отрывки из „Поучения Аменемхета I". Они умножают уже известное и притом весьма большое число фрагментов этого текста „самого распространенного после книги Мертвых памятника"[1] и заставляют задуматься над причиной той огромной популярности, которой пользовалось это произведение во времена Нового Царства. Насколько эта популярность была действительно велика, показывает не только количество дошедших до нас копий, но и то, что во времена XX династии ее автор — им был писец Ахтой, написавший это поучение от имени царя, „когда он (т. е. фараон Аменемхет I) упокоился и воссоединился с небом",[2] — причислялся к прославленнейшим мудрецам, чьи творения лучше увековечили их имена, чем „постройка дома, чем молельня на Западе (т. е. в некрополе), ...чем учреждение крепости, чем стела в храме".[3] Дать исчерпывающее объяснение этой популярности может, пожалуй, только специальное изучение всей идеологии того времени. Могу поэтому лишь высказать самые предварительные соображения.

Повидимому, деяния фараона — основателя XII династии — периода, когда Египет достиг небывалого ранее расцвета и могущества, излагались в „Поуче-

---

[1] Б. А. Тураев. Египетская литература, т. I. М., 1920, стр. 77—78. В настоящее время число известных копий этого текста еще возросло. См. об этом в литературе, указанной в последнем критическом издании текста (E. Volten. Zwei altägyptische politische Schriften. København, 1945, стр. 104 и сл.), а также оставшиеся ему не известными остраконы, найденные в гробнице Сенмута: W. Hayes. Ostraca and Name Stones from the tomb of Sen-Mut. New York, 1942, стр. 28.

[2] Папирус Честер-Бити, IV, 6. Повидимому, это то же лицо, которому принадлежит дошедшее до нас также в большом количестве списков „Поучение Ахтоя, сына Дуау".

[3] Папирус Честер-Бити, IV, 3_{1-5}.

нии“ так, что они были созвучны настроениям, царившим в правивших слоях египетского общества времени Нового Царства, когда в результате царских походов утверждалось египетское господство над соседними странами, а знать и храмы богатели. И, может быть, слова концовки поучения „Вот, сделал я начало, ты закрепишь конец“, сказанные собственно по адресу Сенусерта I, могли, в эти времена, восприниматься как прорицание о деятельности царей-воителей Нового Царства.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ТРИ УРАРТСКИЕ НАДПИСИ НА БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТАХ ИЗ ТЕЙШЕБАИНИ (КАРМИР-БЛУР)

При раскопках развалин древнего урартского города Тейшебаини (Кармир-блур, около Еревана) в 1940, 1947 и 1948 гг. и исследовании дворца урартского правителя были найдены бронзовые предметы с посвятительными надписями урартских царей VIII в. до н. э. Аргишти, сына Менуи, и Сардура, сына Аргишти.

Привожу текст и перевод этих надписей.

1. Двустрочная надпись на борту щита (найден в 1940 г., надпись обнаружена в 1946 г. после удаления коррозии):

(а) [illegible]

(б) [illegible]

(а) ^{m}Ar-$\check{g}$i-iš-ti-ni-i ú-ri-iš-ḫu-si-ni-i ^{m}Me-nu-a-ḫi-ni-i i-ni a-še ^{m}Ar-gi-iš-ti-ni ^{m}Me-nu-a-ḫi ŠARRU DANNU ŠARRU al-su-i-ni ŠARRU ^{mât}Bi-i-a-na-ú-e a-lu-si ^{âlu}Ṯu-uš-pa patari

(б) ^{d}Ḫal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^{m}Ar-$\check{g}$i-iš-ti-še ^{m}Me-nu-a-(ḫi)-ni-še uš-tú-ni ^{d}Ḫal-di-ni-ni al-su-i-ni ^{m}Ar-$\check{g}$i-iš-ti-ni ^{m}Me-nu-a-ḫi ŠARRU DANNU ŠARRU al-su-i-ni ŠARRU ^{mât}Bi-i-a-na-ú-e a-lu-si ^{âlu}Ṯu-uš-pa patari

(а) 'Из Аргишти оружия, сына Менуи, этот щит. Аргишти, сын Менуи, царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, князь города Тушпы'.

(б) 'Богу Халду, владыке, этот щит Аргишти сын Менуи подарил. Бог Халд великий, Аргишти, сын Менуи, царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, князь города Тушпы'.

Перевод надписи не представляет никаких затруднений, за исключением начальных слов надписи *a*, где слово uriš — ḫusini стоит между именем и отчеством царя. Такая расстановка слов была, вероятно, вызвана желанием начать надпись именем Аргишти.

2. Надпись на нижней части бронзового шлема, украшенного изображениями священных деревьев, всадников и боевых колесниц (раскопки 1947 г.):

^{d}Ḫal-di-e e-ú-ri-e i-ni [KUBŠU? ^{m}SA]R_6-du-ri-še ^{m}Ar-giš-ti-ḫi-ni-še uš-tú-ni ul-gu-ši-ia-ni e-di-ni

'Богу Халду, владыке этот [шлем С]ардур, сын Аргишти, подарил благополучия ради'.

3. Надпись у верхнего края бронзового колчана, украшенного изображениями всадников и боевых колесниц (раскопки 1948 г.):

^{d} Ḫal-di-e EN-ŠÚ ^{m}SAR-$_6$du-ri-še NIG-BA

'Богу Халду, владыке мира, Сардур подарил'.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Эпиграфика, наряду с другими вспомогательными историческими дисциплинами, до сих пор не всегда пользуется должным признанием со стороны историков, работающих преимущественно над повествовательными источниками. Иногда случается, что к эпиграфисту применяют другую мерку, чем к историку, так как и материал его в глазах некоторых является второстепенным.

Очень показательно для характеристики такого взгляда резкое замечание, которое делает известный историк, археолог и эпиграфист Жан Соважэ в рецензии на ценную работу молодого арабского историка Ас'ада Таласа о дамасских мечетях (1943). Заканчивая свой обзор, он пишет:

„Имеется только один пункт, по которому я готов предъявить иск г. Талас, так как он обнаруживает ошибку метода: как большинство его соотечественников, он мало знаком с эпиграфикой, но не боится издавать надписи, хотя плохо подготовлен, чтобы их читать и правильно использовать. Этот недостаток обычен на Востоке, и поэтому я подчеркиваю его здесь: даже те, кто великолепно освоились с методами филологической критики, трактуют надписи с такой небрежностью, которая непременно скандализовала бы их самих, если бы оказалась примененной к литературному источнику; и все это лишь от недостаточно ясного понимания, что здесь мы стоим перед подлинными документами, настоящими первоисточниками, более заслуживающими доверия, чем лучшие авторы, текст которых мог быть жестоким образом искажен переписчиками рукописей. Среди надписей, которые опубликовал г. Т., очень мало таких, которые не требуют поправок: большинство обнаруживает небрежность дешифровки, допускает пропуски или исправления стиля согласно обычным нормам литературного языка. Исторические документы, которые трактуются таким образом, теряют значительную часть своей ценности. Необходимо, чтобы молодые работники на Ближнем Востоке, усилия которых привели уже к стольким счастливым результатам и от которых мы столько ожидаем в будущем, хорошо прониклись той истиной, что история основывается не только на книгах, но также на документах и надписях, что им поэтому необходимо научиться пользоваться теми средствами, которые предоставляет археология и эпиграфика для освещения прошлого их страны" (Journal Asiatique, t. CCCXXXIV, 1943—1945, стр. 321—322).

И. Кр.

ПАМЯТИ Ж.-Б. ШАБО

Седьмого января 1948 г. в почтенном возрасте 87 лет скончался в Париже крупнейший французский семитолог-эпиграфист Жан Батист Шабо, член-корреспондент нашей Академии Наук с 1924 г. (см. записку о его ученой деятельности, составленную акад. П. К. Коковцовым, в „Известиях Академии Наук" за 1924 г., № 12—18, стр. 555—

556). В области семитологии его интересы направлялись, главным образом, в сторону сирийской литературы, в частности историографии. Благодаря его открытиям и изданиям, в настоящее время все известные исторические хроники доступны науке; за год до смерти в небольшой брошюре „Мои хроники“ (Лувэн, 1947) Шабо как бы подвел итог своим работам в этой области, живо рассказав про сложные иногда обстоятельства, которые сопровождали его находки и издания. И в других областях сирийской литературы он сделал тоже немало, время от времени сводя воедино весь накопившийся материал. Его небольшая книжка — учебник „Сирийская литература“ (1934)— представляет полезное дополнение к известному своду Райта Коковцова (Краткий очерк сирийской литературы, СПб., 1902). Будучи первостепенным организатором, Шабо стал издавать с 1902 г. капитальную многотомную серию „Корпус христианских восточных писателей“, посвященную литературам сирийской, эфиопской, коптской и христиано-арабской. Он сумел объединить в этом предприятии крупнейших ориенталистов различных стран, и в издании памятников эфиопской литературы его энергичным сотрудником явился наш абиссиновед академик Б. А. Тураев.

Еще значительнее заслуги Шабо в области эпиграфики. Уже с 90-х годов XIX в. он принял близкое участие в фундаментальном предприятии, составляющем славу французской науки, „Корпус семитических надписей“. Издание было начато по инициативе Ренана в 1867 г.; первый выпуск вышел под его редакцией в 1881 г., и до конца своей жизни (1892) Ренан руководил всем предприятием. Показательно, что в одной из автобиографических заметок он писал: „Из всего, что мною создано, я больше всего люблю «Корпус»“. Его преемником явился археолог-эпиграфист де Вогюэ, работавший над арамейской частью „Корпуса“ уже с 1882 г. Он привлек к участию в 90-х годах Шабо, который стал душой всего предприятия, а с 1916 г., после смерти де Вогюэ, руководил изданием больше тридцати лет, в последние годы как старейший член Академии надписей. Его личным трудам особенно обязано опубликование арамейских, пальмирских и финикийских надписей. Он сумел оживить, параллельно с „Корпусом“, издание „Репертуар семитской эпиграфики“, введя в него близкую теперь к завершению южноарабскую часть, образцовую по выполнению, благодаря трудам бельгийца Рикманса. Еще более, чем во времена Ренана, „Корпус“ и „Репертуар“ в настоящее время являются необходимым „инструментом работы“ всякого семитолога и эпиграфиста. Близкими друзьями-современниками Шабо, поддерживавшими с ним научную связь до самой смерти, были наши академики П. К. Коковцов (ум. в 1942 г.) и Б. А. Тураев (ум. в 1920 г.). В сообщении о кончине Шабо один бельгийский ученый писал: „Он умер бедняком: его единственное богатство составляла библиотека, которую он завещал университету в Лувэне, и его научные труды, которые принадлежат духовному наследию человечества“.

И. Кр.

АРАМЕЙСКИЕ ДОКУМЕНТЫ АХЕМЕНИДСКОГО ЕГИПТА

Известный шведский семитолог и иранист, профессор в Упсале, Г. С. Нюберг (H. S. Nyberg) во время пребывания летом 1947 г. в Оксфорде имел возможность познакомиться с новой коллекцией арамейских документов на коже, издание которой подготовляется оксфордским семитологом Г. Р. Драйвером (G. R. Driver). Коллекция была приобретена у одного египетского антиквара швейцарским египтологом Борхардтом еще в начале 30-х годов и обрабатывалась семитологом Е. Миттвохом. Работа была прервана смертью последнего в 1942 г. в Англии, куда он был вынужден переселиться из Германии. Собрание содержит 14 документов, в большинстве очень хорошей сохранности, и хронологически относится к концу V в. до н. э., примыкая непосредственно ко времени знаменитых арамейских папирусов иудейской колонии в Элефантине, открытие которых в начале XX в. вызвало живой интерес в науке. Новые документы связаны с личностью бывшего персидского наместника в Египте Аршама, имя которого изве-

стно по элефантинским папирусам: они посвящены переписке по различным вопросам, касающимся его земельных владений в Египте. Обстоятельная статья Нюберга в шведской газете „Свенска Дагблядет" от 17 августа 1947 г. дает ясное представление о важности новой находки не только для семитского языкознания, но и вообще для всей культурной истории древнего Востока. Можно не сомневаться, что и в области палеографии новое открытие составит такую же эпоху, как в свое время находка папирусов из Элефантины, на которую живо откликнулась русская наука: помимо ряда специальных исследований П. К. Коковцова и Л. З. Мсерианца, им была посвящена прекрасная по своему времени научно-популярная книжка И. М. Волкова (1915 г).

И. Кр.

ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Хорезмийской археологической экспедицией АН СССР в 1940 г. были обнаружены на укреплении Чильпык надписи арабским алфавитом; на соседней возвышенности Кара Тюбе в числе арабских надписей прочтено имя хāна XVII в. и другие имена. Кроме того, в данном районе найдены пиктографические знаки, особенно на Кара Тюбе, которые проф. С. П. Толстов связывает с местным заупокойным культом и относит к бронзовому веку, с III до начала I тысячелетия (С. П. Толстов. К вопросу о протохорезмийской письменности. КСИИМК, вып. XV, М.—Л., 1947, стр. 33—42, рис. 17—22, I табл.).

В. К.

В „Бюллетене турецкого исторического общества" (Türk Tarih Kurumu) за июль 1947 (т. XI, вып. 43) в разделе „Информации" (стр. 566—570) помещен реферат Абдулькадира Инана статьи С. В. Киселева о раскопках на Алтае в 1935 г. (Советская археология, т. I). Особое внимание референт уделяет руническим надписям на вещах и дает турецкий перевод чтения С. Киселева.

В том же номере помещен перевод статьи Ив. Венедикова (Из „Бюллетеня болгарского Археологического института", т. XV, София, 1946) по поводу протобулгарской надписи на гранитной плите, найденной в 1945 г. и имеющей ближайшее отношение к тюркологии.

А. Б—в.

Благодаря работам двух экспедиций, снаряженных Институтом истории языка и литературы Туркменского филиала АН СССР в январе и феврале 1942 г., около средневекового пути из старого Мерва в Серахс, в Таш Рабате, были открыты руины города Данденакан. Вскрытые остатки соборной мечети дали разнообразную резную орнаментику из алебастра и надписи, часть которых, по определению проф. Б. Н. Заходера, содержит цитаты из Корана. Иллюстрации к статье С. А. Ершова „Данденакан" (КСИИМК, вып. XV, стр. 126—136, рис. 55—65), а именно рис. 59—62, выявляют богатство арабских декоративных алфавитов, позволяют уточнить датировку памятника V/XI в. и установить имя мастера. М. М. Дьяконов в заметке „О дате Данденаканской мечети" (КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 108) предпочитает датировку 490/1096—1097 г.

В. К.

Летом 1947 г. во время работ Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) под руководством проф. М. Е. Массона на городище „Новая Ниса" найдена „перламутровая раковина (с арабскими текстами). Напоминает гадательные приборы. В середине — магический квадрат с цифрами" (письмо М. Е. Массона от 22 января 1948 г. из Ташкента).

В. К.

Доклад В. А. Крачковской на объединенном заседании ИИМК АН СССР и ЛГУ в десятую годовщину со дня смерти Н. Я. Марра был посвящен „Арабской надписи из раскопок Н. Я. Марра в Ани" в 1907 г., найденной у ворот Вышгорода (напечатан в КСИИМК, вып. XV, М. — Л., 1947, стр. 15—26, рис. 2—3). В тексте обеих плит уста-

новлена родословная последнего представителя династии Шеддадидов, Кей Султана, имя которого в лапидарии Ани было зафиксировано только в указе на персидском языке с упавшего минарета.

В. К.

В статье Л. М. Меликсет-Бекова „Вишапы и вишапоиды в Грузии" (КСИИМК, вып. XV, М.—Л., 1947, стр. 27—37, с 15 рис.) опубликованы два вишапа, которые были использованы в качестве могильных плит. На одном вишапе (рис. 13) сохранилась часть грузинской надписи смешанным (церковным и гражданским) алфавитом, которая близка к надписи XII—XIII вв.; на другом вишапе — древнегрузинская надпись церковным алфавитом начала XIII в.

В. К.

Выпуск XV „Кратких сообщений ИИМК" (М.—Л., 1947, стр. 7—14) открывается не опубликованным ранее докладом акад. Н. Я. Марра об албанской надписи на камне, найденном в селении Орода (Дагестан) Н. Ф. Яковлевым летом 1923 г. (рис. 1).

В предисловии к напечатанному докладу акад. И. И. Мещанинов отметил наличие аналогичных памятников XIII—XIV вв. со знаками древнегрузинского письма в Дагестане. По определению проф. Н. Ф. Яковлева, исследованная Н. Я. Марром надпись представляет образец древнеаварской письменности.

В. К.

Фрагмент донышка селадонового блюда с китайской надписью, найденный в Сталинградском районе, Фрунзенской области Киргизской ССР издал А. Н. Бернштам (КСИИМК, XVII, 1947, стр. 12--13, рис. 7). По определению автора, фрагмент датируется XII—началом XIII вв. и происходит из района расселения китайцев на Беловодском городище.

В. К.

Селим Дж. Леви (Selim J. Levy) издал тексты двух цилиндров из музея в Ираке в журнале „Сумер" („Sumer"), т. III, № 1, январь 1947 г., стр. 4—18. Тексты повествуют о сооружениях Небухаднассара II в виде земляных насыпей и рвов, заполненных водой, с указанием протяжения валов, усиленных асфальтом и жжеными кирпичами. Валы были устроены от границ Вавилона до центра Киша и окружали город с крепкими набережными. Укрепления, согласно описанию, тянулись от берега Тигра до берега Ефрата, и издатель цилиндров предполагает, что они соответствуют „Мидийской стене".

В. К.

Открытию большого клинописного архива при раскопках в предместье Багдада посвящена заметка в „Вопросах истории" (кн. XII, декабрь, 1947, стр. 154).

В. К.

В предварительных отчетах о V—VIII археологических кампаниях в Дура Эуропос, изданных в 1934—1939 гг. (New Haven) под редакцией М. Ростовцева, некоторые главы посвящены восточной письменности, а именно: в „Отчете" о V кампании (изд. 1934 г.) глава X посвящена папирусам, глава XI—монетным находкам; глава XII „Отчета" о VI кампании трактует о пергаментах и папирусах, глава XIV—о монетах; глава X из „Отчета" о VII и VIII кампаниях содержит анализ монетных находок за 1933—1935 гг. и сопровождается топографической картой мест чекана; глава XI посвящена семитическим надписям.

В. К.

В 1939 г. совершено второе путешествие в Хадрамаут Д. ван дер Мейлен (D. van der Meulen); первое путешествие его имело место в 1931 г., описание было издано в 1932 г. На пространстве между Аденом и Хадрамаутом по сухому пути в непройденных европейцами ранее пунктах найдены доисламские надписи. Новая обширная монография Д. ван дер Мейлен „Aden to Hadhramaut. A Journey in South Arabia" (London, 1946, XVI + 254 стр.) посвящена этим открытиям. В периодической печати появилось несколько отзывов об этом издании: краткая рецензия А. Дж. Арберри (Luzac's Oriental List and Book Rewiew..., London, т. LVIII, № 2, апрель—июнь 1947 г., стр. 36); более обстоятельный разбор дал В. Тезигер (W. Thesiger. A New Journey In Southern Arabia, октябрь — декабрь, 1945, стр. 129—

145); краткие отзывы имеются в „Geographical Rewiew“ (New York, январь, 1948, стр. 146—148).

В. К.

В журнале „Артибус Азиэ“ („Artibus Asiae“, т. IX, 1946, вып. 4, стр. 318—319) Эдуард Эркес (Eduard Erkes) опубликовал вотивную стелу с китайской надписью из собрания Леман (Lehmann), которую автор датирует 556 г.

В. К.

В 1939 г. в Амброзианской библиотеке города Милан д—р Оскар Лёфгрен открыл отрывки весьма редкой арабской рукописи „Зоологии“ („Китаб ал-Хайаван“) ал-Джахиза, в количестве 87 листов крупного формата 4°, с 32 миниатюрами. Рукописи посвящено обстоятельное исследование автора открытия, миниатюрам — дополнительная заметка Карла Иоганна Ламм (Ambrosian Fragments of an illuminated manuscript containing the Zoology of al—Gahiz... edited by Oscar Löfgren, Ph. D. With a Contribution. The Miniatures: their Origin and Style by Carl Johan Lamm, Ph. D. Uppsala Universitets Arsskrift. Uppsala — Leipzig, 1949, 5).

Все миниатюры тесно связаны с четко написанным арабским текстом трактата; по сюжету большая часть изображает сцены из жизни животных, пять миниатюр изображают только человеческие фигуры. Стиль миниатюр, по мнению К. И. Ламм, приближается к манере группы миниатюр XIII—начала XIV в.

В. К.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБ — Г. В. Церетели. Армазская билингва.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ДАН-В — Доклады Академии Наук СССР — серия общественных наук.
ЗАН — Записки Академии Наук.
ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ЗРАН — Записки Российской Академии Наук.
ИАН — Известия Академии Наук СССР.
Изв АН Арм. ССР — Известия Академии Наук Армянской ССР.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
ИЯИМК — Институт языка, истории и материальной культуры (Тбилиси).
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
Летопись Сардури — Н. Я. Марр и И. А. Орбели. Археологическая экспедиция в Ван 1916 г. Пгр., 1922.
Ник. — М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья. Материалы по археологии Кавказа, V, 1896.
Ц. — Г. В. Церетели. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939.
AJSL — American Journal for Semitic Languages.
AOF — H. Winckler. Altorientalische Forschungen.
ARAB — D. D. Luckenbill. Ancient Records of Assyria and Babylonia. 1925—1927.
CICh — C. F. Lehmann-Haupt. Corpus Inscriptionum Chaldicarum. [№ относится к перечню текстов, помещенному в I. Textband].
EI — Enzyklopaedie des Islām.
HABL — R. F. Harper. Assyrian and Babylonian Letters; та же нумерация в издании транскрипций и перевода: L. Watermann. Royal Correspondence of the assyrian Empire.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society.
NE — M. Lidzbarsky. Handbuch der Nordsemitischen Epigraphik.
SBAW — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Wien.
SPA — A Survey of Persian Art from prehistoric times to the present. London and New York.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.
Z. f. Ethn. — Zeitschrift für Ethnologie.

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *А. А. Воробьева*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректор *Н. А. Малевич*

*

РИСО АН СССР № 3433. М-28969. Подписано к печати 17/X 1949 г. Печ. л. $6^{1}/_{4}$ + 12 вкл. Уч.-изд. л. 8,66. Тираж 1500. Зак. № 1414.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.

7 руб.